

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 11. Часть 1

(№58)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2022

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 7,375

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующей Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточно-европейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 11. Issue 1

(№58)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2022

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project. The mission of the journal is the consolidation of progressive forces, constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor,

Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

Shindel S.V., Semukhina E.A., Semyonova T.V.

The image of St. Anthony abbey in H. Böll's novel "billiards at half-past nine".....12

Pilyak S.A. State-confessional relations in the preservation of the temple heritage.....19

Shastina A.E. Global social space from
the perspective of the problems of poly-confessional and post-secularity.....23

CULTURAL STUDIES

Gavrilov D.M. Contemporary

artistic self-organizations in the regions of Russia.....30

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY: ACTUALITY AND INNOVATION

Danakin N.S., Safonov K.B., Litvinova G.A.

Humanity and functionality in development organizations: the possibility of consensus...38

Petrova S.I., Petrova I.F. The problem of social variability.....47

Andrievskaya Zh.V. National consciousness
in the context of modern global challenges.....55

Voznesenckiy I.S., Shastina A.E. Social risks of technosphere development.....60

Dmitrieva I.S. Sociocultural adaptation
of migrants: conceptualization, stages and their dynamics.....68

Lukinova I.A. Education as an existential value: philosophical reflections.....75

Popov S.I. «Forecourts» for Playing
the World and a «Crusade» against Philosophy.....82

Kannikin S.V. Metaphysical components
of the socio-cultural foundations of outstanding
sporting achievements of stayers from Kenya and Ethiopia.....93

Abstracts.....111

Authors.....117

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

<i>Шиндель С.В., Семухина Е.А., Семёнова Т.В.</i> Смыслообраз аббатства святого Антония в романе Г. Бёлля «бильярд в половине десятого».....	12
<i>Пиляк С.А.</i> Государственно-конфессиональные отношения в сохранении храмового наследия.....	19
<i>Шастина А.Е.</i> Глобальное социальное пространство в ракурсе проблем поликонфессиональности и постсекулярности.....	23

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Гаврилов Д.М.</i> Современные художественные самоорганизации в регионах России.....	30
--	----

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ

<i>Данакин Н.С., Сафонов К.Б., Литвинова Г.А.</i> Гуманность и функциональность в развитии организации: возможность консенсуса.....	38
<i>Петрова С.И., Петров И.Ф.</i> Проблема социальной изменчивости.....	47
<i>Андреевская Ж.В.</i> Национальное сознание в контексте современных глобальных вызовов.....	55
<i>Вознесенский И.С., Шастина А.Е.</i> Социальные риски развития техносферы.....	60
<i>Дмитриева И.С.</i> Социокультурная адаптация мигрантов: концептуализация, этапы и их динамика.....	68
<i>Лукинова И.А.</i> Образование как экзистенциальная ценность: философские размышления.....	75
<i>Попов С.И.</i> «Площадки» для игры в мир и «поход» против философии.....	82
<i>Канныкин С.В.</i> Метафизические компоненты социокультурных оснований выдающихся спортивных достижений стайеров из Кении и Эфиопии.....	93
<i>Аннотации</i>	114
<i>Авторы</i>	118

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал **«Миссия конфессий»**
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Шиндель С.В.

Кандидат культурологии, доцент кафедры экономики и гуманитарных наук
Энгельсского технологического института (филиала СГТУ)
Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина.

Семухина Е.А.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации,
Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина.

Семёнова Т.В.

Старший преподаватель кафедры экономики и гуманитарных наук
Энгельсского технологического института (филиала СГТУ)
Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина.

**Смыслообраз аббатства святого Антония
в романе Г. Бёлля «Бильярд в половине десятого»***

Аннотация. Статья посвящена раскрытию сущности смыслообраза аббатства Святого Антония в произведении Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого». Роман представляет собой кульминацию этических и эстетических взглядов, своего рода «квинтэссенцию» нравственного императива немецкого писателя. С историей Германии тесно связана судьба Генриха Бёлля, равно как и жизнь вымышленной династии архитекторов Фёмель в произведении писателя. В романе аббатство символизирует старую Германию, мир, который породил две войны и фашизм, обернулся невосполнимыми потерями для семьи Фёмель в частности, и для народа Германии в целом.

Ключевые слова: Генрих Бёльль, роман «Бильярд в половине десятого», смыслообраз, аббатство святого Антония, Германия, XX век, фашизм, война.

Shindel S.V.

Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor of Department of Economics and Humanities.
Engels Institute of Technology (branch)
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

Semukhina E.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department
of Translation Studies and intercultural Kommunikation.
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

Semyonova T.V.

Senior lecturer of Department of Economics and Humanities,
Engels Institute of Technology (branch) Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

* © Шиндель С.В., Семухина Е.А., Семёнова Т.В., 2022.

Смыслообраз аббатства святого Антония в романе Г. Бёлля «Бильярд в половине десятого»

The image of St. Anthony abbey in H. Böll's novel «billiards at half-past nine»

Abstract. The article is devoted to the regarding of the function of the image of St. Anthony Abbey in the work of Heinrich Böll «Billiards at half- past nine». The novel was the culmination of ethical and aesthetic views, a kind of «quintessence» of the moral imperative of the German writer. Heinrich Böll is closely connected with the history of Germany; also in the novel the life of Dynasty of architects the Faehmel family. In the novel the abbey symbolizes the old Germany, the place that gave rise to two wars and fascism, lead to irreparable losses for the Faehmels in particular, and for the people of Germany in general.

Key words: Heinrich Böll, the novel «Billiards at Half-Past Nine», image, St. Anthony Abbey, Germany, the XX-th century, fascism, war.

Введение

Известный литературовед-германист, наш соотечественник Лев Копелев полагал: «Если о Тургеневе говорили, что он самый немецкий из русских писателей, то о Бёлле можно было бы сказать, что он самый русский из немецких писателей, хотя он очень «немецкий» писатель»¹. Генрих Бёлль и Лев Копелев состояли в переписке на протяжении 20 лет, и этот факт свидетельствует в пользу того, что в «приватном» диалоге двух деятелей культуры присутствовало незримое духовное родство. В 1981 году Лев Копелев опубликовал книгу «Почему мы стреляли друг в друга» («Warum haben wir aufeinander geschossen»)², которая стала откровением двух писателей, воевавших на фронте. При активном участии Генриха Бёлля опубликована книга Л. Копелева «Хранить вечно» («Tröste meine Trauer»)³. Своеобразие Бёллевской поэтики рассматривается в книге Льва Копелева «Хранить вечно»⁴.

1 Самый русский писатель Германии. // URL: <https://www.dw.com/ru/самый-русский-писатель-германии/a-1647830> (дата обращения: 22.11.2021)

2 Böll H. Kopelew L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim- Merten, 1981.

3 Копелев Л.З. Хранить вечно / Л.З. Копелев; – М.: СП «Вся Москва», 1990. 688 с.

4 Kopelew L. Heinrich Bölls Gedichte // Rademacher, G. (Hg.): Heinrich Böll als Lyriker. Frankfurt a.M., 1985. P. 95-100.

Осмыслению лирической составляющей посвящена статья Льва Копелева «Стихи Генриха Бёлля»⁵. Заслуживают внимания так же воспоминания русского литературоведа о Г. Бёлле в канун его 70летия⁶.

Романы Генриха Бёлля «Глазами клоуна»⁷, «Бильярд в половине десятого»⁸ «Дом без хозяина»⁹ вошли в сокровищницу мировой послевоенной литературы. Особое звучание эстетика гуманного Генриха Бёлля приобретает именно сейчас, когда западное общество провозглашает культ толерантности и «новых европейских ценностей». К произведениям немецкого писателя надо обращаться еще и потому, что по-

5 Kopelew L. Heinrich Bölls Gedichte // Rademacher, G. (Hg.): Heinrich Böll als Lyriker. Frankfurt a.M., 1985. P. 95-100.

6 Kopelew L. Böll in Russland // Heinrich Böll. Vortragsabende zu seinem 70. Geburtstag an d. Universität zu Köln. 15-18. Dezember 1987 (Kölner Univ. Reden 70). P. 40-49.

7 Бёлль Г. Глазами клоуна: роман / Пер. с нем. Л. Черной. – М.: Издательский дом Мещерякова, 2007. 272 с.

8 Бёлль Г. Бильярд в половине десятого: роман / Пер. с нем. Л. Черной. Издательство иностранной литературы. – М.: 1961. 286 с.

9 Бёлль Г. Дом без хозяина // Бёлль Г. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. Роман; Повести; Путевой дневник; Радиопьесь; Рассказы; Эссе. 1954 – 1958: Пер. с нем. / Редкол.: А. Карельский, Н. Павлова, И. Фрадкин; Сост. И. Фрадкина; Комментар. М. Рудницкого. – М.: Худож. Лит., 1990. – 719 с.

этика Г. Бёлля наполнена философскими смыслами подлинных нравственных ценностей, она проповедует истинную толерантность. Книги писателя обличают лицемерие, высмеивают фальшь, демонстрирует неприглядные стороны реальности большого общества – и в этом заключена огромная целительная сила его писательского дара. Толерантность Г. Бёлля – это гуманизм с большой буквы, основным постулатом которого является неприкосновенность человеческой жизни.

Объектом исследования в представленной статье является роман Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого».

Предмет исследования – смыслообраз (художественный образ) романа – аббатство Святого Антония.

Методы исследования: биографический, структурно-семантический, семиотический.

Генрих Бёлль всегда был сопричастен к судьбе Германии: он родился в период правления кайзера Вильгельма Второго, детские и юношеские годы пришлось на Веймарскую республику, был свидетелем прихода к власти Гитлера, будучи солдатом, ненавидел войну – окончание которой, он, оказавшись в плену у союзников во Франции, встретил в оккупации. По возвращении в Германию Генрих Бёлль принимал активное участие в духовном возрождении западногерманского общества. В этой связи прототипом писателя является главный герой романа «Бильярд в половине десятого» Генрих – Фёмель – архитектор, жизнь которого охватила те же исторические периоды жизни Германии. Генрих Бёлль воспитывался в семье верующих людей, которые сумели привить сыну понимание истинных ценностей и разграничивать организованную церковь и христианскую веру.

Писатель учился в католической школе, но, осознав весь ужас, происходящий в Германии в годы власти национал-социалистов, отказался вступать в гитлерюгенд и вышел из рядов молодежного католического кружка. Будучи, прежде всего, искренним человеком, настоящим гуманистом Генрих Бёлль писал о судьбах обыкновенных людей, о солдатах, о своей многострадальной родине – Германии, образ которой в романе олицетворяет аббатство Святого Антония.

Роман «Бильярд в половине десятого» вышел в свет в 1959 году. Сюжет произведения – история династии архитекторов Фёмель: главный герой – Роберт Фёмель – истинный сын своего отца, превосходный архитектор, которому, к сожалению, не пришлось строить; оказавшись на фронте, он занимался подрывной деятельностью и, обеспечивая сектор обстрела, уничтожал, в том числе и памятники религиозной архитектуры. Прекрасно зная законы статики, он никогда не ошибался и попадал исключительно в цель. Сын Роберта – Йозеф – молодой человек, который решил продолжить дело отца и деда, занимается проектированием новых и восстановлением старых разрушенных памятников религиозной архитектуры. Центральное место в романе занимает образ Генриха Фёмеля – основателя рода, талантливого архитектора; будучи молодым, но подающим надежды специалистом, он выиграл конкурс на проектирование и возведение аббатства Святого Антония. Судьба аббатства Святого Антония тесно связана с жизнью Генриха и Роберта Фёмеля и поэтому является одним из магистральных мотивов романа «Бильярд в половине десятого».

6 сентября 1958 года основателю рода, Генриху, исполняется 80 лет. Готовясь к празднованию своего юби-

ля, Генрих Фёмель вспоминает о том, как выиграл конкурс по строительству аббатства Святого Антония: «Из-под опущенных век я смотрел на стены мастерской, которые увешал эскизами; в центре красовалась грандиозная, отливающая красным светокопия в масштабе 1:200 – аббатство Святого Антония; на переднем плане виднелся поселок Штелингс-Гротте – коровы паслись на лугу, рядом тянулось убранный картофельное поле, над которым поднимался дым от костра; дальше шло аббатство, огромное здание в стиле базилики (я без стеснения копировал романские соборы) – крытая галерея казалась строгой, низкой, темной; поблизости я разместил кельи, трапезную и библиотеку, посередине крытой галереи возвышалась статуя Святого Антония...»¹⁰.

Будучи талантливым архитектором, Генрих Фёмель возвел церкви Святого Серватия и Бонифация, церковь Модеста. Однако настоящим шедевром он считал аббатство Святого Антония – молодые силы и неутомимая энергия – все было отдано памятнику религиозной архитектуры: «...Целыми днями я лазил между кучами цемента и штабелями новеньких кирпичей, определяя, хорошо ли они обожжены, и осматривал целые горы базальтовых разработок, так как собирался использовать базальт для облицовки дверных и оконных проемов; обшлага моих брюк были забрызганы грязью, жилет измазан известью: в конторе то и дело раздавался крик – неужели до сих пор не прибыли камни для мозаичного изображения «агнца Божьего» над главным порталом?»¹¹.

Минуло 35 лет, пока возведение аббатства было завершено; однако в

¹⁰ Бёль Г. Бильярд в половине десятого: роман / Пер. с нем. Л. Черной. Издательство иностранной литературы. – М.: 1961. С. 97.

¹¹ Там же. С. 75.

скором времени храм был разрушен – как оказалось, аббатство в Киссатале разрушил сын его создателя – Роберт Фёмель. Он действовал по приказу обезумевшего генерала, в секторе обстрела которого оказалось и аббатство Святого Антония – один из «объектов», которые подлежали полному уничтожению. Роберт Фёмель не противился приказу вышестоящего командования: это был тот случай, когда намерения генерала не входили в противоречие с целями и представлениями подрывника Роберта Фёмеля – он хотел взрывать церкви, храмы, аббатства – все то, что в его сознании воскрешало воспоминания о гибели близких людей, о невосполнимых потерях прошлого. Еще до войны Роберт Фёмель испытал на своих плечах тяготы фашистских репрессий; ему удалось совершить побег из лагеря и потом отбыть спешно за границу. И только связи родителей, взятка и отказ от политической деятельности – все это позволило Генриху вернуть сына в Германию. Окончив обучение в университете, его мобилизовали, и Роберт стал сапером. О своем военном прошлом Роберт поведал Гуго, бою отеля «Принц Генрих»: «Да, Гуго, я был подрывником ... ты слышал, что я (как и отец) архитектор и, собственно говоря, должен был бы строить дома. Но я их никогда не строил, я их только взрывал; тоже было с церквями: будучи мальчиком, я без конца рисовал их на гладкой чертежной бумаге, я мечтал строить церкви, но я никогда их не строил»¹².

Роберт Фёмель – превосходный специалист по статическим расчетам: профессиональные навыки позволяют ему обеспечивать мгновенное разрушение цели. Американцы, трепетно

¹² Бёль Г. Бильярд в половине десятого: роман / Пер. с нем. Л. Черной. Издательство иностранной литературы. – М.: 1961. С. 64.

относящиеся к культурным ценностям, недоумевали – что заставило Роберта уничтожить аббатство: «Разумеется, нам известен приказ о «выжженной земле» – не оставляйте врагу ничего кроме развалин и трупов, не правда ли? Но я не думаю, что Вы это сделали в порядке выполнения приказа, простите, но Вы слишком интеллигентны для этого. Почему же, почему Вы взорвали аббатство?»¹³ – спрашивает допрашивающий его американский капитан. Пытаясь облечь свои мысли в слова, Роберт признается, «что... хотел воздвигнуть памятник из праха и развалин тем, кто не представлял собой «культурно-исторической ценности»¹⁴. Таким образом, с помощью динамита, он обеспечивал «сектор обстрела», и воздвигал свои «памятники» – памятники погибшим. Теперь это был мир, в котором больше нет Ферди, Эдит, Гролля, Шреллы... Роберт против обесценивания человеческой жизни, его «сектор обстрела» – это суррогатные ценности и лицемерие «неттлингеров» и «вакано». И в этом смысле для него невозможно примириться, компромисс для Роберта немислим: «Я не примирился, говорит он сам себе, – не примирился с теми силами, которые виновны в смерти Ферди, и с теми, которые виновны в смерти Эдит и старались пощадить Сен-Северин; я далеко не примирился ни с самим собой, ни с тем духом примирения, который вы собираетесь провозгласить в вашей торжественной проповеди; обитель была разрушена не в порыве слепого усердия, а в порыве ненависти, отнюдь не слепой, в порыве ненависти, в которой я несколько не раскаиваюсь»¹⁵. Такие размышления предвосхищают

13 Там же. С. 158.

14 Там же. С. 159.

15 Бёль Г. Бильярд в половине десятого: роман / Пер. с нем. Л. Черной. Издательство иностранной литературы. – М.: 1961. С. 230.

отказ Роберта от участия в открытии одного из восстановленных монастырей. Жизнь Роберта Фёмеля изуродована войной:

не случайно служащие его «бюро статических расчетов» – все та же команда подрывников, вместе с которыми он взорвал аббатство. Один из сотрудников бюро – Кандрес представил заведомо неверные расчеты для строительства сверхсекретного объекта военного назначения; Роберт Фёмель соглашается принять документацию с заведомо ложными данными и саботирует тем самым официальную боннскую политику ремилитаризации.

«Когда-нибудь, – размышляет Генрих Фёмель – у восстановленного аббатства будет висеть табличка: Построено Генрихом Фёмелем в 1908 году, в возрасте в возрасте 29 лет, разрушено Робертом Фёмелем в 1945 году в возрасте 29 лет, ...а чем ты, Йозеф ознаменуешь свое тридцатилетие ... что ты намерен делать строить или разрушать?»¹⁶. Йозеф Фёмель, проявляя профессиональный интерес, уже было начинает участвовать в восстановительных работах, но вскоре узнает причину, по которой отец взорвал аббатство Святого Антония и это его останавливает. Он понимает что аббатство – не только памятник архитектуры, это еще и символ исторической памяти семьи. Генрих Фёмель построил храм, Роберт Фёмель разрушил, но в праве ли он, Йозеф, после всех невосполнимых утрат, вести восстановительные работы? Йозеф догадывается о мотивах поступка отца и принимает решение отказаться от руководства восстановлением аббатства. Таким образом, Фёмели проявляют единомыслие и отказываются от возрождения того, что напоминает трем поколениям о страшном прошлом.

16 Там же. С. 231.

Аббатство Святого Антония является в романе символом старой Германии, мира, который породил две войны и фашизм. В глазах Роберта построенные храмы – «компромисс» предков, жизнь которых впоследствии была полна смертей. Отец Роберта, Генрих Фёмель понимает и принимает позицию сына. Воспоминания о невосполнимых утратах дали силы старику Фёмелю принять важные решения. В день восьмидесятилетия он порывает со своим прошлым: он отказывается от традиционных в течение 50 лет завтраков в кафе Кронер; выбрасывает свои ордена, которые напоминают ему о заслугах на благо войны. Он находит в себе силы отказаться от общения с живущим по соседству мясником Грецем и указывает на порог пришедшему с поздравлениями соседу, который выдал фашистам свою родную мать. Финал романа символичен: он завершается сценой, когда юбиляру преподносят торт в виде макета аббатства, и он передает на тарелке отрезанный купол сыну.

Аббатство Святого Антония в романе Генриха Бёлля это еще и смыслообраз, вобравший в себя историю многих разрушенных памятников религиозной архитектуры Германии. Сотрудники ведомства по охране памятников культурного наследия признаются: «Мы, как и все немцы, скорбим по поводу исчезновения имевших большую культурную ценность архитектурных памятников вследствие трагических событий Второй мировой войны... Мы выражаем понимание по поводу того, что возникает желание восстановить разрушенные здания, построив их заново. Однако надо подчеркнуть, что это практически неосуществимо. Значение архитектурных памятников как свидетельств великих достижений прошлого заключается не только в тех творческих

идеях, которые были в них воплощены, но и в значительной степени в обусловленном временем архитектурном и художественном облике с его историческими метаморфозами. Традиционно запечатленный образ, как историческое свидетельство, так же неповторим, как и сама история»¹⁷ [6]. Надо сказать о том, что и в наши дни объектом постоянных реставрационных работ является Кёльнский собор, расположенный на площади, которую принято называть площадью Генриха Бёлля. Так метафизически переплелись в Кёльне история величественного храма и имя Генриха Бёлля – писателя, немца, гуманиста.

Представленный анализ художественного образа аббатства Святого Антония в романе Генриха Бёлля позволяет сделать следующие выводы:

1. Образ главного героя Генриха Фёмеля может расцениваться как прототип Генриха Бёлля. Перипетии судьбы архитектора это аллюзия на исторические вехи в автобиографии писателя, жизнь которого охватила и период правления кайзера Вильгельма Второго, и Веймарскую республику, и приход к власти Гитлера. Не случаен выбор и имени главного героя.

2. Одним из магистральных мотивов произведения является образ аббатства Святого Антония. С историей аббатства связана жизнь династии архитекторов Фёмель: его возведение, намеренное разрушение и осознанный отказ от восстановительных работ – все это указывает на перипетии известных исторических событий старой Германии, мира, судьбу которого разделил этот вымышленный в романе памятник архитектуры.

¹⁷ Реставрация памятников истории и культуры: опыт послевоенной Германии. // URL: <https://nestor.minsk.by/sn/2000/43/sn04323.html> (дата обращения: 22.11.2021)

3. Аббатство Святого Антония таким образом, символизирует Германию конца XIX и первой половины XX-го века – мир, который породил две войны и фашизм. Этот мир вызывает в памяти главных героев воспоминания о невосполнимых утратах, именно поэтому династия архитекторов отказывается восстанавливать храм: разрушенный памятник архитектуры – символ исторической памяти семьи Фёмель. Напоминание о тех, кого уже никогда не вернуть.

4. Идеиное пространство романа «Бильярд в половине десятого» наилучшим образом отражает сущность нравственного императива гуманиста Г. Бёлля: писатель выступал против обесценивания человеческой жизни, жизнь человека – превыше всего.

References

- [1] Böll G. Billiards at half past nine: a novel / Per. with him. L. Chernoy. Publishing house of foreign literature. – М.: 1961. 286 p.
- [2] Böll G. Through the eyes of a clown: a novel / Per. with him. L. Chernoy. - М.: Meshcheryakov Publishing House, 2007. 272 p.
- [3] Böll G. A house without a master // Böll G. Sobr. op. in 5 vols. Vol. 2. Roman; Tales; Travel diary; radio plays; stories; Essay. 1954 - 1958: Trans. with him. / Editorial staff: A. Karelsky, N. Pavlova, I. Fradkin; Comp. I. Fradkin; Comment. M. Rudnitsky. - М.: Artist. Lit., 1990. 719 p.
- [4] Kopelev L.Z. Keep forever / L. Z. Kopelev; - М.: SP "All Moscow", 1990. 688 p.
- [5] The most Russian writer in Germany. // URL: <https://www.dw.com/ru/most-russian-writer-of-germany/a-1647830> (11.22.2021)
- [6] Restoration of historical and cultural monuments: the experience of post-war Germany. // URL: <https://nestor.minsk.by/sn/2000/43/sn04323.html> (11.22.2021)
- [7] Böll H. Kopelev L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim- Merten, 1981.
- [8] Kopelev L. Heinrich Bölls Gedichte // Rademacher, G. (Hg.): Heinrich Böll als Lyriker. Frankfurt a.M., 1985. P. 95-100.
- [9] Kopelev L. Heinrich Böll, der bürgerliche Dichter: frei, geordnet, untröstlich (über Bölls Geschichte) // L.K. (Sammlung) Der Wind weht, wo er will: Gedanken über Dichter. Hamburg 1988. P. 302-310.
- [10] Kopelev L. Böll in Russland // Heinrich Böll. Vortragsabende zu seinem 70. Geburtstag an d. Universität zu Köln. 15–18. Dezember 1987 (Kölner Univ. Reden 70). P. 40-49.

Список литературы

- [1] Бёлль Г. Бильярд в половине десятого: роман / Пер. с нем. Л. Черной. Издательство иностранной литературы. – М.: 1961. 286 с.
- [2] Бёлль Г. Глазами клоуна: роман / Пер. с нем. Л. Черной. – М.: Издательский дом Мещерякова, 2007. 272 с.
- [3] Бёлль Г. Дом без хозяина // Бёлль Г. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. Роман; Повести; Путевой дневник; Радиопьесы; Рассказы; Эссе. 1954 – 1958: Пер. с нем. / Редкол.: А. Карельский, Н. Павлова, И. Фрадкин; Сост. И. Фрадкина; Комментар. М. Рудницкого. – М.: Худож. Лит., 1990. 719 с.
- [4] Копелев Л.З. Хранить вечно / Л. З. Копелев; – М.: СП «Вся Москва», 1990. 688 с.
- [5] Самый русский писатель Германии. // URL: <https://www.dw.com/ru/самый-русский-писатель-германии/a-1647830> (дата обращения: 22.11.2021)
- [6] Реставрация памятников истории и культуры: опыт послевоенной Германии. // URL: <https://nestor.minsk.by/sn/2000/43/sn04323.html> (дата обращения: 22.11.2021)
- [7] Böll H. Kopelev L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim- Merten, 1981.
- [8] Kopelev L. Heinrich Bölls Gedichte // Rademacher, G. (Hg.): Heinrich Böll als Lyriker. Frankfurt a.M., 1985. P. 95-100.
- [9] Kopelev L. Heinrich Böll, der bürgerliche Dichter: frei, geordnet, untröstlich (über Bölls Geschichte) // L.K. (Sammlung) Der Wind weht, wo er will: Gedanken über Dichter. Hamburg. 1988. P. 302-310.
- [10] Kopelev L. Böll in Russland // Heinrich Böll. Vortragsabende zu seinem 70. Geburtstag an d. Universität zu Köln. 15–18. Dezember 1987 (Kölner Univ. Reden 70). P. 40-49.

Пиляк С.А.

*Магистрант Института государственной службы
и управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Государственно-конфессиональные отношения в сохранении храмового наследия*

Аннотация. Одной из важных задач государственного управления, в том числе и государственно-конфессиональных отношений, является сохранение объектов культурного наследия. Материальные свидетельства минувших эпох – здания, сооружения, археологические памятники, комплексы и ансамбли, достопримечательные места, становятся общепризнанными ценностями в том случае, когда их материальная ценность начинает уступать духовной значимости. Нередко вследствие продолжительного, подчас многовекового срока жизни объектов культурного наследия на протяжении их существования неоднократно изменяется их функциональное наполнение, что способно, в свою очередь, значительно усложнить сохранение этого наследия для последующих поколений. Особо остро к настоящему моменту стоит вопрос сохранения памятников деревянной храмовой архитектуры, или деревянного зодчества. Анализ этой сферы с целью формирования практически ценных предложений является целью исследования, предварительные результаты которого представлены в статье.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, деревянное зодчество, наследие, храмовое наследие, актуализация наследия.

Pilyak S.A.

*Graduate student of the Institute of Public Administration and Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.*

State-confessional relations in the preservation of the temple heritage

Abstract. One of the important tasks of public administration, including state-confessional relations, is the preservation of cultural heritage sites. Material evidence of past eras - buildings, structures, archaeological sites, complexes and ensembles, places of interest, become universally recognized values when their material value begins to give way to spiritual significance. Often, due to the long, sometimes centuries-old life span of cultural heritage objects, their functional content repeatedly changes throughout their existence, which, in turn, can significantly complicate the preservation of this heritage for subsequent generations. The issue of preservation of monuments of wooden temple architecture, or wooden architecture, is particularly acute at the moment. The analysis of this area in order to form practically valuable proposals is the purpose of the study, the preliminary results of which are presented in the article.

Key words: state-confessional relations, wooden architecture, heritage, temple heritage, actualization of heritage.

* © Пиляк С.А., 2022.

Государственно-конфессиональные отношения в сохранении храмового наследия

Для культурного пространства России деревянный храм является одним из общепризнанных символов, маркером освоения пространства. В перечне объектов культурного наследия Костромской области к настоящему моменту состоят 28 деревянных православных храмов (3 из них - старообрядческих), деревянная синагога, протестантский молебельный дом, ранее была срублена деревянная мечеть. При этом общее количество деревянных храмов различных конфессий, в разное время построенных на территории региона, превышает тысячу сооружений. Нелегко проследить, что подавляющее большинство объектов были по разным причинам утрачены и известны нам лишь по письменным и изобразительным источникам. Как отмечено в Концепции по сохранению памятников деревянного зодчества и включению их в культурный оборот до 2025 года, «... до наших дней на Русском Севере в том или ином состоянии сохранились только 130 деревянных церквей XV-XVIII вв. из 492 – это четверть существовавших в 1917 году» [2]. Данная статистика подчеркивает актуальность темы исследования.

На протяжении продолжительного времени в профессиональной среде укрепляется представление об актуализации (в данном контексте – реализации историко-культурного потенциала) объекта культурного наследия как неотъемлемом элементе сохранения наследия, обязательном условии для введения объекта в культурный и экономический оборот [1, 4]. Несмотря на более чем полуторазековую историю сохранения памятников деревянного зодчества как самостоятельной отрасли научной и практической деятельности, до сих пор не сформулированы единые, общие и универсальные правила, при-

менение которых позволит обеспечить сохранение всего комплекса культурного наследия и реализацию всех перспективных возможностей и ресурсов объектов, в том числе учитывающие аспекты государственно-конфессиональных отношений.

Тем не менее, также известным фактом является необходимость индивидуального отношения к каждому объекту культурного наследия. Для сферы государственного и муниципального управления это в первую очередь означает значительную вариативность управленческих решений при сохранении единой, относительно жесткой нормативной правовой базы. Актуализация и сохранение памятников храмовой архитектуры также определяют особую осторожность в принятии решений с точки зрения соблюдения безопасности межконфессиональных отношений. Следовательно, решение вопросов актуализации памятников религиозной архитектуры имеет сложный междисциплинарный характер, а заявленная тема в целом обладает несомненной актуальностью.

В указанном контексте актуализация культурного наследия имеет ряд специфических особенностей, оказывающих особое влияние на использование храмовых зданий.

Во-первых, культовые сооружения, по определению объединяющие некий приход, общину, местное сообщество, привлекают внимание широкой аудитории. Любые изменения функционального использования неминуемо обретают интерес значительного количества людей и напрямую затрагивают их религиозные чувства.

Во-вторых, культовые сооружения, как возведенные в минувшие эпохи, так и современные сооружения, как правило, заметны в архитектурной застройке

населенных мест. В значительном количестве случаев храмы представляют доминанты городской и сельской застройки. Территории, занимаемые храмами и служебными сооружениями, в современном городе требуют многофункционального использования.

В-третьих, сохранение и поддержание удовлетворительного технического состояния некоторых храмовых зданий, как правило, требует масштабных и регулярных инвестиций. Данная особенность также накладывает определенные ограничения на возможные варианты функционального использования объектов.

В-четвертых, любые мероприятия по актуализации храмового наследия имеют колоссальный идеологический потенциал. На протяжении нескольких последних десятилетий воссоздание либо реставрация храмов стали инструментом политики, методом формирования лояльной аудитории из числа представителей различных конфессий, а также неоднократно апробированным вариантом создания регионального или локального культурного центра и зримого духовного символа, отражающего историческую либо создаваемую заново идентичность, раскрывающую образное наполнение «малой родины».

В-пятых, формирование функционального наполнения храмового сооружения зачастую встречается с ограниченным перечнем вариантов использования, сокращаемым как за счет первоначальной функции сооружения (что зависит от текущего состояния государственно-конфессиональной политики), так и своеобразия геометрии сооружения и внутреннего пространства.

На протяжении столетий, вместе с изменением государственно-конфессиональной политики, трансформирова-

лись методы актуализации храмового культурного наследия. При этом нельзя не уделить внимание важному вопросу необходимости актуализации объектов культурного наследия религиозного назначения. Несмотря на определенную незыблемость и неизменность характера указанных сооружений, достаточное количество примеров из отечественной истории дает понимание значительной вариативности использования храмовых зданий.

Известным объектом является деревянная мечеть в Татарской слободе Костромы. Одноэтажная мечеть, увенчанная высоким минаретом, была срублена в 1780 году [3, с. 17]. В феврале 1930 года мечеть была закрыта. При этом некоторое время храм использовался для размещения избы-читальни и дома культуры. Объект был разобран в 1953 году [3, с. 61]. В свою очередь, 7 декабря 1995 года для размещения Костромской мечети администрацией города Костромы был мусульманской религиозной организации предоставлен клуб завода «Ременная тесьма», что на этой исторической дистанции выглядит как достойная компенсация утраченного объекта.

По итогам исследования получены следующие результаты:

1. Определены специфические особенности храмового культурного наследия, ограничивающие вариативность его актуализации:

- Вовлеченность местного сообщества в использование объекта;
- Доминантная роль в застройке;
- Масштабность и регулярность инвестиций в сохранение объектов;
- Колоссальный идеологический потенциал любых мероприятий по актуализации храмового наследия.
- Своеобразии геометрии внутреннего и внешнего пространства.

2. По итогам проведенного анализа определена специфика опыта Костромской области по музеефикации объектов деревянного храмового зодчества. Костромские храмы стали одними из первых отреставрированных объектов на протяжении XX века.

3. По итогам проведенного анализа сформулированы три сценария актуализации как реализации потенциала объекта храмовой архитектуры с учетом внешних условий:

- Консервация объекта, что предусматривает его выведение из экономического и культурного оборота, в том числе в целях сохранения для последующих поколений;

- Реконструкция объекта для полноценной реализации функций храмового сооружения. Определено, что воссоздание деревянных храмов в точном соответствии либо с ориентацией на подлинники памятники деревянного зодчества позволяет обратиться к ушедшим артефактам храмовой архитектуры, служит сохранению памяти об известных сооружениях.

- Использование объекта для реализации непрофильных функций (в том числе и музеефикация объекта), являющееся на текущий момент одним из основных методов актуализации культурного наследия.

4. В качестве перспективного направления актуализации объектов храмового культурного наследия с учетом реализации государственно-конфессиональной политики рассмотрено формирование «живого музея» на площадке действующих деревянных храмов. Основы данной концепции, заложенные П.А. Флоренским, к настоящему моменту отражены в деятельности практически каждого музея России. Создание музея как центра духовной культуры является одним из наиболее

перспективных направлений музеефикации деревянных храмов.

References

- [1] State-confessional relations: teaching materials / Shmidt V.V., Vasilyeva O.Yu., Pinkevich V.K. // Moscow. 2009.
- [2] The concept for the preservation of monuments of wooden architecture and their inclusion in cultural circulation until 2025, approved by the Decision of the Board of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated 03.06.2019 No. 9 "On the Concept for the preservation of monuments of wooden architecture and their inclusion in cultural circulation until 2025".
- [3] Murenin N.V. Tatar settlement and mosque in Kostroma. Kostroma, 2015. 92 p.
- [4] Robbers G. States and religions in the European Union (the experience of state-confessional relations). M.: 2009.

Список литературы

- [1] Государственно-конфессиональные отношения: учебно-методические материалы / Шмидт В.В., Васильева О.Ю., Пинкевич В.К. // Москва. 2009.
- [2] Концепция по сохранению памятников деревянного зодчества и включению их в культурный оборот до 2025 года, утвержденная Решением Коллегии Министерства культуры Российской Федерации от 03.06.2019 № 9 «О Концепции по сохранению памятников деревянного зодчества и включению их в культурный оборот до 2025 года».
- [3] Муренин Н.В. Татарская слобода и мечеть в Костроме. Кострома, 2015. 92 с.
- [4] Робберс Г. Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений). М.: 2009.

Шастина А.Е.*Кандидат педагогических наук, доцент.**Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).*

Глобальное социальное пространство в ракурсе проблем поликонфессиональности и постсекулярности*

Аннотация. В статье анализируются эвристические возможности такой отраслевой социологии, как социология религии, представлять достаточно достоверную картину формирования глобального социального пространства. В нем активными действующими лицами выступают не только индивиды, но и многочисленные социальные объединения, а также правительственные и неправительственные организации. Соединение предметных полей социологии религии и социологии международных отношений позволяет использовать язык религии, становящийся богаче благодаря распространению поликонфессиональности и постсекуляризма, для объяснения ряда сложных процессов, наблюдаемых в международной жизни.

Ключевые слова: глобализация, социология религии, социальное пространство, язык религии, поликонфессиональность, постсекуляризм.

Shastina A.E.*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.**Moscow Automobile and Highway State Technical University.*

Global social space from the perspective of the problems of poly-confessional and post-secularity

Abstract. The article analyzes the heuristic possibilities of such a sectoral sociology as the sociology of religion, to present a fairly reliable picture of the formation of a global social space. In it, active actors are not only individuals, but also numerous social associations, as well as governmental and non-governmental organizations. The combination of the subject fields of the sociology of religion and the sociology of international relations makes it possible to use the language of religion, which is becoming richer thanks to the spread of polyconfessionalism and post-secularism, to explain a number of complex processes observed in international life.

Key words: globalization, sociology of religion, social space, language of religion, polyconfessionalism, post-secularism.

В Англии есть всего два соуса и триста конфессий. Во Франции, напротив, — всего две конфессии и триста соусов.

Шарль Морис де Талейран-Перигор

* © Шастина А.Е., 2022.

Глобальное социальное пространство в ракурсе проблем поликонфессиональности и постсекулярности

Мир начала третьего тысячелетия от Рождества Христа при всей своей сложности и насыщенности множеством разнообразных конфликтов и противоречий в отличие от того состояния, в котором человечество пребывало еще совсем недавно, все же характеризуется относительным социальным единством, позволяющим его оценивать как глобальное социальное пространство¹.

Это пространство сформировалось в результате переплетения множества глобальных потоков, среди которых особенно выделяются потоки людей, идей, финансов, товаров и услуг. Перечисленным потокам удалось реформировать ту социальную среду, где реализуется значительная часть из имеющегося набора социальных взаимодействий. Главное, в этом пространстве итоги стали заметнее, чем в пространствах экономическом, политическом и духовном, отличающихся гораздо более высоким накалом конкуренции.

Ответ на вопрос, почему так произошло, надо искать в истории данных процессов и в том, какими механизмами обеспечивалось это сближение. В метком высказывании Шарля Мориса де Талейрана-Перигора, одного из самых известных дипломатов в истории, министра иностранных дел Франции в период правления Наполеона и Реставрации, которое взято в качестве эпиграфа данной статьи, проводится очень тонкая линия различий не только между современными ему социокультурными моделями Англии и Франции, но и между принципиально противоположными устройствами картины мира. Их условно можно назвать поликонфессиональной (лат. *confessio* — признание, исповедание) и секулярной (лат. *saecularis* — светский, мирской).

¹ Филиппов А.Ф. Социология пространства // Логос. 2000. № 2 (23). С. 113-151.

Поликонфессионализм и секуляризация права и сознания стали первыми инструментами разрушения этно-государственных границ, задающих паттерны социального поведения². Современное использование терминов «поликонфессиональность» и «постсекуляризм» требует уточнения. Под поликонфессиональностью мы понимаем одновременное наличие многих религий и религиозных течений, групп и организаций религиозной направленности, когда они добровольно или вынужденно должны вступать во взаимоотношения в целях сбережения стабильности социума и сохранения целостности объединений собственных приверженцев. Однако поликонфессиональность не есть распахнутые ворота в постсекулярность.

В прошлом секуляризм выступал как идейно-теоретическое основание для действий властей, опирающихся на нормы права, которые были установлены вне зависимости от любого типа религий. И именно в этом смысле его мог воспринимать Талейран, поскольку за такое освобождение от пут католической церкви боролись во Франции с начала XVIII столетия³. Сейчас же уже постсекуляризм представляет собой современную философскую, социальную и религиоведческую концепцию, трактующую идею секуляризации в качестве несостоятельной. Постсекуляризм есть свидетельство того, что религиозные идеи и институты полностью не отмирают, а сохраняют свое значение для

² Буайе П. Объясняя религию: Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2016; Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 191-195.

³ The beheading of a teacher will harden France's belief in secularism // URL: <https://www.economist.com/europe/2020/10/18/the-beheading-of-a-teacher-will-harden-frances-belief-in-secularism>.

общественного развития⁴. Более широкое распространение этого термина связывается с именем немецкого философа и социолога, профессора Франкфуртского университета имени Иоганна Вольфганга Гёте (нем. *Goethe-Universität Frankfurt am Main*) Юргена Хабермаса⁵.

Следует также прислушаться и согласиться с мнением испанского и американского социолога религии, профессора факультета социологии католического Джорджтаунского университета (англ. *Georgetown University*), руководителя Берклийского центра религии, мира и мировой политики (англ. *Berkley Center for Religion, Peace, and World Affairs*) Хосе Казановы, что «становиться постсекулярными — совсем не значит обязательно становиться снова религиозными»⁶. Поэтому поликонфессиональный мир не означает пребывание общества в примитивном состоянии борьбы религиозных и секулярных основ, отражающих как до-рациональное и рациональное мышление, так и опирающиеся на них практики.

Доказательством правоты современного взгляда на постсекуляризм служат буквально происходящий на наших глазах взрыв рождений новых религий и активный процесс формирования нетрадиционных конфессиональных идентичностей⁷. Более того, постсеку-

лярная реальность демонстрирует не просто расширение численности религиозных образований, а возникновение и утверждение такого феномена, как пародийная религиозность (англ. *parody religion*) или ложная религиозность (англ. *mock religion*), проявляемого посредством комплекса комических приемов юмора, сатиры и даже бурлеска. Это: Дискордианизм, Миссионерская церковь копимизма, Эвентуализм, Невидимый розовый единорог, Кибология, Ландоверская баптистская церковь, Последний четвергизм, Тавруизм, Первая церковь последнего смеха, Пастафарианство или Церковь Летящего макаронного монстра и др.

Все эти пародийные религиозные модели объединяет стремление к высмеиванию духовных убеждений сторонников религиозных объединений прошлого, тем самым бросая вызов и самим верующим, и поддерживаемым ими религиозным институтам, и в целом духовно-нравственным устоям. Такой настрой приближает эти сатирические религии к сатирическим политическим партиям⁸.

На самом деле в подобном сближении направленности социальной активности участников современных политических движений, предпочитающих для демонстрации своих политических интересов использовать язык смеховой культуры⁹, и людей, выражающих свое

4 *Капуто Дж.* Как секулярный мир стал постсекулярным // *Логос*. 2011. № 3 (82). С. 186-205; Узланер Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020; Beckford J.A. Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2012. Vol. 51. № 1. P. 1-19.

5 *Habermas J.* Notes on Post-Secular Society // *New Perspectives Quarterly: journal*. 2008. September (Vol. 25. № 4). P. 17-29.

6 *Казанова Х.* Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. № 4. С. 171-172.

7 *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное само-

сознание в постиндустриальном пространстве (Психология и социология религии). 2-е изд. М.: Изд-во Икар, 2012; Наука, религия, культура в постсекулярном мире. Феномен квазиобразований. Материалы Всеросс. научно-практич. конференции (Ростов-на-Дону, 22-23.03.18). М.: Директ-Медиа, 2018; *Терновая Л.О.* Глобализация и проблема формирования новых идентичностей // *Власть*. 2004. № 4. С. 10-15.

8 *Рябова Е.И., Терновая Л.О.* Феномен сатирических партий и есть ли у них будущее // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2021. № 8 (158). С. 9-19.

9 *Карасев Л.В.* Философия смеха. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996.

отношение к миру языком конфессиональных символов, есть определенная закономерность. Она свидетельствует о естественности разнообразия путей создания глобального социального пространства, а не об искусственном характере формирования каналов выражения общественного мнения. Также можно заключить, что естественность изъяснения личностной жизненной позиции представляет собой ярчайшую особенность именно социального пространства, отличающую его от глобальных или региональных зон экономического и политического, создаваемых не спонтанным, а, как правило, институционализированным взаимодействием разнообразных акторов.

Одним из итогов процесса формирования глобального социального пространства выступает возможность использовать для изучения его особенностей отраслевую матрицу современной социологии. Несмотря на то, что возникла мода, «когда буквально каждый аспект, явление или предмет окружающей действительности соединяют со словом “социология”»¹⁰, нельзя игнорировать колоссальный опыт аналитики, накопленный теми отраслевыми разделами социологии, которые были изначально заданы социологической наукой. Среди них заслуженное место принадлежит социологии религии¹¹.

Данная отраслевая социология исследует: исторический опыт взаимодействия религии и социума, самые разнообразные религиозные практики, поднимающей всеобщие темы, позволяющие посредством анализа религиозного опыта раскрыть не только роль

10 Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 36.

11 Гараджа В.И. Социология религии. М.: Аспект Пресс, 1996; Сторчак В.М., Элбакян Е.С. Социология религии (учебное пособие). М.: АТиСО, 2012.

религии в социальных процессах, но и увидеть скрытые от поверхностного взгляда механизмы развертывания этих процессов, вызревания или затухания в них конфликтов, рождение их лидеров, готовность или отказ последователей этих лидеров поддерживать их и т.д.

Невзирая на существенное различие предметных полей отраслевых социологий, они оперирует близкими социологическими понятиями. Что же касается социологии религии, то ее уникальным преимуществом выступает возможность введения в собственный научный оборот языка религии, под которым мы понимаем складывающуюся на протяжении тысячелетий символическую систему, позволяющую объемно презентовать не только содержание непосредственно религиозного сознания человека, но и видимую людьми определенного периода картину мира. В современных условиях вследствие расширения поликонфессиональности и углубления постсекуляризма происходит переход от замкнутого использования культового языка к множественности конфессиональных языковых стратегий.

Это лингвистическое многоголосье полностью соответствует полифоничности и полицентризму нашего глобального социума. В нем любой диалог прямо или косвенно сопровождается полилогом¹², т.е. явным или мысленным разговором многих участников на столь же многих площадках, где к реальным теперь еще добавились виртуальные. Это обстоятельство позволяет исполь-

12 Яковлева Э.Б. Многосторонние формы общения: полилог как объект лингвистического анализа // Многосторонние формы общения: полилог как объект лингвистического анализа / Аналитический обзор. Центр гуманитарных научно-информационных исследований; Отдел языкознания. Сер. Теория и история языкознания. М.: Издательство: Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва), 2006.

зывать язык религии для анализа хитросплетений, наблюдаемых и в современных международных отношениях¹³.

В частности, отечественный специалист в области мировой политики и международных отношений Людмила Терновая в своей монографии «Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений» представляет особенности взаимодействия участников глобального диалога посредством расшифровки смыслов, сокрытых за понятиями языка религии. В данной монографии объясняются сложности трансляция идеи сакральности власти, вполне реализуемой в политической жизни отдельного государства, на совокупность межгосударственных отношений. По мнению автора, такие трудности не являются препятствием для применения религиозных инструментов в целях достижения международного согласия. Точно также нельзя не замечать того, что у многих конфессиональных конфликтов имеются геополитические истоки. Со временем и по мере роста благосостояния людей, мощи и богатства государств природа таких конфликтов не меняется, а процессы глобализации ведут к тому, что появляются новые социальные грехи. При этом формирование глобального социума все более отчетливо обнаруживает себя в том, что новая экологическая культура вырастает на всеобщем понимании святости природы. Фрагментарность нашего социума, проявляется не только в поликонфессиональности, но и в том, что частью международного общения становятся представители как религиозных субкультур, так и субкультурной религии, прежде тяготеющие к изолированности от общества. Все это

заставляет мировых лидеров обращать внимание на гигантский потенциал образов, накопленный в языке религии, и использовать их для решения весьма отдаленных от религиозного мира проблем международного взаимодействия.

Старейший израильский политик, чья политическая карьера длилась почти семь десятилетий, Шимон Перес утверждал, что политика делится на две части: религиозная политика и политическая политика. По его мнению, религиозная политика считает, что прошлое должно властвовать над настоящим. А политика, к которой мы привыкли, пытается создать наше завтра. Чем-то это выражение напоминает известный афоризм Уинстона Черчилля, что отличие государственного деятеля от политика заключается в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующие поколения. Если совместить эти мысли двух выдающихся личностей, то получится, что все-таки религиозная политика принадлежит прошлому. Но поскольку конфессиональному миру, как части глобального социального пространства свойственно изменяться и реагировать на все общественные перемены, то и религиозная политика, приобретая новые импульсы благодаря поликонфессиональности и постсекуляризму, может быть устремлена в будущее и стремится к этому.

Список литературы

- [1] Гараджа В.И. Социология религии. М.: Аспект Пресс, 1996. 240 с.
- [2] Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 143-174.
- [3] Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3 (82). С. 186-205.
- [4] Карасев Л.В. Философия смеха. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 221 с.
- [5] Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве (Пси-

13 Терновая Л.О. Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2022.

- хология и социология религии). 2-е изд. М.: Изд-во Икар, 2012. 306 с.
- [6] Наука, религия, культура в постсекулярном мире. Феномен квазиобразований. Материалы Всеросс. научно-практич. конференции (Ростов-на-Дону, 22-23.03.18). М.: Директ-Медиа, 2018. 204 с.
- [7] Буайе П. Объясняя религию: Природа религиозного мышления. М.: Альпина non-fiction, 2016. 496 с.
- [8] Осипова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 29-51.
- [9] Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 191-195.
- [10] Рябова Е.И., Терновая Л.О. Феномен сатирических партий и есть ли у них будущее // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 8(158). С. 9-19.
- [11] Сторчак В.М., Элбакян Е.С. Социология религии (учебное пособие). М.: АТиСО, 2012. 348 с.
- [12] Терновая Л.О. Глобализация и проблема формирования новых идентичностей // Власть. 2004. № 4. С. 10-15.
- [13] Терновая Л.О. Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 300 с.
- [14] Узланер Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 416 с.
- [15] Филиппов А.Ф. Социология пространства // Логос. 2000. № 2 (23). С. 113-151.
- [16] Яковлева Э.Б. Многосторонние формы общения: полилог как объект лингвистического анализа // Многосторонние формы общения: полилог как объект лингвистического анализа / Аналитический обзор. Центр гуманитарных научно-информационных исследований; Отдел языкознания. Сер. Теория и история языкознания. М.: Издательство: Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва), 2006. 72 с.
- [17] Beckford J.A. Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections // Journal for the Scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51. № 1. P. 1-19.
- [18] Habermas J. Notes on Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly: journal. 2008. September (Vol. 25. № 4). P. 17-29.
- [19] The beheading of a teacher will harden France's belief in secularism // URL: <https://www.economist.com/europe/2020/10/18/the-beheading-of-a-teacher-will-harden-frances-belief-in-secularism>
- to Go Beyond It // State, Religion, Church in Russia and Abroad. 2018. № 4. P. 143-174.
- [3] Caputo J. How the secular world became post-secular // Logos. 2011. № 3 (82). P. 186-205.
- [4] Karasev L.V. Philosophy of laughter. M.: Ros. state humanitarian. un-t, 1996. 221 p.
- [5] Krylov A.N. religious identity. Individual and Collective Self-Consciousness in the Post-Industrial Space (Psychology and Sociology of Religion). 2nd ed. M.: Publishing House Ikar, 2012. 306 p.
- [6] Science, religion, culture in the post-secular world. The phenomenon of quasi-formations. Materials Vseross. scientific and practical. conference (Rostov-on-Don, 22-23.03.18). M.: Direct-Media, 2018. 204 p.
- [7] Boyer P. Explaining Religion: The Nature of Religious Thinking. M.: Alpina non-fiction, 2016. 496 p.
- [8] Osipova N.G. Sectoral matrix of modern sociology: the crisis of divergence // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2013. № 2. P. 29-51.
- [9] Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R. The evolution of law: from sacralization to secularization // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2014. № 3 (2). P. 191-195.
- [10] Ryabova E.I., Ternovaya L.O. The phenomenon of satirical parties and do they have a future // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. № 8 (158). P. 9-19.
- [11] Storchak V.M., Elbakyan E.S. Sociology of religion (textbook). M.: ATISO, 2012. 348 p.
- [12] Ternovaya L.O. Globalization and the problem of the formation of new identities // Power. 2004. № 4. P. 10-15.
- [13] Ternovaya L.O. Sacred in the mundane: a confessional reading of international relations: a monograph. M.: INFRA-M, 2022. 300 p.
- [14] Uzlaner D.A. post-secular turn. How to think about religion in the 21st century. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 416 p.
- [15] Filippov A.F. Sociology of space // Logos. 2000. № 2 (23). P. 113-151.
- [16] Yakovleva E.B. Multilateral forms of communication: polylogue as an object of linguistic analysis // Multilateral forms of communication: polylogue as an object of linguistic analysis / Analytical review. Center for Humanitarian Scientific Information Research; Department of Linguistics. Ser. Theory and history of linguistics. M.: Publisher: Institute of scientific information on social sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow), 2006. 72 p.
- [17] Beckford J.A. Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections // Journal for the Scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51. № 1. P. 1-19.
- [18] Habermas J. Notes on Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly: journal. 2008. September (Vol. 25. № 4). P. 17-29.
- [19] The beheading of a teacher will harden France's belief in secularism // URL: <https://www.economist.com/europe/2020/10/18/the-beheading-of-a-teacher-will-harden-frances-belief-in-secularism>

References

- [1] Garadzha V.I. Sociology of religion. M.: Aspect Press, 1996. 240 p.
- [2] Casanova H. Reflecting on the Post-Secular: Three Meanings of "Secular" and Three Opportunities

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Гаврилов Д.М.

*Аспирант кафедры теории и истории культуры
Института Искусств и Культуры НИИ ТГУ (Институт искусств и культуры
Национального исследовательского Томского государственного университета), Томск.*

Современные художественные самоорганизации в регионах России*

Аннотация. В статье рассматривается феномен горизонтальных художественных самоорганизаций в контексте регионов России. Опираясь на такие исследовательские проекты как «Открытые системы» и «Анатомия художественной среды», автор анализирует опыт нескольких городов и областей страны, прослеживая как особенности, так и закономерности развития независимых выставочных пространств, фестивалей и художественных инициатив.

Ключевые слова: самоорганизации, современное искусство, выставки, регионы.

Gavrilov D.M.

*Postgraduate Student of the Department of Theory and History
of Culture, Institute of Arts and Culture, National Research Tomsk State University.*

Contemporary artistic self-organizations in the regions of Russia

Abstract. The article deals with the phenomenon of horizontal artistic self-organizations in the context of Russian regions. Based on such research projects as «Open Systems» and «Anatomy of the Artistic Environment», the author analyzes the experience of several cities and regions of the country, tracing both the features and patterns of development of independent exhibition spaces, festivals and art initiatives.

Key words: self-organizations, contemporary art, exhibitions, Russian regions.

В настоящее время мы можем наблюдать возрастающее количество квартирных выставок, самоорганизованных галерей и художественных фестивалей. Несмотря на то что перечисленные явления ассоциируются с советским нонконформизмом, художественные самоорганизации не

утратили своего существования и по сей день. Разработанность следующей проблемы оказывается невысокой, а единственной попыткой структурировать и описать этот феномен стал инициированный московским музеем «Гараж» выставочный и издательский проект «Открытые системы», объеди-

* © Гаврилов Д.М., 2022.

Современные художественные самоорганизации в регионах России

нивший ряд постсоветских самоорганизаций¹. Следует упомянуть и цикл статей портала «Aroundart» под названием «Анатомия художественной среды», описавший развитие художественных инфраструктур за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, включая такие города как Воронеж, Краснодар и Ростов-на-Дону, отчасти затронув и самоорганизации², чья схожесть в условиях и этапах развития будет прослежена в данной статье, в том числе на примере упомянутых городов. Ниже рассмотрим каждый из них, после чего обратимся к городам Свердловской области и Сибирского федерального округа, активность в которых не столь интенсивна, практически не освещена в вышеперечисленных трудах и состоит из разрозненных практик.

Воронеж

История горизонтальных художественных инициатив в Воронеже начинается с деятельности группы «Пограничные Исследования», когда наткнувшись на обрывки информации о современном искусстве, коллектив студентов принялся делать похожие вещи, но без какого-либо понимания контекста и ориентации на широкую аудиторию, ограничиваясь закрытыми мероприятиями. Случайным образом, на одно из них попадает меценат А. Горбунов, который оказывается искренне удивлен происходящим и решается поддержать художников открытием галереи «Хлам», к деятельности которой подключаются и старшие

поколения воронежских художников. Не обходится и без резонанса — Союз Художников активно пишет жалобы, требуя закрыть или переформатировать пространство. Растет и посещаемость галереи, но подготовленных и погруженных в контекст зрителей и журналистов оказывается крайне мало.

Спустя несколько лет, бывшие участники «Пограничных Исследований» решают открыть ВЦСИ (Воронежский центр современного искусства), на начальном этапе действующий вне конкретного пространства. Под влиянием моды на современное искусство в столичных кругах, местные бизнесмены участвуют в организации мероприятий центра, сопровождая их пафосом в виде нанятых аниматоров и богатого фуршета. Все это происходит на полном контрасте со сдержанным концептуалистским языком, лишенным какой-либо зрелищности. Подобные же события не оправдывают ожидания ни посетителей, ни организаторов, ни журналистов, ни самих художников, оборачиваясь чередой провалов. Чуть позднее ВЦСИ на безвозмездной основе обретает здание и реализует образовательную программу, сформировавшую новое поколение активно выставляющихся художников³. Годами позже, многие из них уедут в Москву, а художественная жизнь города сменится еще одним поколением, сделавшим ставку на работу с цифровой визуальностью. Так появится основанная М. Гудвином и Я. Посадским квартирная мастерская «Дай Пять», объединившая формат выставочного пространства и творческой студии⁴.

1 Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000-2020: сб. статей / Под ред. А. Трубицына. — М.: Музей современного искусства «Гараж», 2020. 256 с.

2 Анатомия художественной среды. Локальные опыты и практики: сб. статей / Под ред. К. Зацепин. — Самара: ООО «Медиа-Книга», 2015. 88 с.

3 Анатомия художественной среды. Локальные опыты и практики: сб. статей / Под ред. К. Зацепин. - Самара: ООО «Медиа-Книга», 2015. 88 с.

4 Сеть архивов российского искусства // URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/organization/ORBJ> (дата обращения: 16.12.2021).

Краснодар

По аналогичному сценарию развивался и контекст Краснодара, но имея более богатую предысторию, уходящую корнями в 90-е годы, когда в г. Сочи проходит выставка, представившая югу России ряд широко известных художников. Вслед за ней краснодарцы намереваются повторить опыт, организуя выставку «Фасад», но сталкиваясь сначала с неприятием и срывом мероприятия, а после и присвоением названия выставки Федеральным музеем им. Коваленко в своих интересах. Выходом из таких условий оказывается создание сквотов и квартирных выставок. Даже несмотря на интерес со стороны СМИ, культурная деятельность тех лет не выходила за рамки узких кругов, однако именно в них сформировалась прослойка художников нового поколения.

Чуть позже, представленные на московской сцене В. Колесников и В. Мигачев предпринимают попытку создания зала для реализации проектов молодых художников под названием «Точка» в музее им. Высоцкого, но успев провести лишь пару выставок, пространство закрывается под предлогом несоответствия нормам пожарной безопасности. За ним следовали и самостоятельные попытки контакта с муниципальными залами и музеями, обернувшиеся чередой отказов и переключением художников на формат уличного акционизма. Левая политическая ангажированность и акции прямого действия приводят к сплочению художников с общим мировоззрением, в скором времени решающих обратиться к поиску пространства для мастерской, наиболее доступным из которых оказывается местный завод измерительных приборов (ЗИП), в честь которого и назовет себя группа.

Специфичность пространства приводит к переосмыслению найденных на заводе объектов советского прошлого и созданию тематической экспозиции. Подхваченный на заводе дух социалистической культуры и коллективизма становится неотъемлемой чертой группы. Сами же художники находят себя в организационной, кураторской и образовательной деятельности, организуя на территории завода самопровозглашенный Краснодарский Институт Современного Искусства, чья деятельность, как и в случае с ВЦСИ перерастет в полноценный образовательный курс ориентированный на действующих художников.

По счастливой случайности, на одно из мероприятий коллектива попадает меценат Н. Мороз, заинтересовавшийся деятельностью художников и предложивший создание культурного центра в самом центре города, на месте бывшего издательства «Советская Кубань». Центр получил название «Типография» и оказался настоящей авантюрой (по прогнозам, он мог просуществовать лишь несколько месяцев). Однако, к развитию инициативы подключился следующий спонсор — Е. Руденко, а центр обрел связи с крупными московскими институциями, в числе которых музей «Гараж». В скором времени, центр оказывается представлен на международной ярмарке «Cosmoscow» в качестве «институции года». Похожий путь прошел и инициированный группой «ЗИП» фестиваль «Может», ставкой которого было создание фестиваля уличного искусства без каких либо средств и институциональной поддержки. Фестиваль охватывал самые разные пространства от квартир и частных домов до улиц^[2]. С каждым новым фестивалем росло освещение в СМИ и число подключившихся выста-

вочных залов (последний из них вовсе прошел при поддержке Северокавказского филиала Государственного Центра Современного Искусства). Коммерциализация независимых проектов привела к созданию альтернативных сообществ. Например, коллектив краснодарских художников "Plague", открывает выставочное пространство на том же заводе ЗИП, с достаточной регулярностью курируя персональные и коллективные выставки российских и зарубежных художников.

Ростов-на-Дону

Отличительной чертой Ростова-на-Дону является сильная живописная школа, как следствие, широкое задействование этого средства, наряду с переосмыслением деятельности предыдущих поколений (что нередко обыгрывается в выставках и проектах как в Ростове, так и за его пределами). Еще одним фактором в истории культурной жизни города является хип-хоп культура, представленная не только большим количеством известных рэп-исполнителей и коллективов, но также и граффити-художниками, с достаточной регулярностью вступающими в коллаборации с проектами в сфере современного искусства.

Из числа художников старшего поколения следует выделить группу «Искусство или смерть», впоследствии переехавшую в Москву, возглавив сквот в Трехпрудном переулке. Еще в 1988-м году группа провела саркастическую акцию «Провинциальный Авангард» провозгласив общественный туалет культурным центром (20 лет спустя художники Н. Дурицкая и С. Сапожников совершили вандальную акцию, нанеся на стены туалета имена его известных посетителей и представив документацию в рамках

Южно-российской биеннале современного искусства).

В своих практиках ростовские художники активно прибегали к сквотированию и интервенциям в публичные места, например группа «Жаба и Чорт» взаимодействовала с питейными заведениями, а С. Сапожников с достаточной регулярностью проводил персональные выставки в местном салоне красоты, тем самым превратив его еще в одну культурную точку города.

Важнейшую роль для культурной жизни Ростова сыграла и уже упомянутая Южнорусская биеннале, познакомившая горожан с ведущими российскими художниками и закрывшаяся в связи с заключением участниц группы Pussy Riot, чью деятельность оргкомитет связал с современным искусством, решив дистанцироваться от подобной деятельности. Реакция на срыв биеннале последовала в виде создания художниками альтернативы в лице фестиваля «Ростов-на-Дону 2012». В этом же году на территории первого творческого кластера «Креативное пространство» в качестве выставочного пространства активно осваивается пространство гаража, а также открывается галерея «16-th line», которая начинает активное сотрудничество как с Третьяковской Галереей так и Сарой Лукас из числа молодых британских художников⁵. Не без поддержки бизнесменов, через год открывается культурный центр «Makaronka», тоже ориентированный на международное сотрудничество с авторами международного уровня. Если вернуться к самоорганизациям в их самом привычном понимании, то таким примером

5 Анатолия художественной среды. Локальные опыты и практики: сб. статей / Под ред. К. Зацепин. — Самара: ООО «Медиа-Книга», 2015. 88 с.

будет «Lil space» — квартирная галерея О. Устинова, как мастерская «Дай Пять» и проект «Plague», активно вступающая в диалог с пост-интернет визуальностью. Именно это пространство открыло зрителю искусство реального правнука И.В. Сталина — Якова Джугашвили.

Сибирский федеральный округ

Из числа сибирских самоорганизаций наиболее показательной является инициированная А. Лоскутовым «Монстрация» — игровое действо без конкретного сценария, массовая художественная акция в виде шествия с аполитичными и зачастую абсурдистскими лозунгами, которые придумывают участники проекта. Формат данного события колеблется между художественной деятельностью, социальной активностью и политическим жестом. Открытая в Новосибирске Л. Пушем и К. Скотниковым «White Cube Gallery» представляла собой гараж из листового металла на деревянном постаменте в центре города. После запрета «Монстрации» галерея реализовала выставку участников шествия. Годом позже Л. Пуш купил грузовик, превратив галерею в передвижное пространство и проведя цикл выставок на российско-монгольской границе. Галерея сама по себе стала художественным объектом, появившись на международной ярмарке «Art Cologne» и попав в частную коллекцию. Существовало и арендованное у новосибирского отделения союза фотохудожников пространство SOMA (space of modern art), впоследствии открывшее вторую площадку. Также была активна коммуна новосибирских дизайнеров, архитекторов и художников «На дне», ориентированная на работу с городской средой,

а также издательскую и выставочную деятельность⁶. Муниципальный центр «ЦК 19», проводил фестиваль «48 часов Новосибирск», в рамках которого на двое суток оказывается задействовано все городское пространство, превращаясь в одну большую площадку лекций и художественных высказываний (подобно упомянутому ранее фестивалю «Может!»).

Для Сибири оказываются характерны отдельные точки культурной активности в сфере современного искусства на основе муниципальных культурных центров, музеев и университетов: контекст Томска тесно связан с университетской средой, сформировавшей не только культурную политику, но и репутацию города. Именно на основании ТГУ осуществлялись проекты куратора и педагога Г. Преображенского, была открыта галерея «В Главном» и реализован фестиваль публичного искусства «Мука», задумкой которого стало переосмысление памятников архитектуры, находящихся в критическом состоянии. Живописцы из академической среды Н. Исаев и Л. Мурина, совмещающие художественные практики с музейной деятельностью, регулярно проводят в своей квартире самопровозглашенные биеннале, центром которых оказывается жанр городского пейзажа. Некоторое время в городе функционировал и сквот «Арс Котельная», представлявший собою нелегально захваченное здание в центре города.

Свердловская область

В «нулевые» годы на цокольном этаже краеведческого музея в Ека-

⁶ Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000-2020: сб. статей / Под ред. А. Трубицына. — М.: Музей современного искусства «Гараж», 2020. 256 с.

теринбурге художники арендовали пространство, позиционируемое как «центр действия» и получившее название «Нога», в стенах которого был проведен ряд независимых выставок, спектаклей и видеопрограмм. Затем, на протяжении семи лет функционировал фонд «Культурный транзит», миссией которого был объявлен культурный обмен между самоорганизациями, а также вовлечение людей, независимо от пола и возраста. В рамках выставочной деятельности фонда художник С. Рожин реализовал проект под названием «ЖБИ галлери», так называемая галерея расположилась в коробке из под советских противоголовок и поставила своей целью демонстрацию работ небольшого формата. Похожим экспериментальным проектом стала мобильная галерея «Скот» авторства нижнетагильской художницы К. Кошурниковой, галерея располагалась у нее дома и представляла собой небольшой объект из 4 несущих стен без окон. Экспонаты заполняли галерею так, что воспринимать экспозицию оказывалось невозможно, а художникам позволялось перекрашивать наружную часть стен.

Говоря о контексте Нижнего Тагила следует упомянуть и арт пространство «Яйцо», расположившееся в бывшей мастерской Союза Художников. Пространство было ориентировано как на выставки, так и на творческие вечера, театральные постановки и образовательные проекты, на его базе был организован и т.н. «Арт-Падик» расположившийся в подъезде и ориентированный на выставочную работу. Отдельно следует упомянуть и пространство «Кубива», созданное арт-группой «Жизнь как перформанс» и их друзьями. Пространство стало настоящим центром уральского анде-

граунда (в том числе и музыкального). Сами же организаторы не знали как именно позиционировать «Кубиву»: как целостное произведение, организацию или галерею. Центральным выставочным объектом преподносилось само пространство, а художественные произведения оказываются лишены экспликаций и авторства⁷.

Заключение

Проанализировав перечень самоорганизаций в разных городах России, можно прийти к выводу, что возрастающая активность независимых художественных сообществ, пространств и фестивалей в регионах России во многом обусловлена отсутствием локальной инфраструктуры в сфере современного искусства. К похожему заключению приходит и куратор проекта «Открытые системы» А.Ю. Трубицына, отмечая что возрастание самоорганизованных активностей приходится на 10-е годы и обуславливается утихшей государственной поддержкой инициатив в сфере современного искусства.

Современные самоорганизации действуют по принципу, сопоставимому с советским нонконформизмом и ранним контекстом 90-х годов, когда за неимением государственной поддержки художники обращались к сквотам и квартирным выставкам. Подобное отсутствие инфраструктуры приводит к появлению описанного искусствоведам В.А. Мизиано феномена «тусовки», имитирующего капиталистические отношения — так появляются самопровозглашенные галереи без продаж и покупателей, после чего находятся несколько спонсоров и коллекционеров,

⁷ Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000-2020: сб. статей / Под ред. А. Трубицына. — М.: Музей современного искусства «Гараж», 2020. 256 с.

благодаря которым низовые инициативы получают известность и финансирование, постепенно встраиваясь и в общероссийский контекст⁸. Если изначально художественное сообщество представляется монолитным и не имеющим конкретной стратегии, то по мере своего развития оно разделяется на несколько, зачастую, состоящих в оппозиции сообществ. Впрочем, независимые художественные инициативы могут носить и стихийный характер, не развиваясь по упомянутой выше структуре (в чем можно убедиться на примерах Свердловской области и Западно-Сибирского округа). Художники нередко прибегают и к экспериментам над самим форматом экспозиции, используя его в качестве средства художественного выражения, такие проекты занимают смежную позицию между арт-объектом и выставочным пространством, не являясь галереей в привычном нам понимании.

цепин. — Самара: ООО «Медиа-Книга», 2015. 88 с.

- [3] Мизиано В. Культурные противоречия тусовки // URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/76/article/1658> (дата обращения: 15.10.2021).
- [4] Сеть архивов российского искусства // URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/organization/ORBJ> (дата обращения: 16.12.2021).

References

- [1] Open systems. Experiences of artistic self-organization in Russia. 2000-2020: Sat. articles / Ed. A. Trubitsyna. — М.: Garage Museum of Contemporary Art, 2020. 256 p.
- [2] Anatomy of the artistic environment. Local experiences and practices: Sat. articles / Ed. K. Zatsepin. - Samara: LLC "Media-Kniga", 2015. 88 p.
- [3] Misiano V. Cultural contradictions of the tusovka // URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/76/article/1658> (10.15.2021).
- [4] Network of archives of Russian art // URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/organization/ORBJ> (12.16.2021).

Список литературы

- [1] Открытые системы. Опыт художественной самоорганизации в России. 2000-2020: сб. статей / Под ред. А. Трубицына. — М.: Музей современного искусства «Гараж», 2020. 256 с.
- [2] Анатомия художественной среды. Локальные опыты и практики: сб. статей / Под ред. К. За-

⁸ Мизиано В. Культурные противоречия тусовки // URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/76/article/1658> (дата обращения: 15.10.2021).

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ:
АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ**

**PHILOSOPHY, SOCIOLOGY:
ACTUALITY AND INNOVATION**

Данакин Н.С.

*Доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.*

Сафонов К.Б.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка
Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого.*

Литвинова Г.А.

*Аспирант кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.*

**Гуманность и функциональность
в развитии организации: возможность консенсуса***

Аннотация. Эволюцию представлений о гуманизации отношений «человек – организация» можно представить в виде типичных подходов, сменяющих друг друга с течением времени. При этом данные перемены не дискретны, что подразумевает возможность сосуществования подходов. В зависимости от путей удовлетворения потребностей, учета способностей и создания условий для утверждения субъектности человека выделяются функциональный, гуманистический и интегральный подходы, позволяющие в разной степени соблюдать баланс интересов и учитывать особенности как организационных структур, так и их сотрудников.

Ключевые слова: гуманность, функциональность, организация, консенсус, интегральность, трансформация, организация, модель.

Danakin N.S.

*Doctor of Sociology, Professor of the Department
of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.*

Safonov K.B.

*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department
of Eng-lish, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.*

Litvinova G.A.

*Postgraduate Student of Department
of Sociology and Management Belgorod State Technological University.*

**Humanity and functionality
in development organizations: the possibility of consensus**

* © Данакин Н.С., Сафонов К.Б., Литвинова Г.А., 2022.

Гуманность и функциональность в развитии организации: возможность консенсуса

Abstract. The evolution of ideas about the humanization of relations «man - organization» can be represented in the form of typical approaches, replacing each other over time. However, these changes are not discrete, which implies the possibility of coexistence of approaches. In depending on the ways of satisfying needs, taking into account abilities and creating conditions for the assertion of subjectivity of a person stand out functional, humanistic and integral approaches that allow maintain a balance of interests to varying degrees and take into account the peculiarities of both organizational structures and their employees.

Key words: humanity, functionality, organization, consensus, integrity, transformation, organization, model.

Введение

Трансформация системы общественных отношений и сопутствующее ей изменение подходов к регулированию процессов хозяйствования привели к формированию различных моделей взаимодействия человека и организации. В их рамках находили отражение подходы, выделенные видными представителями социологической и управленческой мысли. При этом практики менеджмента ориентировались на необходимость обеспечения устойчивого функционирования хозяйственных систем, повышения эффективности производства, реализации его адаптивного потенциала. Поэтому в разные периоды приоритет отдавался ориентации либо на функции осуществляемой деятельности, либо на человека с его потребностями, индивидуальностью и неповторимыми особенностями. Так, в ходе эволюции сложились две основные модели взаимоотношений человека и организации – функционально ориентированная и гуманистическая, отдельные элементы которых в различных соотношениях можно выделить и при анализе деятельности современных организаций.

Любая организация характеризуется, прежде всего, особенностями ее социального окружения. Анализ процессов, происходящих в социуме, при этом можно рассматривать в качестве одного из элементов бизнес-стратегии.

Это справедливо, поскольку «в условиях жесткой конкурентной борьбы и быстро меняющейся ситуации организации должны не только концентрировать внимание на внутреннем состоянии дел, но и выработать долгосрочную стратегию поведения, которая позволяла бы успевать за изменениями, происходящими в их окружении»¹.

1. Функционально-ориентированная модель управления

Каждый этап в развитии общества характеризуется доминированием той или иной управленческой модели, рассматриваемой в качестве наиболее уместной и приемлемой в процессе достижения целей хозяйственной деятельности. Уже давно сложилась функциональная ориентация в управлении и соответствующая ей модель взаимодействия в системе «человек-организация». Особый интерес при этом вызывает вопрос, какая именно функция является тем ориентиром, который представляет собой определяющий элемент деловой стратегии. С точки зрения менеджмента, функциональная ориентация предполагает наличие различных структур, имеющих очень узкий взгляд и не заинтересованных в том, что их прямо не касается². Иными словами, преобладает

1 Арутюнов Ю.А. Выбор стратегии бизнеса в управлении организацией // Власть. 2007. № 7. С. 35.

2 Робсон М., Уиллах Ф. Реинжиниринг бизнес-процессов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 47.

специализация управления с выделением в структуре организации подразделений, выполняющих конкретную функцию и зачастую мало взаимодействующих друг с другом. В рамках подобной модели происходит восприятие сотрудника, прежде всего, как специалиста с четко очерченным кругом должностных обязанностей и соответствующим им набором полномочий. Выход за заранее определенные рамки не предполагается, а индивидуальным особенностям человека уделяется второстепенное внимание.

Может возникнуть вопрос об уместности анализа подобной функционально ориентированной модели с позиций социального управления. На наш взгляд, это вполне возможно. Социальные связи в организации здесь будут рассматриваться, прежде всего, как механизм профессионального взаимодействия. В функционировании системы «человек – организация» основной приоритет отдается именно организационной структуре, а не составляющим ее индивидам. Для отдельного сотрудника подобный разворот событий, как правило, означает снижение его способности к участию в принятии управленческих решений, ограничение свободы творчества при осуществлении профессиональных обязанностей. Функциональная ориентация подразумевает четкое планирование и контроль со стороны руководящей подсистемы организации. Функциональная ориентация существуют уже давно. Ее первые прототипы возникли одновременно с появлением самого института управления. Сначала функциональная ориентация предполагала четкое разграничение управляющей и управляемой подсистем. Объект управления при этом был полностью отстранен от процесса принятия решений. Его единственной задачей было неукоснительное выпол-

нение поступавших «сверху» распоряжений. На начальных этапах субъект управления определял даже необходимый образ действия, полностью исключая объект своего воздействия свободы объекта творчества и сводя его роль к механическому исполнению уже принятых решений, не подлежащих обсуждению.

В рамках функционально ориентированной модели менеджер должен не только принимать на себя ответственность, но и четко осознавать последствия принимаемых решений. Иначе результат их реализации может быть негативным: «В случаях неоднозначного результата управленческого воздействия подчиненный может формально выполнить последовательность операций или нарушить какие-либо действия»³. Как следствие, пострадает организация, не в лучшем положении может оказаться и общество. В случае применения модели, подразумевающей функциональную ориентацию, важно выдвигать на руководящую работу наиболее компетентных и грамотных специалистов. В том случае, если результат управленческого воздействия окажется далеким от ожидаемого, они должны быть способны произвести необходимые корректировки с целью возвращения траектории деятельности организации в заданное русло. Важным механизмом, предохраняющим от возникновения непредвиденных ситуаций, является глубокий анализ стратегических направлений менеджмента. Его проведение можно представить в качестве определенной системы мер, предусматривающей привлечение не только руководства организации и собственников, но и представителей экспертного сообщества. Конечно, это

3 Полякова А.В. Сущность и особенности управленческого воздействия // Акмеология. 2002. № 3. С. 29.

стало возможным лишь в последние десятилетия. На первоначальных этапах существования функционально ориентированной модели социального управления подобный подход был практически нереализуемым.

Поскольку функциональная ориентация сложилась достаточно давно, может показаться, что она является признаком закрытости организации, ее неготовности к всестороннему и многоаспектному взаимодействию с собственными сотрудниками и обществом в целом. Это, конечно, далеко не так. Многое зависит от конкретной ситуации. Выше мы уже говорили о том, что на первоначальном этапе существования организации применение функционально ориентированной модели представляется весьма уместным. Также подобное развитие ситуации возможно при нестабильности кадрового состава. Мы не будем анализировать причины этого, однако в том случае, когда происходит значительный отток сотрудников и приток новых, невозможно выстроить устойчивое взаимодействие в системе «человек-организация». Нестабильность кадрового состава при этом означает невозможность делегирования значительных полномочий рядовым исполнителям. Это происходит в силу того, что вследствие их непродолжительного опыта работы в данной организации они еще не в полной мере усвоили те принципы, на которых строится ее деятельность. В итоге это может привести к сбоям в процессах взаимодействия как внутри организации, так и с внешней средой. Поэтому в данном конкретном случае применение подобной модели, подразумевающей сосредоточение основных управленческих рычагов в руках руководства, представляется нам весьма уместным и приемлемым.

Некоторое ограничение автономии сотрудников, имеющее место в рамках функциональной ориентации, не должно повлиять на успешность регулирования социальных процессов в организации. Более того, функционально ориентированная модель не исключает признания ключевой роли человеческих ресурсов. Другое дело, что в данном случае развитие сотрудников происходит по мере осуществления ими своей профессиональной деятельности, не будет являться самоцелью. Основным фактором, определяющим особенность взаимодействия внутри организации, все же оказывается необходимость наиболее эффективного осуществления ее основной деятельности. Все другие факторы при этом становятся лишь элементами, необходимыми для успешного осуществления определенной стратегии. При этом необходимо отметить, что «взаимодействие отражает процессы воздействия объектов (процессов) друг на друга, их взаимную обусловленность»⁴. В рамках реализации функционально ориентированной модели на практике подобные процессы взаимного воздействия могут принимать формы учета со стороны руководства индивидуальных особенностей сотрудников с целью повышения производительности и эффективности труда. Сотрудники, в свою очередь, могут использовать средства обратной связи, в настоящий момент достаточно распространенные и существующие практически в каждой организации, ориентированной на успешную деятельность в условиях современного динамично развивающегося общества. Это позволит любому работнику оказать хотя бы

4 Буч О.В. Процессный подход к управлению организацией: к вопросу о взаимодействии процессов // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2006. Т. 9. № 4. С. 581.

опосредованное влияние на процесс принятия управленческих решений, что, несомненно, положительно скажется на развитии корпоративного духа и повышении мотивации к труду ради скорейшего достижения общей цели.

Реализация функционально ориентированной модели на практике представляет собой весьма сложное и многоаспектное явление как с точки зрения отдельной организации, так и социума в целом. Сложное оно потому, что может показаться практически несовместимым с самой идеей социального управления. А многоаспектность определяется наличием различных практических воплощений этой модели. Каждая организация уникальна, имеет неповторимый состав сотрудников и управленцев. Этим определяется неисчислимое множество вариантов путей, по которым может пойти развитие организации в рамках применения функционально ориентированной модели. Однако если не обращать внимание на особенности конкретных организационных образований и сконцентрироваться лишь на сущностных характеристиках практических воплощений, можно выделить два основных подхода в рамках функциональной ориентации – организационный и менеджерский. Каждый из этих подходов подразумевает, помимо всего прочего, формирование особой парадигмы взаимодействия в системе «человек-организация». Конечно, при этом они будут иметь много общего, поскольку представляют собой лишь два варианта одной и той же модели.

2. Гуманистическая модель системы «человек-организация»

В основе гуманистической модели взаимодействия в системе «человек-организация» лежит идея о необходимости всесторонней ориентации на по-

требности личности, индивидуальные характеристики сотрудника. Открытым при этом остается вопрос о том, каким образом можно адекватно выделить данные характеристики. Также необходимо определиться с ролью, отводимой коллективу и организации в целом. В зависимости от того, какие ответы будут даны на поставленные вопросы, различаться будет и выделяемая система ценностей, рассматриваемая в качестве базиса внутриорганизационного взаимодействия. Может показаться, что в изменившихся условиях нет необходимости в существовании системы ценностей, единой для всей организации. Однако в подобном случае избыточной станет и сама организация. Без корпоративной культуры она неизбежно распадется на составляющих ее индивидов, но как единое целое существовать не сможет. Разумеется, нельзя считать гуманизм и ориентацию на человека синонимами отказа от существования единой организации. Более того, в этом не заинтересован и сам человек. Только организация может обеспечить приемлемые и комфортные условия труда, соответствующие запросам современных профессионалов.

В современной литературе отмечается, что «личные цели человека актуализируют его потребности, определяют значимые ценности, формируют определенные ожидания»⁵. Данный аспект представляется нам особенно значимым в контексте гуманизации. Обусловлено это тем, что учет потребностей сотрудников является одним из необходимых требований гуманистического подхода. Поэтому менеджеру для осуществления успешного

⁵ Слинкова О.К., Пастухова Д.А. Сервиология как наука о человеке и его потребностях // Научный результат. Серия Технология бизнеса и сервиса. 2015. Т. 1. № 3. С. 74.

руководства организацией необходимо понимать структуру потребностей представителей возглавляемого им коллектива, учитывать это в процессе взаимодействия с сотрудниками. Конечно, подобный подход возможен лишь при условии формирования у персонала определенного уровня профессионального и личностного самосознания, что проявляется, в частности, в понимании необходимости содействия организации в достижении стоящих перед ней стратегических целей развития. Такое развитие событий имеет место на этапе становления устойчивого коллектива, представители которого демонстрируют готовность к осуществлению деятельности в обновленных условиях. Лишь в этом случае учет потребностей сотрудников может рассматриваться как проявление конструктивного подхода, позволяющего осуществить трансформацию организационных отношений.

Появление и развитие гуманистической модели неразрывно связано с гуманизацией социума. Процесс гуманизации призван решать приближение к реальным потребностям человека проблем, которые перед нами постоянно ставят техника и общество [6, 16]⁶. Применительно к организации это принимает формы ориентации на потребности индивида. Если в рамках функциональной ориентации первостепенное значение имел успех осуществляемой деятельности, то при гуманистической ориентации на первый план выходит благо человека. В соответствии с подобными предпосылками постепенно корректируется управленческая стратегия. Это проявляется в принятии в расчет

6 Евдокимов П.Г. К вопросу о научном объяснении понятий «гуманизация» и «гуманитаризация» // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2004. № 8. С. 16.

потребностей сотрудников, их нужд. Меняется и образ взаимодействия с обществом. Оно уже не рассматривается лишь как совокупность потенциальных сотрудников и потребителей или как благоприятное социальное окружение для развития организации. Гуманистическая ориентация подразумевает партнерские отношения с социумом во всех возможных аспектах: от уплаты налогов до развития благотворительных программ и от помощи сотрудникам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, до внедрения системы экологического менеджмента. Развитие организации при этом происходит одновременно с обществом, в направлении определенного им вектора.

Ориентация на человека представляет собой одну из ключевых тенденций развития менеджмента на современном этапе. Так, «хотя совершенствование технологии определено необходимо для сохранения преимуществ, элементом, оказывающим более серьезное влияние, станет использование скрытого человеческого потенциала»⁷. Иными словами, в настоящий момент практика социального управления представляет собой насущную потребность. Только в этом случае можно гарантировать устойчивое и поступательное развитие организации, а также общества, в рамках которого она осуществляет свою деятельность. Гуманистическая ориентация представляет собой наиболее полное выражение идей социального управления. При этом данная модель взаимодействия человека и организации, конечно, не является единственно приемлемой. Большое значение при выборе определенного подхода имеют все без исключения особенности становления и развития конкретной орга-

7 Алленбо Э. 5 стратегий великих компаний. М.: Россмэн-пресс, 2005. С. 115.

низационной системы, а также те цели, которые ставят перед ней собственники и социум в целом.

Социальное управление предполагает, что «человек является не средством производства и коммерции, а его основной целью, где особое место отводится вовлечению персонала в процесс деятельности»⁸. Данный подход означает не просто изменение подходов к управлению, меняется сама его сущность. Отказ от всеобъемлющего регулирования процессов социального взаимодействия означает одновременную необходимость передачи части управленческих функций от руководства организации ее сотрудникам. И речь здесь идет не столько о самоуправлении, сколько о принятии решений, оказывающих влияние на организацию в целом, стратегию ее развития, определяемые в соответствии с нею цели и задачи. В итоге представители коллектива вовлекаются в процесс управления наряду с менеджерами и собственниками. Это имеет большое значение как для организации, так и для каждого из сотрудников. Привлечение к руководству не только аппарата управления, но и членов коллектива повышает эффективность данной деятельности. Сотрудники получают возможность в полной мере реализовать собственный креативный потенциал, а организации сообщается новый импульс развития, который позволит ей достичь новых высот развития, выйти на качественно новые уровни в осуществлении деятельности.

3. Интегральная модель взаимодействия «человек-организация»

В условиях общественной транс-

⁸ Акулова Ю.С. Вовлеченность персонала в системе социального управления // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4. С. 109.

формации происходят заметные изменения, в том числе, и в сфере теории и практики управления организациями. Ранее выработанные модели взаимодействия и коммуникации, принятия решений и их реализации должны подвергаться постоянному переосмыслению с целью выработки оптимального образа действия, которые позволяют учесть и особенности конкретной организации, и те пути, по которым в настоящий момент идет развитие социума. При этом в качестве значимого аспекта современного менеджмента нам представляется тот факт, что «организация постоянно подвергается деструктивным влияниям, дезорганизующим ее созидательную деятельность из-за нарастания центробежных интересов ее коллективов и отдельных сотрудников и несоответствия внутренних и внешних векторов развития»⁹. В таких условиях под вопрос может быть поставлена сама возможность существования гуманистической ориентации в социальном управлении и соответствующей ей модели взаимодействия с человеком. Кроме того, по мере ускорения и углубления процессов социальной трансформации ранее выработанные модели могут терять свою актуальность. Как следствие, на смену им должна прийти новая модель, в рамках которой будут в полной мере учтены их достоинства и недостатки, что позволит дать адекватный ответ проблемам проявления центробежных тенденций в организационном развитии.

Сочетание отдельных аспектов как функциональной, так и гуманистической ориентации в социальном управлении возможно в условиях, про-

⁹ Козлов В.В., Платонов А.М. Принципы конструирования динамической модели управления организацией // Вестник УрФУ. Серия Экономика и управление. 2012. № 1. С. 31-32.

исходящих в настоящий момент стремительных социальных изменений. Ускоряющаяся динамика общественных отношений приводит к нестабильности организационных связей. Следовательно, для успешности деятельности организации чрезвычайно важна способность скорейшего установления новых связей с целью обеспечения непрерывного социального взаимодействия. Это возможно при условии практического применения гуманистической модели, предполагающей наличие у коллектива и его отдельных представителей определенной автономии. Однако успех деятельности организации в настоящий момент напрямую зависит от ее способности верно ставить стратегические цели развития и определять оптимальные пути их достижения. Ключевым фактором подобных процессов является наличие эффективной системы руководства организацией, что возможно в рамках функционально ориентированной модели социального управления. При этом осуществление деятельности в рамках трансформирующегося социума предполагает одновременное выполнение обоих приведенных выше условий. Это возможно при одновременном отказе от обеих ранее применявшихся моделей и переходе к интегральной модели управления и взаимодействия с сотрудниками.

Интегральная модель взаимодействия в системе «человек-организация» является характерной чертой трансформирующегося общества. Она представляет собой своеобразный ответ на социальный запрос повышения эффективности деятельности организации, ее ответственности за решение проблем социума. Данная модель вбирает в себя подходы и предпосылки, сформированные в процессе практической реализации концепций корпоративной

социальной ответственности, трансформации этических ценностей и их адаптации к условиям деятельности современных организаций и существующих в их рамках систем взаимодействия. При этом не вызывает сомнения гуманистическая направленность интегральной модели, поскольку даже включаемые в нее аспекты функциональной ориентации все равно рассматриваются через призму человека, его уникальных характеристик и неповторимых особенностей. Следовательно, всестороннее внедрение интегральной модели взаимодействия с человеком можно понимать в качестве современного подхода в практике гуманизации социального управления деятельностью организаций.

Выводы

1. Общественная трансформация является одним из детерминантов организационного становления и развития. При этом все большее отражение в практике деятельности организаций приобретает запрос на гуманизацию, приведение предпринимаемых действий в соответствие с необходимостью учитывать потребности и способности человека, что, в свою очередь, позволяет обозначить его субъектность. Это можно считать прямым следствием эволюционного развития представлений о взаимодействии в системе «человек – организация», в результате которого возникают современные интерпретации и подходы к решению обозначенной проблемы.

2. Эволюция представлений о гуманизации отношений «человек-организация» может рассматриваться на объективном и субъективном уровнях. Первый представляет собой отражение процессов трансформации и гуманизации организационных структур,

изменения практических подходов к регулированию осуществляемой ими деятельности. Сущность второго уровня составляет изменение теоретических концепций, отражающих особенности взаимодействия человека и организации. Объективный и субъективный уровни должны рассматриваться взаимосвязано, так как лишь в этом случае можно составить целостное представление о детерминантах процессов организационного развития в различные периоды.

3. Эволюцию представлений о гуманизации отношений «человек-организация» можно представить в виде системы типичных подходов, сменяющих друг друга с течением времени. При этом данные перемены не дискретны, что подразумевает возможность сосуществования подходов. В зависимости от путей удовлетворения потребностей, учета способностей и создания условий для утверждения субъектности человека можно выделить функциональный, гуманистический и интегральный подходы, позволяющие в разной степени соблюдать баланс интересов и учитывать особенности как организационных структур, так и составляющих их сотрудников.

4. С течением времени эволюция представлений о гуманизации отношений «человек-организация» приводит к возникновению современных представлений о путях решений данной проблемы. При этом обновление и трансформация затрагивают как теорию, так и практические подходы в рамках регулирования организационно-управленческой деятельности.

References

- [1] Arutyunov Yu.A. Choice of business strategy in organization management // Power. 2007. № 7. P. 35.
- [2] Robson M., Willah F. Reengineering of business processes. M.: UNITI-DANA, 2003. P. 47.

- [3] Polyakova A.V. Essence and features of managerial influence // Akmeologiya. 2002. № 3. P. 29.
- [4] Butch O.V. Process approach to organization management: to the question of the interaction of processes // Bulletin of the Murmansk State Technical University. 2006. V. 9. № 4. P. 581.
- [5] Slinkova O.K., Pastukhova D.A. Servisology as a science about a person and his needs // Scientific result. Series Technology of business and service. 2015. Vol. 1. № 3. P. 74.
- [6] Evdokimov P.G. To the question of the scientific explanation of the concepts of "humanization" and "humanization" // Bulletin of the Volgograd State Technical University. 2004. № 8. P. 16.
- [7] Allenbaugh E. 5 strategies of great companies. M.: Rossman-press, 2005. P. 115.
- [8] Akulova Yu.S. Personnel involvement in the system of social management // Modern studies of social problems. 2012. № 4. P. 109.
- [9] Kozlov V.V., Platonov A.M. Principles of designing a dynamic model of organization management // Vestnik UrFU. Series Economics and Management. 2012. № 1. P. 31-32.

Список литературы

- [1] Арутюнов Ю.А. Выбор стратегии бизнеса в управлении организацией // Власть. 2007. № 7. С. 35.
- [2] Робсон М., Уиллах Ф. Реинжиниринг бизнес-процессов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 47.
- [3] Полякова А.В. Сущность и особенности управленческого воздействия // Акмеология. 2002. № 3. С. 29.
- [4] Буч О.В. Процессный подход к управлению организацией: к вопросу о взаимодействии процессов // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2006. Т. 9. № 4. С. 581.
- [5] Слинкова О.К., Пастухова Д.А. Сервисология как наука о человеке и его потребностях // Научный результат. Серия Технология бизнеса и сервиса. 2015. Т. 1. № 3. С. 74.
- [6] Евдокимов П.Г. К вопросу о научном объяснении понятий «гуманизация» и «гуманитаризация» // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2004. № 8. С. 16.
- [7] Алленбо Э. 5 стратегий великих компаний. М.: Россмэн-пресс, 2005. С. 115.
- [8] Акулова Ю.С. Вовлеченность персонала в системе социального управления // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4. С. 109.
- [9] Козлов В.В., Платонов А.М. Принципы конструирования динамической модели управления организацией // Вестник УрФУ. Серия Экономика и управление. 2012. № 1. С. 31-32.

Петрова С.И.

Кандидат культурологии, доцент.

Академия маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар.

Петров И.Ф.

Доктор философских наук, профессор.

Академия маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар.

Проблема социальной изменчивости*

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальных изменений. Человек сталкивается с ними как во время своего биологического роста, так и в стремлении рационализировать свои жизненные трудности или организовать социальную карьеру. И хотя каждый из этих моментов отличается от других, их объединяет количественная и качественная парадигма: «возникновение, увеличение, уменьшение, повторение, развитие». Статья посвящена анализу различных концепций трансформации социума, в которых «социальные изменения» определяются, прежде всего, как изменения, происходящие в социальных системах, определенном континууме времени и пространстве. Эти изменения проявляются в следующих формах: формирование, возникновение, рост, упадок, исчезновение, переходные периоды, преобразование и др. Направление изменений в социальных системах интерпретируется по-разному: цикличность, линейность и т.д. Если говорить о существующей традиции типологии социальных изменений в науке, то обычно выделяют следующие виды: революции, реформы, модернизация, трансформация, движения и некоторые другие.

Ключевые слова: общество, социальные изменения, трансформация, социум, социальная система, изменчивость.

Petrova S.I.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor.

Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Petrova I.F.

Doctor of Philosophy, Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

The problem of social variability

Abstract. The article is devoted to the problem of social change. A person encounters them both during his biological growth, and in an effort to rationalize his life difficulties or organize a social career. And although each of these moments is different from the others, they are united by a quantitative and qualitative paradigm: «occurrence, increase, decrease, repetition, development.» The article is devoted to the analysis of various concepts of the transformation of society, in which «social changes» are defined primarily as changes occurring in social systems, a certain continuum

* © Петрова С.И., Петров И.Ф., 2022.
Проблема социальной изменчивости

of time and space. These changes manifest themselves in the following forms: formation, emergence, growth, decline, disappearance, transitional periods, transformation, etc. The direction of changes in social systems is interpreted in different ways: cyclical, linear, etc. If we talk about the existing tradition of typology of social changes in science, the following types are usually distinguished: revolutions, reforms, modernization, transformation, movements and some others.

Key words: society, social changes, transformation, society, social system, variability.

Проблемы, связанные с процессами трансформации социума, сводятся в основном к таким явлениям, как моделирование общественной жизни в новых социальных условиях, с иным порядком действий, используемых для решения поставленных задач. Если в простых недифференцированных обществах эти изменения происходят отдельно в границах определенных областей, не затрагивая другие сферы, то в сложных обществах они протекают по-другому. Здесь модификации, происходящие в определенной сфере, всегда оказывают влияние на другие сферы общества. Общее содержание этих преобразований обычно переплетается в создаваемых социальных мифах, символах, выдуманных традициях, благодаря чему сохраняется лояльность общества по отношению к преобразованиям в социуме инициированным, так называемым творческим меньшинством. Это значит, что происходящие изменения, связаны в большей степени с изменениями в культуре (система ценностей, идеология) и в меньшей в социальной сфере (статусы, роли, цели, группы, элиты их интересы). Подобные изменения, происходящие в этих сферах (обусловленные и предполагаемые друг другом), называют «социокультурными».

Именно благодаря этим изменениям становится возможным в полной мере общественное воспроизводство на всех уровнях. Поэтому изучение проблемы социальных изменений является весь-

ма актуальной. Человек сталкивается с ними как во время своего биологического роста, так и в стремлении рационализировать свои жизненные трудности или организовать социальную карьеру. И хотя каждый из этих моментов отличается от других, их объединяет количественная и качественная парадигма: «возникновение, увеличение, уменьшение, повторение, развитие».

Первоначально объяснение и понимание этих изменений были основаны на естественных или космических факторах. Доверие к ним имело давние традиции в истории человеческого развития и легло в основу религиозных и мифологических концепций, объясняющих изменения, которым подвергается человеческое общество.

Этот принцип понимания проблемы зиждился на признании соответствия социальных изменений природным и космическим факторам. Таким образом, человек стремился убедиться, что нормы и руководящие принципы его поведения основаны на выдвинутых ими правилах надсоциального порядка. Хотя в данном случае чаще всего это определялось объективной реальностью, однако основные положения объяснения происходящих изменений несли на себе отпечаток внесоциального (часто религиозного). И как следствие, на первый план начинает выходить предопределение имеющихся условий жизни людей и их неспособность изменить эти условия в соответствии со своими желаниями. Таким образом, казалось,

что изменения в рамках социальной жизни должны осуществляться в пределах данных конструкций, которые нередко тормозили изменения настоящей жизни. Отсюда «стремление изменения обстоятельств общественной жизни» уступает позиции «стремлениям человека к изменению себя» в соответствии с идеалом совершенного человека, разработанным обществом для реализации божественных институтов на земле. При таком отношении источник изменений в социальных структурах определялся не в этих самых структурах, а во внесоциальных факторах. Такая ориентация была присуща многим философским концепциям понимания проблемы социальных перемен. В них изменения в социуме, рассматривались в основном с точки зрения возможной идеальной реорганизации. Только с появлением эволюционной теории и заимствованием определенных положений мира природы и экстраполяция их на человеческое общество, стали появляться теории, с уклоном на «организм и прогрессизм». Несмотря на различия в подходах к рассматриваемой проблеме, эти теории имели общие черты - теперь определение факторов изменений человеческого общества, проводилось в более широком аспекте. В них переменны стали одним из основных факторов бытия социума, что означало кардинально иную формулировку вопроса по сравнению с предыдущими эпохами. Одним из примеров воплощений социологической концепции такого взгляда на проблему социальных изменений стал марксизм с известным тезисом «Философы до сих пор по-разному объясняли мир, теперь задача заключается в том, чтобы его изменить» [5, с. 1-4] и позитивизм О. Конта и Г. Спенсера. Согласно позиции марксизма, основной перемен в общественной жизни явля-

ется изменение способов производства материальных благ. Социальные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, человек меняют свой способ производства, а с изменением способа производства, изменяются и общественные отношения. Эта социологическая теория объяснения социальных изменений не утратила своей ценности в понимании содержания отдельных параметров преобразований, происходящих в современных государствах [8]. Однако следует отметить, что учение о генезисе социальных изменений, марксизма, не всегда могло объяснить некоторые проблемы, стоящие перед человечеством в XX веке. «Современное развитие общества с особой наглядностью выявило ограниченность традиционных представлений марксизма относительно многих коренных проблем человечества. Недооценка роли человеческого потенциала, сведение основных целей развития общества к материально-производственной сфере привели к крупным ошибкам в стратегической линии поведения левых партий как в странах Востока, так и Запада. Это выразилось, как известно, в том, что в странах Востока было предпринято форсированное строительство так называемого коммунизма, хотя там для этого не существовало ни объективных, ни субъективных предпосылок» [2, с. 5].

Что касается позитивизма то и в нем социальные изменения рассматривались в плоскости их зависимости от объективных обстоятельств, а не от воли и желания индивида. Согласно учению О. Конта, условия для изменения социальных структур подчиняются аналогичным законам природы. Изменение общества происходит в результате прогресса человеческого разума,

и поэтому он отождествляет законы меняющихся состояний социального развития с законами состояний человеческого знания. Другим сторонником эволюционно-органической парадигмы является Г. Спенсер пытался трактовать социальные изменения с точки зрения психологии: «Мир управляется и изменяется через чувства, для которых идеи служат только руководителями. Социальный мир покоится, в конце концов, не на мнениях, но почти всецело на характерах» [3, с. 29].

Еще одна концепция понимания социальных перемен была предложена представителями структурного функционализма. В теории социальных изменений, созданной функционалистами, было проведено различие между обществами, в которых изменения повсеместны, и обществами, в которых они отсутствуют. Ранние общества были причислены к группе, в которой социальные изменения оказались незначительны или вообще отсутствовали. В. Малиновский [6, с. 683] и А. Рэдклифф-Браун [9] отстаивали взгляд на целостный и функциональный характер всех общественных изменений. По их словам, первобытные общества начинали меняться вследствие установления культурного контакта с более развитыми, по сравнению с ними, обществами. Таким образом, изменения, вызванные культурным контактом, постепенно приобретают универсальный характер и служат основанием для перехода этих обществ в иное качественное состояние по сравнению с тем, что было раньше. Представители функционализма стремились найти концептуализацию этой теории в фактах, которые они получили, изучая процесс изменения африканских культур через их взаимодействие с европейскими культурами. Однако ранний функционализм в

своей концепции социальных изменений не смог ответить на многие вопросы об особенностях изменений, обнаруженных в примитивных обществах. В наиболее системной форме продолжил развития функциональной теории социальных изменений Т. Парсонс, который также отдавал главный приоритет равновесию в системах, а не их изменению. Т. Парсонс видел основную причину изменений социальных систем в растущей дифференциации, специализации и автономии культурной системы. Он представлял эту систему как набор стабильных и изменяющихся свойств, отводя основное место в ней ценностям и нормам, составляющим интегрирующие части: «...Ценностный стандарт системы, лежащий в ее основании, в ходе дифференциации остается неизменным. Однако отсюда не следует, что ценности не претерпевают никаких изменений... Если мы говорим, что произошла дифференциация, то это значит, что ценности новой системы, включающей в себе как новые, так и резидуальные единицы, отличаются от ценностей первоначальной единицы, хотя их характеристика в терминах стандартной переменной может оставаться неизменной...» [7, с. 492]. На наш взгляд, заслуживает внимания осуществленный им анализ процесса дифференциации, переживаемого традиционными обществами на пути к современности. В этом случае происходит отождествление традиционных с недифференцированными функциями элементов системы. Переход к более развитому типу социума происходит с формированием рыночных отношений и отделением правовой системы от религиозной. Отсюда некоторые тенденции процессов трансформации, происходящие сегодня в общественной системе, в значительной степени являются попыткой решить со-

временные проблемы. Члены общества интерпретируют возникающую современность по-разному, часто противоречиво, и эти интерпретации довольно трудно интегрировать друг с другом. Это в значительной степени основано на том факте, что институты, возникающие в современном обществе, по причине отсутствия обратной связи, часто не могут оперативно и гибко реагировать на накопившиеся социально-экономические и политические проблемы.

П. Сорокин предпринял попытку объяснить тенденции социальных изменений, наиболее отчетливо проявляющихся в изменениях социального расслоения. Он считал, что стабильность социальной жизни является результатом соблюдения пропорций социального расслоения, при нарушении которой она перестает существовать. П. Сорокин находит тенденцию к расслоению на всех этапах развития человечества, хотя она отличается по форме и пропорциям в каждом отдельном обществе. Снижение уровня социальной стратификации в процессе исторического развития обществ указывает на достижение прогресса в формах их социальной организации. В тех обществах, где статусные позиции меняются редко и часто с учетом номинальных характеристик людей, социальная стратификация важнее, чем в обществах с открытой социальной структурой: социальное расслоение одинаковой высоты, а также одного и того же профиля может иметь различную внутреннюю структуру, вызванную различиями в интенсивности и универсальности горизонтальной и вертикальной мобильности. «Теоретически может существовать стратифицированное общество, в котором вертикальная мобильность равна нулю... Теоретически противоположный тип внутренней структуры

стратификации одной и той же высоты, а также одного и того же профиля - тот, в котором вертикальная мобильность чрезвычайно интенсивна и носит всеобщий характер... Поэтому, хотя социальное здание также стратифицировано, как и социальное здание неподвижного типа, жильцы различных слоев постоянно меняются...» [10, с. 376]. Изменения в системе стратификации по П. Сорокину, являются результатом ответа социальной системы на изменения трех типов культуры: идеологической, чувственной и идеалистической. Эта точка зрения помогает понять суть других концепций, посвященных социально-философскому анализу социокультурных процессов в развитии человеческих обществ в целом. Это касается концепций социальных изменений О. Шпенглера и А. Тойнби, которые пытались охарактеризовать этот процесс, опираясь на нематериальные и неосознанные символические общественные ресурсы. Так, А. Тойнби объясняет их, используя систему «вызов – ответ», при которой происходящие социальные изменения являются ответом на внешние и внутренние вызовы, где вызовы детерминированы природными и социальными факторами: условиями окружающей среды, экономической ситуацией, внешней агрессией. Ответы на них, как правило, исходят от «творческого меньшинства», пока оно не стало «доминирующим меньшинством», что означает смерть общества. «Рост достигается в том случае, когда индивидуум, меньшинство или все общество в целом отвечает на вызов и при этом не просто отвечает, но одновременно порождает другой вызов, который в свою очередь требует нового ответа. Процесс роста не прекращается до тех пор, пока это повторяющееся движение утраты равновесия, восстановления его, пере-

грузки и нового нарушения сохраняет свою силу. И хотя процесс роста единокобразен, опыт, переживаемый вовлеченными в этот процесс сторонами, весьма различен» [12, с. 288]. Концепция О. Шпенглера объяснения изменений также строится в контексте культурных и исторических процессов, где каждый тип цивилизации обречен на общую судьбу (рост, развитие и разрушение) [1].

В отличие от эволюционных теорий социальных изменений, иные концепции исходят из того факта, что руководящие принципы изменения социальных структур определяются человеческими отношениями, связями и характеристиками. Особое место здесь принадлежит таким инновационным идеям, как социальные общности Ф.Тенниса, потоки подражания Г. Тарда, трудовая этика М. Вебера и «коллективное представление» Э. Дюркгейма. Хотя в концепции социальных изменений Г. Тард не одобряет, свойственного для позитивизма, сравнения общества с организмом, а концентрирует свое внимание на аналогиях и метафорах. Он сравнивает его с мозгом, клетки которого образуются в результате взаимодействия отдельных человеческих особей. Так же, как мозг человека обеспечивает жизнь тела, так и общество приспособливает свои потребности к человеческим открытиям и инновациям, для обеспечения воспроизведения социальной жизни, на основе подражания, другими поколениями. До сих пор мы тщательно искали связь и закон исторических событий, - отмечает Г. Тард, - причины, вызвавшие странный порядок их последовательности, в котором мы во что бы то ни стало хотели увидеть какое-то развитие. На самом деле события происходят друг за другом, при этом они не только по-

хожи, «...но и не вызывают или, по крайней мере, не обуславливают необходимости друг друга; они сталкиваются между собой в гораздо большей степени, нежели объясняют друг друга, и каждое из них связывается истинно логической связью не с предыдущим и не с последующим, а с целым рядом или даже скорее с несколькими рядами правильных жизненных или социальных повторений, верхней точкой пересечения которых является данное событие. Они накладываются одно на другое подобно последовательным состояниям сознания в индивидуальном уме... Что же удивительного после того, что появление ощущений и внушений, воспоминаний и привычек или появление открытий и изобретений из хранилищ Традиции и Обычая оказывается случайным и беспорядочным» [11, с. 146]. Из этого следует, что объясняя трансформацию общественной жизни Г. Тард отводит особое место подражанию, в ходе которого формируются человеческие отношения.

Ф. Теннис, в отличие от Г. Тарда, полагал, что тенденции социальных изменений проистекают из изменения воли людей жить вместе, основы которой основаны на определенных формах социальных связей и отношений. Основываясь на формах связи, преобладающих в социальной жизни людей, он различает две формы социальности: «общество» и «общинность». В зависимости от изменения социальных отношений между людьми происходит также изменение этих форм. Связи и отношения в «общине» основаны, прежде всего, на эмоциях, потому что здесь доверие играет более важную роль, а не на рациональных, избирательных и прагматических интересах. Но выход человека из общины, заставляет его переориентировать свои отношения,

координируя их с обществом, окружающим социальным пространством. Теперь рациональный обмен услугами и прагматические интересы начинают преобладать в его отношениях с другими. «Развитие общества и государства и борьба внутри общества за политическую власть наполняют собой историю европейских наций, особенно историю последних четырех столетий. Внизу, на нижних ступенях общества и государства протекает жизнь собственно «народа», громадной массы, которая постоянно занята производительным трудом, - сельскохозяйственным или промышленным. Отношение народа к правящему классу, который именно потому является правящим, что он правит народом, можно охватить и выразить словами: народ кормит и питает своих господ ради определенных, полезных для него (народа) и даже необходимых функций, как то: предводительство на войне, суд, управление, просвещение, отправление культа, духовное руководство» [11, с. 169].

По Э. Дюркгейму социальные изменения проявляются в «результате исторического перехода обществ от одной формы солидарности к другой» через эволюцию форм трудовых отношений: «...Наиболее поразительное следствие разделения труда состоит не в том, что оно увеличивает производительность разделенных функций, но и в том, что оно делает их солидарными...» [4, с. 67]. Основными формами солидарности являются материально воспроизводимые законом и правом, которые также претерпевают изменения при изменении форм солидарности, что ясно проявляется в санкциях, которые вводятся для контроля за поведением людей (репрессивные и восстановительные). В зависимости от частоты контактов между людьми

формируются виды солидарности. Так, для несложных обществ свойственна механическая солидарность. В обществах современного типа, где человек постоянно устанавливает и отвергает формальные связи с другими членами социума, так как его поведение требует полагаться на другие измерения солидарности, чем на те, где эти связи были редкими и не вышли за пределы группы. Дюркгейм называет эту форму солидарности органичной. Таким образом, эволюция социальных отношений воплощает в жизнь другие формы солидарности, соответствующие им. «Механическая солидарность, существующая вначале одна или почти одна, постепенно утрачивает почву; мало-помалу берет верх органическая солидарность; таков исторический закон. Но если изменяется способ, которым люди солидаризируются, структура общества не может не измениться. Форма тела непременно изменяется, когда молекулярные свойства уже не те, что прежде...» [4, с. 182].

Подводя итог сказанному отметим, что в приведенных концепциях «социальные изменения» определяются, прежде всего, как изменения, происходящие в социальных системах, определенном континууме времени и пространстве. Эти изменения проявляются в следующих формах: формирование, возникновение, рост, упадок, исчезновение, переходные периоды, преобразование и др. Направление изменений в социальных системах также интерпретируется по-разному: цикличность, линейность и т.д. Если говорить о существующей традиции типологии социальных изменений в науке, то обычно выделяют следующие виды: революции, реформы, модернизация, трансформация, движения и некоторые другие. Следует отметить что

понятие «социальные изменения», как правило, считается общим и включает в себя ряд конкретных понятий, таких, например, как «трансформация».

References

- [1] Averintsev S.S. "Morphology of Culture" by Oswald Spengler // *New Ideas in Philosophy. Yearbook of the Philosophical Society of the USSR. Culture and religion.* М.: Science. 1991. P. 183-203.
- [2] Berezovskaya L.N., Kovalev A.N. *Russia on the Threshold of the 21st Century: A Philosophical and Sociological Study.* М.: MGU. 2008. 304 p.
- [3] Gromov I., Mitskevich A., Semenov V. *Western sociology.* СПб. 1997. 372 p.
- [4] Durkhem E. *On the division of social labor.* М.: Canon. 1996. 430 p.
- [5] Marx K., Engels F. *Theses on Feuerbach* // *Complete. coll. op.* Moscow: Political Literature. 1955. Volume 3. P. 1-4.
- [6] Malinovsky B. *Functional analysis. Anthology of Cultural Studies, Volume 1: Interpretations of Culture.* St. Petersburg: University book. 1997. P. 683. 728 p.
- [7] Parsons T. *Functional Theory of Change / American Sociological Thought: Texts.* Moscow: International University of Business and Management. 1996. 560 p.
- [8] Petrov L.I. *Need as a subject of socio-cultural reflection* // *Omsk Scientific Bulletin.* 2012. № 3 (109). P. 238-242.
- [9] Radcliffe-Brown A.R. *Structure and function in a primitive society. Essays and lectures.* М.: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 2001. 304 p.
- [10] Sorokin P. *Man. Civilization. Society.* Moscow: Politizdat. 1992. 543 p.
- [11] Tard G. *Social logic* // *Western European sociology XIX - early XX centuries.* М: Intl. University. Business and Management. 1996. 520 p.
- [12] Toynbee A. *Comprehension of history* М.: Progress. 1991. 736 p.

Список литературы

- [1] Аверинцев С.С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // *Новые идеи в философии. Ежегодник Философского общества СССР. Культура и религия.* М.: Наука. 1991. С. 183-203.
- [2] Березовская Л.Н., Ковалев А.Н. *Россия на пороге XXI века: философско-социологическое исследование.* М.: МГУ. 2008. 304 с.
- [3] Громов И., Мицкевич А., Семенов В. *Западная социология.* СПб. 1997. 372 с.
- [4] Дюркхем Э. *О разделении общественного труда.* М.: Канон. 1996. 430 с.
- [5] Маркс К., Энгельс Ф. *Тезисы о Фейербахе* //

Полн. собр. соч. М.: Политическая литература. 1955. Том 3. С. 1-4.

- [6] Малиновский Б. *Функциональный анализ. Антология исследований культуры, Том 1: Интерпретации культуры.* СПб: Университетская книга. 1997. С.683. 728 с.
- [7] Парсонс Т. *Функциональная теория изменения / Американская социологическая мысль: тексты.* М.: Международный ун-т Бизнеса и Управления. 1996. 560 с.
- [8] Петров Л.И. *Потребность как предмет социокультурной рефлексии* // *Омский научный вестник.* 2012. № 3 (109). С. 238-242.
- [9] Рэдклифф-Браун А.Р. *Структура и функции в примитивном обществе. Очерки и лекции.* М.: Восточная литература РАН. 2001. 304 с.
- [10] Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество.* М.: Политиздат. 1992. 543 с.
- [11] Тард Г. *Социальная логика* // *Западноевропейская социология XIX - начала XX веков.* М: Межд. универ. Бизнеса и Управления. 1996. 520 с.
- [12] Тойнби А. *Постижение истории* М.: Прогресс. 1991. 736 с.

Андриевская Ж.В.

Доцент, кандидат психологических наук.

Докторант, Южный Федеральный Университет.

Национальное сознание в контексте современных глобальных вызовов*

Аннотация. Феномен национального сознания в настоящее время становится частой темой в отечественном общественном дискурсе. Подобное внимание общества не случайно и вызвано поиском смыслов в условиях возрастания русофобской повестки в международном политическом пространстве. Расширение ареала неолиберального западного проекта не только способствуют появлению кризиса уважения и взаимного доверия между странами, но и создает условия к переосмыслению роли и места России в современном мире.

Ключевые слова: национальное сознание, идентичность, неолиберализм, цивилизация, русский мир, национальное осознание, национальная идеология, русофобия.

Andrievskaya Zh. V.

Associate Professor, Candidate of Psychological Science.

Doctoral candidate, Southern Federal University.

National consciousness in the context of modern global challenges

Abstract. The phenomenon of national consciousness is currently becoming a frequent topic in the domestic public discourse. Such public attention is not accidental and is caused by the search for meanings in the conditions of the increasing Russophobes agenda in the international political space. The expansion of the area of the neoliberal Western project not only contributes to the emergence of a crisis of respect and mutual trust between countries, but also creates conditions for rethinking the role and place of Russia in the modern world.

Key words: national consciousness, identity, neoliberalism, civilization, Russian world, national awareness, national ideology, Russophobia.

Достижения либеральных проектов западных демократий, на рубеже XX-XXI века, становятся привлекательной витриной зарубежного, «правильного» образа жизни. Однако склонность к повсеместной политкорректности, кажущаяся поначалу вынужденной необ-

ходимостью, впоследствии перерастает в войну доминирования прав меньшинства перед большинством. Следование подобной политике способствует растворению жизненных ориентиров человека и усиливает разрушающее воздействие на национальное созна-

* © Протоиерей Димитрий Лескин, 2022.

Воспитание как основа образования: возвращение к истокам

ние. Стоит отметить, что, либеральная конструкция государственности, в том виде, в котором она существует сейчас, фактически изжила себя [7, с. 49]. В настоящее время, и это стоит признать, следование либеральным ценностям, не только способствовало деградации национальной идентичности граждан, но и сформировало в России вполне осязаемый комплекс проблем. Основные негативные социальные проявления можно сформулировать следующим образом:

- частная собственность используется как средство неограниченной наживы, накопления благ с последующим, опираясь на свободы личности, выводом материальных ценностей в зарубежные страны. Как результат, Россия занимает пятое место в мире по числу валютных миллиардеров [4], что, в свою очередь, способствует увеличению разрыва между бедными слоями населения и богатыми;

- отсутствие чётко сформулированной национальной идеи, в контексте государственного стратегического планирования. Подобное стало возможным, по причине того, что либеральная модель общества, не предусматривает глубокое регулирование процессов общественного развития, выводя на первый план сиюминутные выгоды, поднимая тем самым собственную привлекательность в социуме. Как следствие, молодое поколение россиян подвержено, посредством свободного цифрового пространства, фактическому обовыванию. Без целей, без принципов, без идеи, без смыслов в жизни;

- демографическая депопуляция народов России. Флагман мирового либерального контекста, США, одной из главных целей государственной политики, считает необходимость снижения популяции всего челове-

чества. Примером таких действий может являться: повсеместное поддержание западными странами однополых браков, популяризация ЛГБТ сообществ, поддержание идеи мультигендерности и т.д. Подобная политика, прикрываясь лозунгами толерантности, не только способствует снижению численности населения, она наносит удар институту семьи и брака. Так, по исследованиям Росстата общий прирост постоянного населения в 2020 году имеет отрицательное значение: - 577575 человек [3].

Появление такого рода проблем не случайно. Проникновение либерального контекста в традиционно консервативное отечественное массовое сознание, на протяжении последних десятилетий, не могло пройти без последствий. Эффективное противодействие разрушению отечественных ценностей возможно через пробуждение национального сознания, укрепление национального достоинства, восстановление традиционных целей и приоритетов.

Национальное сознание представляет собой широкую совокупность нравственных, эстетических, социальных, философских, экономических, религиозных и других убеждений, отражающих особенности внутреннего духовного развития национально-этнической группы [2, с. 323]. Такая формулировка предусматривает отношение группы к ценностным аспектам общества и, как правило, отражает процесс развития в историческом плане. Известный русский религиозный философ, Н.А. Бердяев отмечал, что «Нация — это единство исторической судьбы. Осознание этой судьбы и есть национальное сознание» [1, с. 104]. Центральным элементом национального сознания является национальное осознание.

Подобная конструкция должна предусматривать отношение нации к её внутренним духовным и материальным ценностям, творческие компоненты, а также, понимание необходимости сплочения с другими национальными этническими группами. Другими словами национальное осознание есть система оценок, ценностных ориентиров, способствующих определению человека в социуме. Наиболее заметным проявлением национального сознания становится процесс осознания субъектом своей принадлежности (идентичности) к какой-либо национально-этнической социальной группе. При этом устоявшиеся в социальной группе нормы, традиции, привычки, воззрения будут отражать предрасположенность к национальным ценностям на быденном, бытовом уровне. Рассматривая концепцию идентичности, известный политолог американского происхождения, Ё.Ф. Фукуяма, отмечает проблему дихотомии в вопросе принятия достоинства личности и достоинства коллектива [5, с. 61]. Транслируемое западными интеллектуалами видение феномена культуры национального достоинства, предусматривает достижение субъектом максимального личного блага. В этом случае общественный консенсус будет невозможен без полного принятия общественным большинством ценностей меньшинств. Подобное можно наблюдать в западных странах, например парады, с выраженной гендерной ориентацией их участников. Подобное, создает ситуации, когда социальные институты, начинают терять свою общественную легитимность, что, в свою очередь, приводит к утрате взаимопонимания в обществе.

Отечественный взгляд к вопросу национальной идентичности отличается от зарубежного. Он, во-первых, не име-

ет жесткой привязки непосредственно к этнической принадлежности, а во-вторых находится в рамках традиционной русской соборности. Соборность, фактически является соединением социального и субъективного, индивидуального. То есть это общее, содержащее в себе особенности единичного. Через национальное сознание, национально-этнические группы, способны осуществить оценку собственной истории в рамках взаимоотношений с другими группами, народами, что, также упрощает формирование общественного консенсуса в критические моменты истории. Национальное сознание, что особенно важно, имеет прочные связи с духовной культурой. Духовная культура, проявляясь в сознании субъекта, способствует появлению феномена национального достоинства, которое включает в себя традиционный социальный уклад, общественные нормы, опыт нации и т.д.

Одним из важных факторов в процессе развития национального сознания является язык. Действительно, язык, как главное средство коммуникации человека, является выразителем сущностного содержания нации. Утрата языка есть процесс деградации национального самосознания [6, с. 175]. Подобную ситуацию можно наблюдать на территории современной Украины, где на законодательном уровне, на протяжении последних восьми лет, вводятся разнообразные ограничения на использования русского языка. Такой процесс имеет признаки геноцида и имеет целью «стирания» русской идентичности из истории украинского государства. Между тем, потеря языковой идентичности не означает утрату национального самосознания. Так, в современной России можно найти народности незнающие родно-

го языка, но соотносящих себя с коренным этносом.

Одним из инструментов, способным осуществить повышение осознания до степени соотношения субъекта с уровнем культуры народа, является образование. Процесс обучения, позволяет осуществить соединение культурно-эстетического пространства созданного предыдущими поколениями с современным миром молодежи, что позволяет продолжать культурные традиции народа. Человек, в процессе жизни, как правило, погружен в культуру окружающего его социума, что оказывает формирующее влияние на его духовное развитие. Важную роль в сложном процессе формирования национального сознания выполняет история. Действительно, человек не может находиться вне истории. Знание исторических событий позволяет субъекту формировать оценочные суждения, соотнося опыт прошлого с действительностью. Процесс оценки, какого либо события через сравнение с историческим прошлым, способствует укреплению этнической самоидентификации как индивидуальной, так и групповой. Другими словами национально-этническая группа способна осуществлять самоидентификацию только по тому, что существуют другие подобные общности, имеющие отличительные признаки от неё. Здесь нужно отметить, что объективное освещение исторического прошлого играет важную роль в формировании у человека национального достоинства. К сожалению, настоящее, обнаруживает тенденцию к изменению объективных исторических фактов в интересах достижения политических целей. Именно с этой целью, например, искажаются факты, связанные с ролью Советского Союза

во Второй мировой войне. По нашему мнению, истинное национальное достоинство начинается с подлинной национальной истории. Именно по этой причине историю России можно рассматривать только как неотъемлемую часть мировой истории. Замалчивание каких-либо исторических фактов, создает условия к появлению неполноценного национального сознания. В качестве такого примера, можно рассмотреть современную Украину, где процесс нацификации потребовал сноса исторических памятников и внесение фундаментальных изменений в школьные учебники. Подобное, не только, фактически, уничтожает память поколений, но и способствует деградации национального сознания.

В качестве заключения хочется отметить, что события последних лет, привели к тому, что западные санкции и разжигание русофобии не сделали нашу страну слабой. Усиление негативного давления Запада, в экономической, политической, социальной, культурной сфере, привело к пробуждению национального сознания России, в глубине которого всегда находилась мощная созидательная сила – Русский Патриотизм, который прямо сейчас обретает новые смыслы. А это означает, что подлинная национальная история России, как часть мирового исторического процесса, будет продолжена.

References

- [1] Berdyaev N.A. Russian idea: The main problems of Russian thought in the 19th century. and early XX century; The fate of Russia / N. A. Berdyaev. - M.: Shevchuk, 2000. 540 p.
- [2] Glossary of Political Psychology. — M.: RUDN University. Ed. D.V. Olshansky. 2003.
- [3] Total growth of the resident population / Rosstat // URL: [https://showdata.gks.ru/report/278934/\(03.08.2022\)](https://showdata.gks.ru/report/278934/(03.08.2022)).
- [4] Russia entered the top 5 of the world ranking by

- the number of billionaires / Rossiyskaya Gazeta // URL: <https://rg.ru/2020/03/04/rossiia-voshla-v-top-5-mirovogo-rejtinga-po-chislu-milliardеров.html> (03.08.2022).
- [5] Fukuyama F. Identity: the desire for recognition and the policy of rejection: [0+] / F. Fukuyama; translator [from English] A. Solovyov. - Moscow: Alpina Publisher, 2019. 254 p.
- [6] Hobsbaum E.D. Language, culture and national identity // Logos: Philosophical and literary journal. - M.: 2005. No. 4. S. 173-183.
- [7] Yuriev D.A. Postliberalism and the End of Freedom // Notebooks on Conservatism. 2021. № 4. P. 49-63. - DOI 10.24030/24092517-2021-0-4-49-63.

Список литературы

- [1] Бердяев Н.А. Русская идея : Основные проблемы русской мысли XIX в. и нач. XX в.; Судьба России / Н. А. Бердяев. - М.: Шевчук, 2000. 540 с.
- [2] Глоссарий по политической психологии. — М.: РУДН. Под ред. Д. В. Ольшанского. 2003.
- [3] Общий прирост постоянного населения / Росстат // URL: <https://showdata.gks.ru/report/278934/> (дата обращения: 08.03.2022).
- [4] Россия вошла в топ-5 мирового рейтинга по числу миллиардеров / Российская газета // URL: <https://rg.ru/2020/03/04/rossiia-voshla-v-top-5-mirovogo-rejtinga-po-chislu-milliardеров.html> (дата обращения: 08.03.2022).
- [5] Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия: [0+] / Ф. Фукуяма; переводчик [с английского] А. Соловьев. - Москва: Альпина Пабlisher, 2019. 254 с.
- [6] Хобсбаум Э.Д. Язык, культура и национальная идентичность // Логос : Философско-литературный журнал. — М.: 2005. № 4. С. 173-183.
- [7] Юрьев Д.А. Постлиберализм и конец свободы // Тетради по консерватизму. 2021. № 4. С. 49-63. - DOI 10.24030/24092517-2021-0-4-49-63.

Вознесенский И.С.

Старший преподаватель,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Шастина А.Е.

Кандидат педагогических наук, доцент,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Социальные риски развития техносферы*

Аннотация. В статье поднимается проблематика, которая образна была выражена в третьем законе писателя Артура Кларка, заключающегося в том, что «любая достаточно развитая технология неотличима от магии». парадоксальность технологического развития социума состоит в том, что по мере расширения технических возможностей техносфера вбирает в себя все больше практик, немислимых и представляющихся ранее воображаемыми, фантастическими. Их воплощение в жизнь резко трансформирует жизнь общества, создавая в нем новые дисбалансы и провоцируя социальные неврозы а технологической почве.

Ключевые слова: социум, прогресс, техносфера, риски, технологическое просвещение.

Shastina A.E.

*Candidate of Pedagogical Sciences, associative professor of the Chair
of Sociology and Management at Moscow Automobile and Road Construction State Technical University.*

Voznesenckiy I.S.

Senior Lecturer, MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Social risks of technosphere development

Abstract. The article raises the issue, which was figuratively expressed in the third law of the writer Arthur C. Clarke, which is that «any sufficiently advanced technology is indistinguishable from magic.» The paradoxical nature of the technological development of society lies in the fact that as the technical capabilities expand, the technosphere absorbs more and more practices that are unthinkable and previously imagined, fantastic. Their implementation dramatically transforms the life of society, creating new imbalances in it and provoking social neuroses on a technological basis.

Key words: society, progress, technosphere, risks, technological education.

Любая достаточно развитая технология неотличима от магии.
Артур Кларк

* © Вознесенский И.С., Шастина А.Е., 2022.
Социальные риски развития техносферы

На протяжении истории представления о роли техники в жизни общества наполнялись новыми смыслами¹. Сейчас они свелись к пониманию того, что техносфера выступает органичной частью планетарной экологии². Современные взгляды на взаимодействие человека со средой обитания отражают всеохватный подход, в котором не только техносфера выступает как составляющая биосферы, но и та, в свою очередь представляется лишь фрагментом бесконечного космоса. В этом сложной системе все происходящие в природной среде изменения, вызванные вмешательством человека, влияют не только на сам глобальный социум, но и имеют отголоски во Вселенной.

Техносферу следует рассматривать как специфическое жизненное пространство, неотделимое от ее творцов и разрушителей, отличающихся друг от друга не одними лишь последствиями действий, а особенностями менталитета, в котором имеются серьезные расхождения в части техноментальности. Именно она выступает критерием понимания социальной полезности или вреда результатов воздействий на биосферу, поскольку в итоге бурного творчества также происходит и ее разрушение, а в пределе — полное замещение биосферы техносферой.

1 Иоселиани А.Д. Теоретические и социальные основы техносферы. М.: Перспектива, 2004; Карпенко Т.М. Экзистенциальные перспективы homo technicus // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 11 (51). С. 25-35; Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки техники. М: Гардарика, 1999; Шаповалова И.С., Гоженко Г.И. Понятие техносферы: аналитический обзор формирования и изучения // Научный результат. Социология и управление. 2015. Вып. 2. С. 51-57.

2 Самородов Н.В. Шанс на выживание, или Инженерная экология и управление техносферой // Биология. 2009. № 21.

В этой новой реальности формируются два типа ответов на вызовы техноферы. Первый тип сразу же представляется губительным для индивида и в целом человеческой популяции, поскольку идет накопление функциональных изменений в организме, выходящих за пределы нормы и приводящие к росту смертности. Но и второй тип не менее опасен, поскольку возникающая фигура постчеловека, отражающая наши представления о гипотетическом образе человека будущего, сконструированного с помощью новейших биотехнологий, приобретает исключительные качества, но теряет многое из присущего людям изначально. В самом начале третьего тысячелетия известный всему миру книгой «Конец истории и последний человек» (англ. *The End of History and the Last Man*)³ американский философ, политолог и писатель японского происхождения Фрэнсис Фукуяма выпустил новую работу, озаглавленную «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции» (англ. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*)⁴. В этой книге раскрыть его видение потенциальной угрозы либеральной демократии, исходящей из активного обращения людей, имеющих трансгуманистические цели, к неординарным биотехнологиям⁵.

Первоначально трансгуманизм (лат. *trans* — сквозь, через, за и *homo* — человек) выступал в роли философской

3 Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2007.

4 Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004.

5 Иноземцев В.Л. От «Конца истории» к «постчеловеческому будущему» // Вестник Российской академии наук: журнал. 2002. Т. 72. № 11. С. 1018-1026.

концепции, отстаивающей преимущества применения биологических, информационных, когнитивных и иных технологий при продвижении в деле улучшения умственных и физических возможностей человека. Затем трансгуманизм расширился до социального движения, адепты которого выступают за использование достижений науки и технологии с целью устранения таких угроз человеческому бытию, которые несут ему болезни, страдания, старение и в итоге – смерть⁶. Как правило, игнорируются обстоятельства, указывающие на то, что трансгуманизм есть темная сторона грядущей технотронной эры, попытка преодолеть Человека, отринув в нем человеческое начало и сконструировав кибернетическое постчеловечество. Российские авторы, члены Изборского клуба Игорь Шнуренко и Виталий Аверьянов на основании осмысления истоков, политики и идеологии трансгуманизма приходят к выводу, что мы имеем дело с преднамеренной попыткой уничтожения Человека и превращения его в свою противоположность⁷.

Очень точно озабоченность увлеченностью трансгуманистическими экспериментами выражена в названии коллективного труда философов, социологов, психологов и биологов, озаглавленного «Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий)». Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен

6 Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Т. 14. № 1. P. 1-25. // URL: <https://jetpress.org/volume14/bostrom.pdf>.

7 Шнуренко И., Аверьянов В. Трансгуманизм. цифровой левиафан и голем — цивилизация. М.: Книжный мир, 2021.

совершенный человек?»⁸ Однако в данном перечне отсутствует упоминание о тех социальных рисках трансгуманизма, которые возникают в ответ на переформатирование процесса образования. Это непосредственно касается подготовки к жизни новых поколений, вовлеченность в которую образовательных учреждений самого разного профиля колоссальна⁹.

В ответ на трансгуманизм обоснованно возникает новый луддизм (англ. *neo-Luddism*), под которым в современной философии и контркультуре подразумевается критика воздействия влияния научно-технического и информационно-цифрового прогресса на отдельного человека и социум. В названии неолуддизма слышны отголоски уничижительного отношения времен начала Промышленной революции к разрушителям машин — луддитам. Но в том, что мир становится более хрупким, можно найти как проявления технологического вторжения, так и отказа от технологий. Поскольку у двух этих волн и, соответственно, их сторонников нет четко определенных целей, а руководствуются они преимущественно идеалистическими мотивами, то и их столкновение, и возникающий в его результате социальный фон приобретает истерический характер. Социальная архаика при вторжении инноваций отвечает на них массовым неврозом¹⁰.

8 Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий). Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? М.: Ленанд, 2016.

9 Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М.: Книжный мир, 2018.

10 Высокие технологии и «новый луддизм» // Независимая газета. 2021. 5 декабря.

Данное явление имеет множество причин. Часть из них рождена в ходе расширения области применения функций техники, замещающих функции человека¹¹. Первой из них была преобразующая функция, выраженная в том, что люди перешли к использованию предметов труда, взятых из объективной реальности. Исследователи спорят по поводу времени начала этого процесса, считая, что уже два с половиной миллиона лет назад человек освоил каменное рубило. Энергетическая функция возникла около пятисот тысяч лет назад, когда люди научились пользоваться огнем. Далее, с приручением лошади, появляется транспортная функция, а с изобретением кривошипно-шатунного механизма, действующего в мельницах, рождается функция управления орудием. На волне автоматизации в XX столетии появляется функция контроля и управления машинами, а с середины того же века набирает мощь функция обработки информации. Одновременно с увеличением числа этих функций наблюдался и рост количества сопряженных производств, которые имеют единый технический уровень и развиваются синхронно.

Такая синхронистическая ритмика всей совокупности технической оснащенности социума выразилась в форме волн инноваций (англ. *waves of innovation*) или сменяемости технологических укладов (англ. *techno-economic paradigm*, нем. *Techniksysteme*). Сейчас человечество приближается к середине шестого технологического уклада, начавшегося в 2010 г. Те самые синхронность и сопряженность технических достижений, что наблюдались в период

11 Дятчин Н.И. Периодизация истории развития техники // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2 (68). С. 75-80.

господства предыдущих технологических укладов, перешли в состояние интеграции, причем интегральные технологические и технические достижения охватили не только нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, но и когнитивные¹². Однако в этом процессе выявились свои противоречия. В частности, доктор философских наук, специалист в области аналитической философии сознания Давид Израилевич Дубровский утверждает, что современный кризис вызван дисбалансом скорости развития природных и культурных граней человека. Этот дисбаланс имеет причины в природе самого человека, «который, обладая сознанием, продолжает действовать как животное... Глубинное биологическое начало человеческой природы влечет к уничтожению всей земной биологической самоорганизации, к самоуничтожению»¹³. Особо резко проявляются такие качества, присущие природе человека, как консюмеризм, властолюбие, агрессивность, эгоизм и гедонизм.

Благодаря когнитивной эволюции и одной из ее ведущих составляющих — технотехнике — данные качества человеческой природы превратились в источник новых рисков, имеющих разный уровень и охват. Заметим, что термин «технотехника» был введен в научный оборот еще в 1953 г. выдающимся французским философом Гастоном Башляром¹⁴. Это понятие стало одним из первых определений в междисци-

12 Черникова Д.В., Черникова И.В. Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 114-119.

13 Дубровский Д.И. Альтруизм, эгоизм и природа человека // Проблема сознания в философии и науке / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: Канон+, 2004. С. 463.

14 Bachelard G. La materialisme rationnel. Paris: PUF, 1953.

плинарном дискурсе, объединившим технологический и социальный контексты научного знания, закрепив в нем представление о том, какой вклад в его создание был внесен материальными (техническими) сетями. Любопытно, что в аналитике технауки присутствуют три уровня: описательно-аналитический, деконструктивистский и воображения, которое и придает технологии магическую наполненность. Именно о ней упоминал великий писатель-фантаст, футуролог, популяризатор науки и изобретатель Артур Кларк в книге «Черты будущего» (англ. *Profiles of the Future*, 1962), считая неотличимость технологии от магии третьим законом, в соответствии с которыми развивается современная наука¹⁵.

Выделяя специфику уровня воображения, норвежский и английский специалисты в области STS (англ. *Science, technology studies*) Кьетиль Ромметвейт и Брайн Уайн отмечают, что технонаучные антрепренеры в целях легитимации своих проектов используют примерно одинаковую стратегию, создавая сети, которые пересекают институциональные и онтологические границы. В результате биометрическая безопасность воображается как глобальная стратегия, опирающаяся на уникальность индивидуального тела и объединяющая административную, правовую и политическую работу. Эти авторы приводят пример проекта *In Vitro Meat* (культивированного мяса), который его организаторами рассматривается как всеобъемлющее решение ряда социальных и средовых проблем, в то же время сохраняющий связь с индивидуальными вкусами и опытом¹⁶.

15 Кларк А. Ч. Черты будущего / Пер. с англ. Я. Берлина и В. Колтового; Под общ. ред. Я. Берлина. М.: Мир, 1966.

16 Rommetveit K., Wynne B. Technoscience, imagined publics and public imaginations //

Важность обращения и индивидуальному опыту очевидна не только в силу того, что почти одновременно с шестым технологическим укладом, человечество перешло, по определению британского политического философа, социолога и социального теоретика польского происхождения Зигмунта Баумана, в индивидуализированное общество, выступающее результатом процессов модернизации и дерегулирования социально-экономических и политических отношений¹⁷. Отличительными чертами индивидуализированного общества становится усиление роли неконтролируемых человеком сил и тенденций, нарастание неуверенности и неопределенности, подавление таких проявлений человеческого духа, что вдохновляли людей на социальные преобразования в прошлом. Все это провоцирует отмеченный выше социальный невроз. увеличивается число тех, кто выбирает для себя путь социального отшельничества¹⁸.

К сожалению, вспышки социального невроза присущи не одним лишь низко развитым обществам, где они легко перерастают в бунты. С повышением качества жизни это состояние социального дискомфорта начинает выражаться более тонкими характеристиками, большинство из которых относятся в несовпадению ожиданий индивидов и общества и государства их удовлетворить. Тем выше технологический уровень, тем естественно, больше в таких ожиданиях выражен техноло-

Public understanding of science. 2017. Vol. 26. № 2. P. 133-147.

17 Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.

18 Терновая Л.О. Гуманитарные аспекты социального отшельничества в ракурсе кадровой безопасности // Человек. Социум. Общество. 2020. № 2. С. 41-48.

гический компонент. В этом ракурсе отечественная картина готовности к развитию цифровых технологий, включая квантовые и искусственный интеллект, вызывает тревогу. Прежде всего, в России ощущается кадровый высокотехнологический голод. Например, в начале 2021 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации оценивало дефицит квалифицированных кадров в отечественной ИТ-индустрии от 500 тыс. до 1 млн человек. Печальнее всего, что, согласно опросу, проведенному на образовательной платформе *GeekBrains*, 53% студентов, изучающих информационные технологии, хотели бы эмигрировать из России. Также следует учитывать обстоятельство, что, физически оставаясь в России, многие ИТ-специалисты работают удаленно на западные компании¹⁹.

Имеется ментальная проблема, заключающаяся в готовности социума к восприятию технологий. Так, по данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики», 65% опрошенных респондентов в возрасте от 18 до 65 лет смотрят ТВ-программы о науке и технологиях реже одного раза в месяц или не смотрят вообще. Показатели Интернет-просмотров видео о науке и технологиях еще тревожнее: 72% респондентов интересуются этой тематикой очень редко или вообще не интересуются. Еще выше цифра безразличности аудитории печатных изданий на научно-техническую тематику. Она достигает 87%²⁰. Специалисты справедливо считают, что такие данные служат четким и понятным объяснением отрицания в социуме любых биотехнологических инноваций, включая

антиковидные, что и проявилось в возросшей активности антиваксеров.

Технологическое образование стало неотъемлемым компонентом общего образования. Но технологическое просвещение превратилось преимущественно в часть самообразования. Можно напомнить, что в Советском Союзе в 1933 г. вышел в свет первый номер одного из самых научно-популярных журналов «Техника — молодежи». Понимая ценность технологического просвещения, власти поддерживали издание журнала даже во время Великой Отечественной войны. Был всего один перерыв в его издании: с октября 1941 г. по март 1942 г.

Сейчас исключительно своевременно председателем Правительства Российской Федерации Михаилом Мишутиним в декабре 2021 г. было подписано постановление о создании в Нижегородской области инновационного научно-технологического центра (ИНТЦ) «Квантовая долина». В числе направлений деятельности ИНТЦ предполагается создание инновационных производств, интеллектуальных транспортных систем, проекты в области персонализированной медицины и медицинского приборостроения, решение задач в сфере экологии и ликвидации накопленного ущерба.

Геополитическая ситуация, связанная с обострением международных отношений после признания Россией независимости Луганской и Донецкой Народных Республик и военной операцией на Украине, ответными санкциями стран Запада, вынуждает Российскую Федерацию ускоренными темпами не только переходить на импортозамещение, но и уничтожать остатки технической архаизации социума, которая подпитывает социаль-

19 Высокие технологии и «новый луддизм»...

20 Там же.

ную архаизацию²¹. Ее парадокс состоит в том, что массовое распространение смартфонов и смарт-часов, планшетов и электронных книг, устройств дополненной реальности, потокового онлайн-телевидения, появляющихся 3D-принтеров для печати человеческих органов, беспилотных автомобилей и беспилотных средств доставки, уживается с пещерным нежеланием задумываться о том, почему по-прежнему не техника продвигает вперед человека, а человек двигает развитие техники и в чем причина того, что по мере совершенствования техносферы и ее приближения к потребностям индивида социальные риски возрастают.

References

- [1] Bauman Z. Individualized society / Per. from English. ed. V.L. Inozemtseva. M.: Logos, 2005. 390 p.
- [2] High technologies and "new Luddism" // Nezavisimaya gazeta. 2021. December 5th.
- [3] Dubrovsky D.I. Altruism, egoism and human nature // The problem of consciousness in philosophy and science / Ed. D.I. Dubrovsky. M.: Kanon+, 2004. P. 445-463.
- [4] Dyatchin N.I. Periodization of the history of the development of technology // Proceedings of the Altai State University. 2010. № 4-2 (68). P. 75-80.
- [5] Inozemtsev V.L. From the "End of History" to the "Posthuman Future" // Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Journal. 2002. Volume 72. № 11. P. 1018-1026.
- [6] Ioseliani A.D. Theoretical and social foundations of the technosphere. M.: Prospect, 2004. 399 p.
- [7] Karpenko T.M. Existential perspectives of homo technicus // Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history. 2015. № 11 (51). P. 25-35.
- [8] Clark A.Ch. Features of the future / Per. from English. J. Berlin and V. Koltovoi; Under total ed. I. Berlin. M.: Mir, 1966. 279 p.
- [9] Lamazhaa Ch.K. Archaization of society in the period of social transformations // Knowledge. Understanding. Skill. 2011. № 3. P. 35-42.
- [10] The problem of human improvement (in the light of new technologies). Transhumanism and the problem of social risks. Reductionism as the temptation of the human sciences. On the idols and ideals of human biotechnological self-invention. How is a perfect person possible? M.: Lenand, 2016. 272 p.
- [11] Samorodov N.V. Chance for survival, or Engineering ecology and management of the technosphere // Biology. 2009. № 21.
- [12] Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. Philosophy of the science of technology. M.: Gardariki, 1999. 420 p.
- [13] Ternovaya L.O. Humanitarian Aspects of Social Reclusion in the Perspective of Personnel Security // Man. Society. Society. 2020. № 2. P. 41-48.
- [14] Shapovalova I.S., Gozhenko G.I. The concept of the technosphere: an analytical review of the formation and study // Scientific result. Sociology and management. 2015. Issue. 2. P. 51-57.
- [15] Shnurenko I., Averyanov V. Transhumanism. digital leviathan and golem - civilization. M.: Knizhny Mir, 2021. 410 p.
- [16] Fukuyama F. The end of history and the last man / Per. from English. M.B. Levin. M.: AST, 2007. 588 p.
- [17] Fukuyama F. Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution / Per. from English. M.B. Levin. M.: AST Publishing House LLC: LUX OJSC. 2004. 349 p.
- [18] Chernikova D.V., Chernikova I.V. Expansion of human capabilities: cognitive technologies and their risks // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. 2012. Volume 321. № 6. P. 114-119.
- [19] Chetverikova O.N. Transhumanism in Russian education. Our children are like a commodity. M.: Knizhny Mir, 2018. 384 p.
- [20] Bachelard G. La materialisme rationel. Paris: PUF, 1953. 224 p.
- [21] Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol 14. № 1. P. 1-25. // URL: <https://jetpress.org/volume14/bostrom.pdf>.
- [22] Rommetveit K., Wynne B. Technoscience, imagined publics and public imaginations // Public understanding of science. 2017. Vol. 26. № 2. P. 133-147.

Список литературы

- [1] Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
- [2] Высокие технологии и «новый луддизм» // Независимая газета. 2021. 5 декабря.
- [3] Дубровский Д.И. Альтруизм, эгоизм и природа человека // Проблема сознания в философии и науке / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: Канон+, 2004. С. 445-463.
- [4] Дятчин Н.И. Периодизация истории развития техники // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2 (68). С. 75-80.
- [5] Иноземцев В.Л. От «Конца истории» к «постчеловеческому будущему» // Вестник Российской академии наук: журнал. 2002.

21 Ламажая Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 35-42.

- Том 72. № 11. С. 1018-1026.
- [6] Иоселиани А.Д. Теоретические и социальные основы техносферы. М.: Перспектива, 2004. 399 с.
- [7] Карпенко Т.М. Экзистенциальные перспективы homo technicus // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 11 (51). С. 25-35.
- [8] Кларк А.Ч. Черты будущего / Пер. с англ. Я. Берлина и В. Колтового; Под общ. ред. Я. Берлина. М.: Мир, 1966. 279 с.
- [9] Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 35-42.
- [10] Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий). Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идеалах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? М.: Ленанд, 2016. 272 с.
- [11] Самородов Н.В. Шанс на выживание, или Инженерная экология и управление техносферой // Биология. 2009. № 21.
- [12] Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки техники. М: Гардарики, 1999. 420 с.
- [13] Терновая Л.О. Гуманитарные аспекты социального отшельничества в ракурсе кадровой безопасности // Человек. Социум. Общество. 2020. № 2. С. 41-48.
- [14] Шаповалова И.С., Гоженко Г.И. Понятие техносферы: аналитический обзор формирования и изучения // Научный результат. Социология и управление. 2015. Вып. 2. С. 51-57.
- [15] Шнуренко И., Аверьянов В. Трансгуманизм. цифровой левиафан и голем — цивилизация. М.: Книжный мир, 2021. 410 с.
- [16] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.
- [17] Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левин. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ЛЮКС». 2004. 349 с.
- [18] Черникова Д.В., Черникова И.В. Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски // Известия Томского политехнического университета. 2012. Том 321. № 6. С. 114-119.
- [19] Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М.: Книжный мир, 2018. 384 с.
- [20] Bachelard G. La materialisme rationel. Paris: PUF, 1953. 224 p.
- [21] Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol 14. № 1. P. 1-25. // URL: <https://jetpress.org/volume14/bostrom.pdf>.
- [22] Rommetveit K., Wynne B. Technoscience, imagined publics and public imaginations // Public understanding of science. 2017. Vol. 26. № 2. P. 133-147.

Дмитриева И.С.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента и маркетинга Волгоградского филиала РЭУ
(Волгоградского филиала РЭУ имени Г.В. Плеханова) имени Г.В. Плеханова.

Социокультурная адаптация мигрантов: концептуализация, этапы и их динамика*

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу изучения проблемы динамики этапов социокультурной адаптации мигрантов в инокультурной среде. Рассмотрены понятия культурного шока, кривой социокультурной адаптации и динамики этапов адаптации. Проанализированы главные концептуальные идеи исследователей динамики этапов адаптации мигрантов. Сделаны выводы, что, несмотря на значительно количество имеющихся конструктов динамики этапов адаптации, большинство авторов склоняются к «идеальному конструкту» волнообразной кривой адаптации, которая имеет динамику попеременного подъема и спада социального самочувствия мигранта и происходит на протяжении длительного периода времени. Выявлено, что каждый этап адаптации мигрант может пережить с разной степенью тяжести или продолжительности, учитывая ряд факторов: продолжительность пребывания в другой стране, уровень пассивной и активной инклюзии, наличие необходимого социального капитала, предыдущего опыта миграции в страну пребывания, степень склонности к адаптации и установления реалистичных адаптационных целей, что может послужить содержательным предметным полем современных и будущих социологических исследований.

Ключевые слова: мультикультурные социумы, культурный шок, кривая процесса адаптации, культурные знаки, культурные коды, этапы адаптации.

Dmitrieva I.S.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
of the Department of Management and Marketing, Volgograd Branch
of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov.

Sociocultural adaptation of migrants: conceptualization, stages and their dynamics

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of studying the problem of the dynamics of the stages of socio-cultural adaptation of migrants in a foreign cultural environment. The concepts of culture shock, sociocultural adaptation curve and dynamics of adaptation stages are considered. The main conceptual ideas of researchers of the dynamics of the stages of adaptation of migrants are analyzed. It is concluded that, despite the significant number of existing constructs for the dynamics of adaptation stages, most authors tend to “ideal construct” of a wavy adaptation curve, which has the dynamics of an alternating rise and fall in the migrant’s social well-being and occurs over a long period of time. It was revealed that a migrant can go through each stage of

* © Дмитриева И.С., 2022.

Социокультурная адаптация мигрантов: концептуализация, этапы и их динамика

adaptation with varying degrees of severity or duration, taking into account a number of factors: the length of stay in another country, the level of passive and active inclusion, the availability of the necessary social capital, previous experience of migration to the host country, the degree of inclination to adapt and establish realistic adaptation goals, which can serve as a meaningful subject field for modern and future sociological research.

Key words: multicultural societies, culture shock, adaptation process curve, cultural signs, cultural codes, stages of adaptation.

Введение

В современном мире миграционные процессы приобрели масштабный характер и остаются неотъемлемой частью глобальных тенденций, обусловленных социально-экономическими, политическими, демографическими и другими причинами. Попав в новую страну, мигранты так или иначе вступают в социокультурные отношения с сообществом, в котором проживают. Однако поскольку они обычно являются представителями других культурных традиций, это вызывает ряд проблем и трудностей на пути их культурной и социальной адаптации. Многие нынешние развитые общества становятся мультикультурными (поликультурными), и это не может не приводить к проблемам и конфликтам [1].

Всесторонний анализ возникновения межличностных, социальных, этнических и культурных барьеров и напряженностей требует внимания обществоведов к лучшему пониманию динамики, проблем и последствий социокультурного взаимодействия и практик. Так, исследователи многих дисциплин (не исключением является и социология) занимаются изучением проблематики социокультурного взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом. Важное место в таких социологических исследованиях занимает проблема динамики этапов и стадий культурной адаптации мигрантов к основам принимающего об-

щества, включая преодоление последствий психологических, социальных и культурных различий между ними.

В связи с вышесказанным, целью статьи является обзор наработанного социологического наследия относительно концептуализации и динамики этапов социокультурной адаптации мигрантов в инокультурной среде.

Результаты исследования

В социологической литературе под социокультурной адаптацией понимают «процесс и результат приспособления мигранта к новой социокультурной среде, что предполагает усвоение или отторжение им новых социальных и культурных норм, ценностей, способов поведения, присущих принимающему сообществу» [2, с. 769], и касается двух проблем: во-первых, степени поддержки мигрантом своей культуры, то есть того, в какой степени сохраняется его собственная культурная идентичность в новом инокультурном обществе; во-вторых, участия мигранта в межкультурных контактах или степени его приобщения к культуре принимающего сообщества [3].

Один из первых разработчиков проблематики социокультурной адаптации, американский антрополог К. Оберг [4] отмечает, что каждая культура является сложной системой ценностей, знаний, убеждений, формальных и неформальных правил, которые находят свое отражение в «культурных знаках и сим-

волах» и проявляются в ежедневных бытовых практиках, моделях поведения, вербальном и невербальном общении, манерах, внешнем виде, обрядах и обычаях, организации семейных, рабочих, родовых и дружеских отношений, с помощью которых мы ориентируемся в социальном пространстве. Так, когда мигрант попадает в новый ареал культуры, он оказывается в условиях потери и непредсказуемости большинства (если не всех) знакомых ему культурных знаков социального окружения, то есть наблюдаем феномен, который в научной литературе получил название «культурный шок», используемый для обозначения опыта культурной дезориентации и амбивалентности, с которыми сталкиваются антропологи в случае контакта с представителями других культур. К. Оберг расширил значение термина и применил его ко всем, кто оказывается в условиях длительного пребывания в среде новой культуры. Согласно толкованию К. Оберга сам феномен культурного шока заключается во внутреннем конфликте индивида между старыми и новыми культурными нормами.

Главный тезис исследователя говорит о том, что явление культурного шока является определенной реакцией мигранта на неспособность понять или предсказать поведение других людей, однако его можно преодолеть при условии длительного изучения культурных знаков и кодов принимающего сообщества [4].

Гипотеза «культурного шока» стала катализатором для большого количества исследований этого феномена и других возможных этапов адаптации мигрантов к новой инокультурной среде. Их результатом являются многочисленные теоретические концепции «кривых этапов адаптации»,

которые схематически изображают динамику социокультурной адаптации - адаптационных настроений, реакций и состояний мигранта во временном измерении на протяжении всего адаптационного периода.

Одной из самых первых и наиболее цитируемых теоретических концепций динамики социокультурной адаптации стала U-кривая норвежского социолога С. Лисгаарда, согласно которой адаптация как процесс во времени протекает по U-образной кривой и проходит в три этапа: 1) положительная первичная адаптация; 2) адаптационный кризис (точка минимума кривой); 3) восстановление позитивной адаптации [5].

1. На первом этапе своего пребывания за границей мигранты позитивно настроены на перспективы успешного сосуществования в новых социальных условиях, соответственно, они заинтересованы в знакомстве с новой культурой, вхождении в новые социальные группы, налаживании новых социальных связей.

2. Далее через определенное время (индивидуальное для каждого мигранта) наступает второй этап адаптации - адаптационный кризис. Новая культура, ее правила, нормы и законы кажутся мигранту более сложными, чем представлялось на первом этапе адаптации. Мигрант чувствует себя чужим, одиноким, он считает, что не соответствует окружающей среде, не понимает местные социальные нормы и правила.

3. В конце концов, при условии длительного пребывания в контакте с инокультурным сообществом мигрант переходит на третий этап - восстановление позитивной адаптации. Со временем у него появляется больше времени и возможностей для знакомства и изучения новой культуры, он чувствует

себя более интегрированным в новую социокультурную среду, а, следовательно, восстанавливает свои позитивные намерения по вхождению в новое сообщество как его полноценный член.

С. Лисгаард выдвигает главное предположение, что динамика адаптации как темпоральный процесс прямо пропорциональна времени пребывания мигранта в другой социокультурной среде, что чем дольше, а, следовательно, теснее и активнее, мигрант контактирует с представителями иной культуры, тем больше вероятность его успешной постепенной адаптации к новым социокультурным условиям существования [5, с. 51].

Критики U-кривой адаптации, Дж.Э. и Дж.Т. Гуллахорни, расширили концепции С. Лисгаарда, предложив W-кривую адаптации, в которой концептуализировали наличие двух связанных между собой последовательных U-кривых [6]. Дж.Э. и Дж.Т. Гуллахорни утверждают, что динамика процесса адаптации состоит из пяти этапов, таких как: 1) медовый месяц; 2) культурный шок; 3) основная адаптация; 4) ментальная изоляция; 5) принятие и интеграция.

1. На первом этапе медового месяца мигрант только прибывает в новую страну, он в восторге от новых впечатлений, обстоятельств и положительно настроен на налаживание новых социальных контактов. В этот период у него преобладает желание не возвращаться на родину и начать новую жизнь в новых условиях. Как правило, этот этап длится в течение первых нескольких дней или недель.

2. Второй этап - культурного шока - связан со столкновением с реальными событиями и неоправданными ожиданиями. Мигрант чувствует расхождение между местными и соб-

ственными ценностями. Этот этап сопровождается сомнениями, правильным ли было решение мигрировать, и идеями относительно возможного оставления этой страны.

3. Третий этап - основной адаптации - связан с накопительным опытом пребывания мигранта в принимающей стране. Он начинает ориентироваться в местном сообществе, чувствует себя знатоком местных особенностей, по сравнению с вновь прибывшими мигрантами. Различия между местными и собственными ценностями сохраняются, но не вызывают больше беспокойства. Третий этап сопровождается ощущением удачного приспособления к новым условиям существования.

4. Четвертый этап - ментальной изоляции - характеризуется ощущением амбивалентности: с одной стороны, мигрант чувствует себя несколько адаптированным к внешним условиям существования, однако задумывается над дистанцией между ценностями собственной и местной культуры, подвергая сомнению «правильность» как собственных, так и местных норм поведения. Четвертый этап сопровождается самоидентификацией мигранта как «чужого среди чужих», что может усиливаться в случае посещения им родины.

5. Пятый этап - принятия и интеграции - характеризуется достижением «психосоциального баланса»: мигрант синтезирует полученный опыт в определенных сферах своей новой социальной жизни, чувствует свою принадлежность к различным социальным группам в новом сообществе, формирует свое окончательное отношение к местным ценностям и согласовывает их с ценностями собственной культуры. [6, p. 41-46].

Таким образом, Дж.Э. и Дж.Т. Гуллахорни приходят к выводу, что дина-

мика процесса адаптации имеет вид волнообразной кривой. Исследователи отмечают, что проблемы отчуждения, аномии и неприятия, которые переживает мигрант в процессе социокультурного взаимодействия, возникают не только на этапах приспособления к новой социальной системе, но и могут повторяться и усиливаться с разной интенсивностью на этапах, когда мигрант периодически или надолго возвращается в свою родную социальную среду [6, p. 46].

Еще одной концепцией, которая повлияла на социологическое понимание динамики социокультурной адаптации, является концепция Т. Льюиса и Р. Юнгмана [7], которые обращают особое внимание на феномен изменения идентичности мигранта в течение адаптационного периода, анализируя, насколько он чувствует себя своим или чужим в новой среде на разных этапах адаптации. Ученые предлагают шесть этапов адаптации, включая доадаптационный этап и постадаптационный этап при условии возвращения мигранта на родину: 1) начальный доадаптационный этап; 2) зрительский этап; 3) этап растущего уровня инклюзии; 4) этап культурного шока; 5) этап адаптации; 6) этап возвращения в родную культуру.

Каждый этап характеризуется рядом признаков, которые не являются устойчивыми в течение периода прохождения этапа, однако имеют определенную тенденцию для перехода к следующему этапу [7, p. 45-51].

Т. Льюис и Р. Юнгман убеждены, что указанную динамику адаптации следует толковать скорее как приближенное, чем точное научное представление о том, какие именно этапы адаптации ждут мигранта вследствие его пребывания в иной культуре. У некоторых мигрантов начальный этап может от-

сутствовать или быть значительно сокращенным, для других может быть едва заметным этап культурного шока, а у третьих культурный шок может вызвать разочарование и депрессию на длительное время, что станет причиной возвращения на родину. Однако, несмотря на различия, закономерность, как правило, справедлива для большинства мигрантов [7].

Принимая во внимание разнообразие концепций, многие исследователи [8, 9] утверждают, что не существует универсальной концепции динамики социокультурной адаптации. Однако наиболее приближенной к универсальной мы считаем концепцию многовариативной кривой адаптации С. Райнсмита, который использует многоальтернативный подход к возможным адаптационным состояниям мигранта на каждом из этапов адаптационного процесса [10].

Модифицированная W-кривая С. Райнсмита отражает пять этапов в цикле социокультурной перестройки, однако каждый этап имеет, как минимум, две альтернативы реакций мигранта в процессе адаптации к новым условиям социокультурного существования.

1. Первый этап - первого стресса - предполагает два альтернативных варианта состояния мигранта: а) увлечение изменением условий жизни и новой средой; б) неприятие новой социокультурной среды.

2. На втором этапе - предварительной адаптации - мигрант: а) находится в состоянии «медового месяца», положительно настроен на постепенное изучение и принятие новых социокультурных правил, знаков и кодов через сближение с представителями другой культуры; б) находится в состоянии минимизации или отторжения контак-

тов с представителями иной культуры.

3. Третий этап - внутренних противоречий - связан со столкновением с разногласиями между местными и собственными ценностями мигранта и предполагает состояние: а) колебания, растерянности и потери уверенности в своих планах на будущее проживание в новом сообществе; б) начальной депрессии из-за ощущения себя чужим и одиноким в новой среде.

4. Для четвертого этапа - внутреннего кризиса - характерно ощущение переломного кризисного периода для обоих вариантов, однако состояние варианта а) сопровождается энтузиазмом и надеждами на будущее, попытками выйти из кризиса через дальнейшее знакомство с новыми культурными знаками и кодами, изучение местного языка, налаживание контактов с местным населением, постепенное вхождение в определенные социальные группы, тогда как в варианте б) мигрант не верит в возможности преодоления кризиса и не предпринимает надлежащих действий для выхода из кризисного состояния.

5. Пятый этап - восстановления и исцеления - связан с обобщенным опытом пребывания мигранта в принимающем сообществе и предполагает следующие варианты: а) определение возможных путей дальнейшей самореализации в принимающей социальной среде, оценку текущего и потенциального собственного социального капитала относительно успеха будущего существования; б) принятие местных правил, налаживание контактов с принимающим сообществом, идентификацию местных культурных знаков и кодов и восприятие их как правильных, что сопровождается ощущением успешного приспособления к новым условиям существования; в) мигрант

принимает решение пустить ситуацию на самотек, не предпринимая дополнительных мер для постепенного вхождения в принимающее сообщество, что приводит к продолжению кризиса; г) мигрант принимает решение сдаться, не налаживать контакты с принимающим сообществом, намерен общаться только с представителями собственной культуры или же вернуться на родину, или продолжить путь в другую страну миграции [10, p. 153-161].

Согласно концепции С. Райнсмида, каждый мигрант может преодолеть вышеуказанные этапы с разной степенью интенсивности и с разной продолжительностью времени, однако их наличие является необходимым компонентом постепенного перехода от одной культуры к вхождению в другую. По нашему мнению, именно концепция С. Райнсмида демонстрирует возможность влияния многочисленных социокультурных аспектов на реакции мигранта и результат его адаптации, что обеспечивает функциональную основу для унификации дальнейших эмпирических исследований в этой сфере.

Заключение

Вопросы динамики процесса адаптации мигрантов изучаются уже продолжительное время, за которое учеными был предложен ряд интересных концепций. Изначально мнения относительно социокультурной адаптации базировались на гипотезе, что миграция неизбежно приводит к негативным социально-групповым и индивидуально-личностным последствиям. Однако эмпирические исследования показывают, что хотя, безусловно, миграция несет немало рисков для индивида, последствия процесса социокультурной адаптации могут колебаться от очень негативных до очень позитивных.

Сейчас в научной литературе существует значительное количество концепций по динамике процесса социокультурной адаптации. Однако все они пришли к единодушному выводу, что социокультурная адаптация представляет собой сложный многоэтапный процесс, имеющий волнообразную динамику подъема и спада социального самочувствия мигранта и происходящий в течение длительного периода времени.

Каждый этап адаптации мигрант может пережить с разной степенью тяжести или продолжительности, что зависит от ряда факторов: длительности пребывания в другой стране, уровня пассивной и активной инклюзии, наличия необходимого социального капитала, предыдущего опыта миграции, степени склонности к адаптации и установления реалистичных адаптационных целей.

В то же время стоит заметить, что упомянутые концепции адаптационной динамики имеют и свои недостатки, поскольку большинство из них ограничено применены ко всем категориям мигрантов. Итак, неосвещенными остаются вопросы релевантности предложенных концепций к отдельным категориям мигрантов, в частности, беженцам, вынужденным мигрантам; а также мигрантам, культура которых кардинально отличается от культуры принимающей среды; мигрантам, которым пришлось столкнуться с множеством негативных обстоятельств и ситуаций; или, наоборот, мигрантам, социальный капитал которых позволяет поддерживать социальное самочувствие на высоком уровне, независимо от места их проживания. Именно вопросы основных факторов и факторов, влияющих на успешность социокультурной адаптации, по мнению автора,

могут стать предметом будущих социологических исследований в этом направлении.

References / Список литературы

- [1] Brown L., Holloway I. The Initial Stage of the International Sojourn: Excitement or Culture Shock?// *British Journal of Guidance & Counseling*. 2008. Vol. 36 (1). P. 33-49.
- [2] Bierwaczzonek K., Waldzus S. Socio-cultural factors as antecedents of cross-cultural adaptation in expatriates, international students, and migrants: A review// *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47 (6). P. 767-817.
- [3] Demes K.A., Geeraert N. Measures matter: Scales for adaptation, cultural distance, and acculturation orientation revisited// *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2014. Vol. 45 (1). P. 91-109.
- [4] Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments// *Practical Anthropology*. 1960. Vol. 7. P. 177-182.
- [5] Lysgaard S. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States// *International Social Sciences Bulletin*. 1955. Vol. 7. P. 45-51.
- [6] Gullahorn, J., Gullahorn, J. An Extension of the U-Curve Hypothesis// *Journal of Social Issues*. 2010. Vol. 19. P. 33-47.
- [7] Lewis, T., Jugman, R. *On Being Foreign: Culture Shock in Short Fiction*, an International Anthology. - Yarmouth: Intercultural Press, 1986. 293 p.
- [8] Denton S.M., Hart D. Mind the Gap: Application-Based Analysis of Cultural Adjustment Models// *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32(6). P. 538-552.
- [9] Čuhlová R. Intercultural Adaptation Process and Its Determinants// *International Journal of Economics, Finance and Management Sciences*. 2019. Vol. 7 (6). P. 215-221
- [10] Rhinesmith S.H. *Bring Home the World: A Management Guide for Community Leaders of International Programs*. - N-Y.: McGraw-Hill, 2001. 223 p.

Лукинова И.А.

Кандидат философских наук, преподаватель.

Кафедра этнологии и философии, Северо-кавказский федеральный университет, г. Ставрополь.

Образование как экзистенциальная ценность: философские размышления*

Аннотация. Данная статья посвящена философскому осмыслению главных существенных сторон феномена образования как ценности: онтологической, гносеологической, антропологической, аксиологической, социальной и др. Предложен авторский концептуальный вариант их целостной трактовки, от которой, в свою очередь, зависит успешная реализация всех основных функций образования в человеческом обществе, главная из которых – именно экзистенциальная: образование как ценность есть первоочередной фактор продолжения рода человеческого, его подлинного развития.

Ключевые слова: ценность, образование, онтология, гносеология, антропология, аксиология, активность, катастрофа, феномен жизни, феномен человека, задание (миссия) существования и активности человека, человек как данность, человек как Абсолют.

Lukinova I.A.

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer.

Department of Ethnology and Philosophy, North Caucasian Federal University, Stavropol.

Education as an existential value: philosophical reflections

Abstract. This article is devoted to the philosophical understanding of the main essential aspects of the phenomenon of education as a value: ontological, epistemological, anthropological, axiological, social, etc. The author's conceptual version of their holistic interpretation is proposed, which, in turn, depends on the successful implementation of all the main functions of education in human society, the main of which is precisely the existential one: education as a value is the primary factor in the continuation of the human race, its true development.

Key words: value, education, ontology, epistemology, anthropology, axiology, activity, catastrophe, phenomenon of life, phenomenon of man, task (mission) of existence and activity of man, man as a given, man as the Absolute.

Предметом исследования данной научной статьи является образование как величайшая ценность в человеческой цивилизации. В чем она состоит

в самом широком, философском формате ее рассмотрения по отношению к образованию? Совсем нетрудно понять, что образование как активность чело-

* © Лукинова И.А., 2022.

Образование как экзистенциальная ценность: философские размышления Воспитание как основа образования: возвращение к истокам

веческого общества, направленная на сохранение и передачу от одного поколения следующим поколениям всего накопленного опыта, знаний, образцов поведения, технологий, духовности, нравственности, самих человеческих ценностей и т.д. по своей базовой значимости для людей стоит *несравнимо выше* любой другой активности человечества. Без всякого преувеличения можно отметить, что всестороннее формирование человека, его «выделка», по Ф.М. Достоевскому, на протяжении всей истории его существования является делом рук самого человека, причем посредством, в конечном счете, именно образования как активности по «межпоколенческой» передаче человеческого опыта, добытого потом и кровью абсолютно всех людей. Что это за опыт в самом широком его понимании? Несомненно, *опыт самого феномена присутствия человека в этом мире, опыт его жизни и активности*. Этот опыт пока вполне еще успешен в целом по одной простой причине – жизнь и активность человека все еще продолжают, но... Не секрет, что с каждым годом человечество приближается к некому роковому и судьбоносному пределу, за «красной линией» которой передавать какой-либо опыт будет просто не от кого и некому...

К сожалению, никто так и не услышал и не понял того пронзительного предупреждения, которое было высказано в свое время Г. Уэллсом [1]: «Будущее человечества зависит от соревнования между образованием и катастрофой». На наш взгляд, именно в этом тезисе предельно сущностно и глубоко выражена подлинная ценность образования и она в том, чтобы его возможностями и инструментами избежать глобальной катастрофы для человечества – либо чисто материально-

го, физического, исчезновения людей в мировой войне, либо духовно-ценностного их вырождения по хорошо известной формуле об «эволюции» человека: «Из пещеры – на Луну, а затем... обратно в пещеру». О подобном трагическом развитии событий на земле говорит и Э. Гидденс: «...обратной стороной модерна, и это никто на Земле уже не может не осознать, может оказаться всего лишь «республика насекомых и травы» или группа поврежденных и травмированных человеческих сообществ» [2]. Можно здесь, наконец, сослаться и на максимум, выраженную афористично известным философом М. Хайдеггером [3] следующими простыми, но, на наш взгляд, весьма глубокими словами: «Человек – это задание».

Из сказанного вполне можно заключить, что роль и значимость образования в современном мире, его подлинная ценность совершенно пока не понята, не до оценена, а следовательно, должным образом и не реализована в самом главном – *экзистенциальном* – ценностном измерении. Образование, говоря высоким стилем, должно стать *главным спасительным средством для продолжения рода человеческого*, а для этого предстоит много что в нем изменить, причем радикально. Здесь, на наш взгляд, самое главное и конструктивное состоит в том, что пора всерьез заняться образованием именно как тем главным человеческим началом, который, по Г. Уэллсу, только и может предотвратить глобальную мировую катастрофу (в физическом и духовном ее формате, о чем было сказано выше).

Как *философски* исследовать экзистенциальную ценность образования? Всегда в философии это делается только *целостно*, т.е. во взаимосвязи всех философских сторон исследуемого

предмета; в данном случае образование как ценность должно быть определено с онтологической, гносеологической, антропологической, аксиологической и др. сторон этого сложного феномена. Именно в таком целостном формате в нашей работе ценность образования и рассматривается.

Об аксиологической стороне уже было немало сказано, общим итогом чего является наше авторское утверждение об экзистенциальной сути ценности образования. Даже само содержание сформулированных выше вопросов совсем в ином ракурсе высвечивает проблему образования как именно экзистенциальной ценности, ставит ее во главу угла всего развития человеческой цивилизации – именно в таком принципиально целостном и предельно широком формате проблему аксиологии образования, на наш взгляд, и следует решать. В этой связи нельзя не отметить, что к образованию в таком масштабном формате обращаются крайне редко, поскольку в различных исследованиях образование как ценностный феномен рассматривается в значительно более локальных, на наш взгляд, зауженных и отраслевых рамках – как материально-технологическая, статусно-престижная, политико-идеологическая, нравственно-этическая, духовная и др. сторона образования [4]. Истины ради надо сказать, что есть и такие работы, в которых среди важнейших его ценностных аспектов отмечаются и те стороны образования, которые напрямую связаны с ценностью феномена самой жизни как таковой [5]. И все же в целом при оценке ведущих ценностей образования все же преобладает узко-утилитарный, практико-ориентированный, позитивистский, сервильный и, как уже ранее подчеркивалось, узко-отраслевой подход, утверждающий

преимат первоочередной значимости непосредственной профессиональной, экономической, материально-технологической и финансовой ценности образования, что принципиально неверно и опасно со всех точек зрения. Это все равно, что оценивать значимость, например, компьютера по его только привлекательному внешнему облику, по его дизайну; никому в голову не придет такой способ измерения ценности данного предмета, а вот по отношению к образованию почему-то часто его отдельные и далеко не самые главные стороны выдаются за якобы основные ценности.

Итак, первый авторский вывод о сути ценности образования состоит в том, что образование как ценность можно адекватно понять, рассматривая этот феномен только в глобальном масштабе, как феномен принципиально-экзистенциальный для судеб человечества.

Возникает вопрос: а каковы другие основные философские стороны исследуемого предмета – его онтология, гносеология, антропология?

Обнаружение гносеологического аспекта проблемы ценности образования, на наш взгляд, связано, в первую очередь, с познавательным решением чрезвычайно сложной проблемы – подлинной тайны о самом феномене человека и жизни человека как того задания, по Хайдеггеру, ради выполнения которого и было определено ему место под Солнцем ... В этом положении – главное содержание второго авторского исследовательского вывода.

К сути антропологического аспекта образования как ценности можно подойти путем анализа того, как оно влияет не только на процессы развития человеческого общества в целом

(на его материально-техническую, социально-экономическую и другие стороны цивилизационной и культурной активности человечества), но главным образом путем исследования влияния образования на процессы формирования человека как подлинной Личности, в полной мере понимающей и принимающей то самое Задание, ради выполнения которого он как Живое Существо в этом мире и появился. Появился здесь вовсе не ради только своего личного благополучия, не наживы и сытости для, совсем «не ради живота своего», не ради земных утех и удовольствий, но ради выполнения своей неповторимой исторической Миссии...

Что современный человек обо всем об этом ныне знает?

Да и стремится ли он к пониманию своего Задания, Миссии, к овладению смыслами Жизни, Активности, к постижению Мира во всей его сложности и полноте?

И как помогает ему в постижении всего этого Главного и Ценного нынешнее образование?

Формирует ли оно ту Личность, которой предстоит решать глобальные мировые проблемы, отвечать на беспредельно жесткие и угрожающие вызовы времени со всеми кризисами и катаклизмами, которые как из рога изобилия сыплются на головы людей, живущих ныне?

Конечно, нет! Нынешний «продукт» процесса образования – поверхностный, весьма серенький, без какого-либо полноценного мировоззрения и кругозора, в своей активности профессионально «узко-заточенный» субъект, ориентированный на выполнение только тех «заданий», которые призваны его же самого обеспечивать и обслуживать! Иначе говоря, современный «продукт» образования – это тот самый

обыватель, тот самый пустоцвет, филистер, особенно ярко описанный в произведениях Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова и др., который и ныне «правит бал» на земле!

Отсюда третий авторский вывод, касающийся антропологической составляющей образования как ценности: примитивно позитивистская, узко-материалистическая, отраслевая установка функционирования и развития нынешнего образования другого человека никогда и не сформирует, его никак не «выделает» без радикального и всестороннего реформирования всех образовательных практик. В этой связи необходим, очевидно, поворот всей системы образования на формирование именно полноценной личности, его духовно-нравственного, мировоззренчески-целостного воспитания и образования.

Хорошо видно, что гносеологический и антропологический аспекты исследуемой проблемы взаимосвязаны и взаимообусловлены, а ключом к их решению является необходимость фундаментального осознания человеком самого себя как космического феномена. Именно об этом в свое время размышлял Ф.М. Достоевский, занимаясь поиском «человека в человеке» – поиском самого себя, но в принципиально ином, не нынешнем, а в предельно совершенном варианте своего развития. У Ф.М. Достоевского эта тема – главная и определяющая все его творчество как писателя и философа и поэтому совсем не удивительно его пристальное внимание к ней: «Ведь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаем за труд, почти что за службу... И чего копошимся мы иногда, чего блажим, чего просим? Сами не знаем чего... Да взгляните пристальнее! Ведь мы даже не знаем, где и

живое-то живет теперь и что оно такое, как называется? ...Мы мертворожденные...» [6].

А теперь зададимся *целым каскадом вопросов*: можно ли осуществить такого рода переход человека нынешнего в человека совершенного без подлинного образования – образования как главного фактора спасения рода человеческого? И является ли нынешнее образование таким инструментом преобразования человека, образно говоря, из твари в Абсолют? Выполняет ли оно свою главную функцию? Если же нет, то какое же это тогда образование? И как его надо изменить для достижения такого рода целей развития человечества?

И тут вполне становится ясным, что образование как ценность не может не иметь своей онтологической стороны, к анализу сути которой мы и переходим. Зададимся еще одним вопросом: *почему вообще нынешний мир именно таков, каков он ныне есть – без подлинного человека, без подлинного образования, без подлинных ценностей и должных человеческих активностей?*

Ответы на сформулированные вопросы можно найти у того же Г. Уэллса, который умел называть вещи своими именами замечательно ярко и глубоко. Имеющийся мир людей, например, Уэллс [7] определял как самый настоящий... *заговор против Бога и человека!* Так же оценивал сложившийся мир хорошо всем известный политик - Уинстон Черчилль: «...широко распространенный по всему миру заговор по разрушению всей цивилизации и построению общества, полностью застывшего в своем развитии, общества, проникнутого завистливым недоброжелательством и неосуществимой на практике идеей всеобщего равенства...» [8].

Хорошо известно, что главный

проект нынешних хозяев мира – «коллективного Запада» – *это проект глобализации*, суть которого вскрыл наш отечественный философ А.А. Зиновьев: «Социальная сущность глобализации состоит в том, что это самая грандиозная, спланированная и постоянно планируемая в деталях и управляемая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах» [9].

После такого рода анализа *четвертый* авторский вывод об онтологическом аспекте образования как ценности теперь вытекает сам собой: *подлинного образования в современном мире нет не потому, что мы не можем его как следует построить; причина такого положения дел совсем в другом – его строительство «сильные мира сего» принципиально не допускают, пуще всего и опасаются, поскольку его утверждение на земле разрушит их многовековую власть.*

Механизм такого рода удержания «в черном теле» большинства людей - без подлинного образования, без подлинных ценностей, а в итоге без подлинной их жизни и активности – *примитивен*, но до сих пор вполне успешно справляется со своими разрушительными функциями. По этому поводу великий французский историк Ф. Бродель отмечал [10], что «...всякое общество... которое открывает двери деньгам, рано или поздно утрачивает достигнутое равновесие и высвобождает силы, которые с этого момента слабо поддаются контролю. Новая игра смешивает карты, дает преимущество немногим, а остальных отбрасывает в неудачники...Какое-то время человек еще может там жить вне рыночной экономики, «как улитка в своей раковине», но

он оказывается как бы осужденным с отсрочкой приведения приговора в исполнение».

Вот еще один, уже пятый, наш вывод: образование как феномен, как высшая ценность человека задавлен, просто задушен до сих пор господствующим другим началом – именно онтологическим строем всего уклада цивилизационной активности людей под руководством «коллективного Запада».

Для лучшей и полной характеристики этой «западной онтологии» вновь обратимся к авторитетным первоисточникам. Известный историк С. Хантингтон по этому поводу замечает, что «...европейцы ...контролировали 35% поверхности суши к 1800, 67% в 1878 году, 84% к 1914 году. К 1920 году, после раздела Оттоманской империи между Британией, Францией и Италией, это процент стал еще выше» [11]. Он же: «Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии, ...но, скорее, превосходством в применении организованного насилия» [11]. Кроме насилия на эти же цели была направлена и вся западная система международного права - с ее помощью осуществлялся и до сих пор продолжает осуществляться... «раздел незападной территории между западными странами! Поэтому европейские народы при наличии большого числа противоречий и проблем между ними, во внешнем мире были едины и солидарны, считая все незападные земли... пустыми, объектами захвата и использования в собственных целях» [12].

Не правда ли, все вышесказанное является вполне актуальным и для наших дней – достаточно вспомнить о печальных реалиях территорий ранее единого СССР – об Украине, Грузии, Молдавии, теперь о Казахстане...

При господстве таких мировых сил

и того «онтологического» и «ценностного» порядка, который они повсеместно утверждают всеми средствами, в применении коих нисколько и никогда совершенно не стесняясь (С. Хуссейн, М. Каддафи, ...), до строительства подлинного образования человечество, к сожалению, просто элементарно не доживет.

И тогда в соревновании между образованием и катастрофой победит именно последняя...

Хотелось бы надеяться на чудо – в истории нашей многострадальной земной цивилизации они иногда все же случаются!

Надеемся также и на то, что после данной статьи исследователи феномена образования будут гораздо чаще обращаться к его глобальным, принципиально экзистенциальным ценностным смыслам, к образованию как к главному фактору выживания человечества. В другом, в не полном, в зауженном, во фрагментарном масштабе, на наш взгляд, образование уже совсем не образование, а лишь его примитивный симулякр...

References

- [1] Wells G. Essays on the history of civilization. Moscow: Eksmo Publishing House, 2004.
- [2] Giddens E. Postmodern. // Philosophy of history. Anthology. 347 p.
- [3] Heidegger M. Prolegomena to the history of the concept of time / Per. E.V. Borisov. Tomsk: Aquarius, 1997.
- [4] Kuznetsova A.Ya. Values of science and values of education // International Journal of Experimental Education. 2014. № 5-1. P. 132-132 // URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5644> (01.05.2022).
- [5] Talanov V.M., Efimov V.I. Personality: general human values, care of the self and the choice of the meanings of life // International Journal of Experimental Education. 2015. № 8-1. P. 75-81.
- [6] Dostoevsky F.M. Full coll. op. in 30 volumes // Dostoevsky F.M. Notes from the underground T.V. - L: Publishing house "Nauka", 1973. P. 178-179.

- [7] Coleman D. Hierarchy of conspirators: The Committee of 300 / John Coleman; per. from English. "Ancient and Modern". - 2nd ed., Rev. and additional - M.: "Ancient and modern", 2014. 27 p.
- [8] Winston Churchill. Article in the Illustrated Sunday Herald, February 8, 1920.
- [9] The social image of Russia in the 21st century: traditions and challenges of the time, achievements and problems. - M.: 2006. 12 p.
- [10] Braudel F. Structures of everyday life: possible and impossible / Material civilization, economy and capitalism. XV-XVIII centuries. Vol. 1. M.: Progress, 1986. 466 p.
- [11] Huntington S. The Clash of Civilizations. M.: ООО "Publishing house AST", 2003. 65 p.
- [12] Vazhdra A. The path of evil. West: the matrix of global hegemony. M.: AST: Astrel, 2007. 42 p.

Список литературы

- [1] Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М.: Изд-во Эксмо, 2004.
- [2] Гидденс Э. Постмодерн. // Философия истории. Антология. 347 с.
- [3] Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени /Пер. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1997.
- [4] Кузнецова А.Я. Ценности науки и ценности образования // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 5-1. С. 132-132 // URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5644> (дата обращения: 05.01.2022).
- [5] Таланов В.М., Ефимов В.И. Личность: общелюдские ценности, забота о себе и выбор смыслов жизни // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 8-1. С. 75-81.
- [6] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. // Достоевский Ф.М. Записки из подполья Т.V. - Л: Изд-во «Наука», 1973. С. 178-179.
- [7] Коулман Д. Иерархия заговорщиков: Комитет 300 / Джон Коулман; пер. с англ. «Древнее и современное». - 2-ое изд., испр. и доп. - М.: «Древнее и современное», 2014. 27 с.
- [8] Уинстон Черчилль. Статья в газете Illustrated Sunday Herald, 8 февраля 1920 г.
- [9] Социальный образ России XXI века: традиции и вызовы времени, достижения и проблемы. - М.: 2006. 12 с.
- [10] Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 466 с.
- [11] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 65 с.
- [12] Важдра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М.: АСТ: Астрель, 2007. 42 с.

Попов С.И.*Кандидат философских наук, Кемеровский государственный медицинский университет.***«Площадки» для игры в мир и «поход» против философии***

Аннотация. Исследуются основания и «маршруты» «походов» против философии в истории интеллектуальной культуры. Анализируется процесс возникновения и исторического становления философии как формы рациональности и ее фундамента. Становление рациональности видится в качестве последовательности сменяющихся мыслительных «площадок». Выявляются философские площадки мышления – те платформы, которые выступают духовными основаниями конкретной интеллектуальной эпохи и, одновременно, пунктами духовного неприятия этой эпохи. Новая мыслительная площадка, развивая предыдущую, каждый раз все точнее конкретизирует круг духовных явлений, относительно которых она находится в оппозиции. Обсуждаются предполагаемые контуры современной мыслительной площадки, судьба философии и философов в наше время.

Ключевые слова: мыслительная площадка, рациональность, философия, поход против философии, метафизика, наука, позитивизм, христианство.

Popov S.I.*PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and Culturology, Kemerovo State medical University.***«Forecourts» for playing
the world and a «crusade» against philosophy**

Abstract. Observing the bases and «directions» of «crusades» against philosophy in the history of intellectual culture is considered. The process of emergence and historical formation of philosophy as a form of rationality and its foundation is analyzed. The formation of rationality is seen as a sequence of changing mental «platforms.» Philosophical platforms of thinking are being revealed as those platforms that act like the spiritual foundations of a particular intellectual era and, at the same time, the points of spiritual rejection of this era. A new mental platform, developing the previous one, each time more and more accurately specifies the circle of spiritual phenomena, with respect to those it acts as opposition. Discussing the alleged contours of the modern thinking platform, fate of philosophy and philosophers in our time is taking place.

Key words: thinking platform, rationality, Philosophy, crusade against Philosophy, Metaphysics, science, positivism, Christianity.

Как известно, возникновение рационального мышления было воплощенным проектом античности. Тогда под

этим мышлением понимали и то, что мы относим к философии, и то, что мы сегодня относим к науке. Новая форма

* © Попов С.И., 2022.

«Площадки» для игры в мир и «поход» против философии

вѣдения мира была встречена неоднозначно. Философское умонастроение не имеет шансов «стать жизненной программой ни для какой группы в том обществе, где выжить могут одни только «борцы за существование»¹. Деятельность философов была опасной в «прекрасных Афинах» и воинственном Риме. Христиане сразу противопоставили себя сначала философам «языческим», а потом и «своим», которых стали подозревать в ересь. Наука, став в Новое время наиболее величественным плодом многовековой философской деятельности, окрепнув, тоже (в лице сциентизма) отправилась в антифилософский «поход». Не сложилась репутация «любви к мудрости» и среди носителей единственно правильной идеологии, сомнительна она (уже по другим причинам?) и в современном обществе. Периодически, то разгорающееся, то затухающее настроенно-негативное отношение в обществе к философии и философам является культурно-историческим фактом и должно иметь какое-то объяснение.

Цель исследования: объяснить причины и понять «траектории» периодических «выпадов» против философии в истории интеллектуальной культуры. Материалы и методы исследования: история философии, понятийный аппарат методологии науки, культурно-исторический метод, анализ современных массовых ценностей.

Вопрос о том, чем занимается философия, по существу, относящийся уже к метафилософии, кажется ровесником самой «любви к мудрости». Долгое время ответ на него бесхитростно виделся как поиск истины, выходящей за злобу дня, как выработка некоего истинного

мировоззрения, миропонимания. Поскольку указанный поиск выказал все признаки бесконечности, философские проблемы стали видеться вопросами, на которые нет определенных ответов, которые не столько решаются, сколько обсуждаются, продолжая оставаться открытыми. В этом ракурсе философия оказывается вполне содержательным, хотя и небесспорным рассказом о мире, каковым был, например, миф.

Другой – «перпендикулярный» изложенному – подход к сущности и предназначению философии отправляется не от мира, а от самого мышления. Философская деятельность начинается с эпох – символического отстранения от мира – и заканчивается смысловым «сдвигом», позволяющим увидеть мир как бы впервые. То есть, собственно философская работа, философский «прорыв» сводится к свершившемуся «сдвигу»; дальше осуществляется рутинный труд в рамках приобретенной перспективы вѣдения. Иначе говоря, указанное смещение перспективы выводит на новую мыслительную «площадку». Вне этого «фазового перехода» в философии происходит мало значительных событий. Понятно, что философы производят идеи и создают воображаемые миры из идеальных конструкций, но последние иногда очень уместно отнести к разновидности жанра фантастики.

Указанный взгляд на то, чем занимается философия, небесспорен, но он преодолевает архаическое восприятие философии как замкнутой области, которая «варится» внутри себя; он предполагает некие внешние философии движения (наука, религия, вненаучное знание, словом – «культура»), в контексте которых философские поиски и находки выступали бы «двигателем» или хотя бы одной из «шестерен». Послед-

¹ Чайковский Ю.В. Лекции о долатоно-вом знании / Ю.В. Чайковский. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 91.

нее, впрочем, не так уж очевидно, хотя обычно излагается в учебниках в рамках учебного курса философии, а также входит обязательной частью во введения и заключения диссертаций по семейству философских специальностей.

Первый духовный сдвиг, который в конечном счете и привел к возникновению философии, мы можем обозначить как метаморфозу, случившуюся в архаической античности с оргиастической формой «духовности». В последней дух привходит в человека извне. Сам же человек лишен субъектности, как бы «одержим» таинственной и непреодолимой внешней силой. В ранней античности таковая ассоциируется с именем Вакха-Диониса – бога с сомнительной репутацией, бога вина и пьянства². Безумие и буйство, порождаемые опьянением, греки склонны были понимать как вселение Вакха в поклоняющегося ему человека. Это состояние уничтожало повседневное благоразумие, человек вновь обретал «интенсивность чувства», мир предстал перед ним «полным наслаждения и красоты», его воображение вдруг освобождалось «из тюрмы повседневных забот»³. Иначе говоря, человек претерпевал мир, не будучи в силах его узреть.

Цивилизованный человек отличается от дикаря благоразумием, самоконтролем. Переход к благоразумию, а символически – к отстранению от мира и обретению субъектности – связан с деятельностью «орфиков», последователей Орфея – персонажа полупоупендарного и неясного. Видимо, этот духовный сдвиг и привел к философскому умонастроению – символической

отстраненности (эпохэ) от мира, его бурь и забот. Орфики переосмыслили вакхический культ, заменив физическое опьянение – духовным, а одержимость – подвижничеством. Орфики мысленно разделили человека на тело (земное начало) и душу (небесное начало)⁴. Воспринимая обыденную жизнь в основном как страдание и скуку, они не пытались бежать от последних в исступление и помрачение рассудка, а жили надеждой на грядущее небесное упокоение. Однако в земной жизни они видели шанс очистить душу уже в этом мире духовно-аскетическими упражнениями, например, воздержанием от гнева, от насилия, от употребления мяса⁵. Орфические таинства – мистерии – дополняли эту «отрицательную программу» позитивной частью – знанием. Речь в этих таинствах, видимо, шла о том же, о чем «пел» (философствовал?) Орфей: «...что земля, небо и море, прежде сплоченные между собой в едином образе, разделились под действием лютой вражды на отдельные существа, и о том, что навеки незабываемый предел имеют в эфире Звезды, Луна и пути Солнца. И как выросли горы, и как родились шумящие реки...»⁶.

Орфическая реформа вакхического культа не касается его мифологического содержания и образности; орфическое философствование осуществляется в форме теогоний. В смене поколений богов (Хаос – боги-«чудовища» – боги-«люди»), впрочем, довольно легко угадывается движение природы (мира) от хаоса – к «космосу» (порядку и мудрой гармонии). Теогонии, таким образом, повествуют о мире иносказательно, персонифицировано – в соответствии

2 Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 31.

3 Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 32.

4 Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.В. Лебедев. – Ч.1. – М.: Наука, 1989. С. 40.

5 Там же. С. 42.

6 Там же. С.43.

с «методом» мифа: рассказывать не о сущностях, а о лицах и их действиях; подменять вопрос об устройстве мира вопросом об его – мира – происхождении и развитии.

Следующий духовный сдвиг в античности преодолевает как образную конкретность в описании мира, так и «генеалогический» метод мифа. В трактате «О седмицах» (нач. VI в. до н.э.) – древнейшем доступном нам прозаическом научном тексте неизвестного автора – уже нет ни того, ни другого. «Миры Вселенной имеют семичастный порядок», «таково число мира, семичастна всякая форма в нем, семичастен порядок каждой из частей»⁷. Куда бы ни обратил взор безвестный «гептадор» («семёрочник»), всюду он находит семеричный порядок, всякую область мира мысленно «собирает» из семи частей. Иными словами, миром правит число семь. Трактат «О седмицах» является собой яркий образец магии чисел, ставшей широко известной во времена пифагорейцев. Эта «магия» представляется нам уникальной: мир упорядочивается ею не посредством фантастико-поэтических образов (как в мифе), а «собирается» в целое через число, через обнаружение единого «ритма» в разных частях мира. В лице магии чисел мы имеем, таким образом, исторически первый и простейший вариант рационального постижения мира – без представления о «законах природы» и без использования специальных понятий.

Почти одновременно с магией чисел возникает и другой вариант рационализации мира (пифагорейская медицина) – выделение в мире противоположных качеств, «бинарных оппозиций», осознание парности противоположностей и

⁷ Фрагменты ранних греческих философ / сост. А.В. Лебедев. – Ч.1. – М.: Наука, 1989. С. 552.

их единства. Наконец, в культуре Древней Греции VI в. до н.э., в отличие, например, от культуры Месопотамии, мы находим использование гипотез – подлежащих критическому рассмотрению предположений о скрытых причинах явлений и недоступных непосредственному наблюдению обстоятельствах. «Если нам говорят, – пишет Д.В. Панченко, – что внезапное исчезновение Солнца среди бела дня вызывается тем, что дневное светило заслоняется от наших глаз Луной, которая, вопреки тому, что представляется на первый взгляд, является темным телом, не имеющим собственного света, и когда при этом, чтобы убедить нас, ссылаются на тот факт, что солнечные затмения происходят только в определенные дни, а именно дни новолуний, – когда нам предлагают такое рассуждение, мы, не задумываясь, назовем его научным»⁸. Указанное известное рассуждение принадлежит древнегреческому мудрецу Фалесу из Милета (~625-546), являющемуся, как следует из вышеизложенного, родоначальником науки, а также, согласно аристотелевской характеристике, родоначальником того направления в философии, которое полагает основой сущего единое материальное начало⁹. Безотносительно к решению «фалесова вопроса» (действительно ли он сделал все те открытия, что ему приписывают) несомненным является то обстоятельство, что они были понятны его современникам. А значит, важнейшим достижением Фалеса и его безвестных соратников и предшественников следу-

⁸ Панченко Д.В. Фалес, солнечные затмения и возникновение науки в Ионии в начале VI в. до н.э. [Электронный ресурс] / Д.В. Панченко // *Hypoboreus*. 1996. № 1. Т. 2. С. 47-124. // URL: http://www.bibliotheca-classica.org/sites/default/files/panchenko_1.pdf.

⁹ Фрагменты ранних греческих философ / сост. А.В. Лебедев. – Ч.1. – М.: Наука, 1989. С. 109.

ет считать все же переворот философского значения – формирование новой мыслительной «площадки»: объяснять явления причинно, не доверять видимости, обнаруживать регулярность, объяснения выдвигать в виде гипотез, приглашая тем самым формулировать рациональные же контртеории и контаргументы. Все это мы сейчас называем научным методом.

Следующая «площадка» объединяет несколько духовных векторов, в итоге приводя к типу рациональности, известном под именем «современная наука». Христианский креационизм в эпоху Возрождения получает антропоцентристскую интерпретацию: поскольку человек – подобие Бога, его деятельность – тоже творение (в меньших масштабах). Отсюда разумное изменение мира узаконивается теологически. Возникший в XVI в. протестантизм, подчеркивая в Боге приоритет не разумного, а волевого начала (и через него – неограниченность божественной свободы), легитимизировал тем самым приоритетность изучения конкретных творений, внимание к частностям – эмпирический путь постижения природы. Однако к науке современного типа ведет не столько эмпиризм как таковой, сколько широкие синтезы, объединяющие интерес к эмпирическим исследованиям с поисками новой теоретической основы для их осмысления. Наиболее значительный вклад в поиски таковой внесен Ф. Бэконом (1561-1626) и Р. Декартом (1596-1650).

Ф. Бэкон пропагандировал иную, чем аристотелевская, – недедуктивную логику. «Индукцию» он понимал широко – не как «поспешные» обобщения, а как сбор, классификацию и сравнение данных наблюдений с целью обнаружения сходств и различий (речь, видимо, идет об индуктивных методах установ-

ления причин). Бэкон многого ожидал от применения индуктивных процедур в познании, вплоть до того, что «таблицы сходств и различий» дадут аксиомы не только природы, но также политики, этики и мышления»¹⁰.

Рене Декарт, неожиданно для себя оказавшийся интеллектуальным лидером знаменитого корреспондентского кружка М. Мерсенна, напротив, не придавал значения эмпиризму и индуктивным приемам в физике. Метод познания, который он предлагал – начинать с ясных и отчетливых идей и переходить посредством правильных дедуктивных шагов к неопровержимым заключениям – являлся переносом математической дедукции в естествознание. Существенно то, что дедукция и индукция (инверсия) есть в каком-то смысле одно и то же, поскольку предполагают одну модель физических процессов – незыблемость и однозначность связи причины и следствия (дедукция описывает переход от первого ко второму, индукция – обратный переход). Указанная модель является механической: именно в механизме связь причины и следствия однозначна, безвариантна, как в пулемете по схеме Гатлинга. Бэкон и Декарт разными путями шли к одной теоретической «площадке» будущей науки. Они были оригинальными философами – искали для познания новые интеллектуальные основания и радикально рвали с прошлым содержанием интеллектуальной жизни.

Важнейшим следствием утверждавшегося в XVII – XVIII вв. механицизма было порождение веры в законообразность мира: природа характеризуется строго очерченными пределами и запре-

¹⁰ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 736.

тами, она не знает чудес¹¹. Наука Нового времени обратилась к систематическому опытному экспериментальному изучению природы. Она основывается на понятии закона природы, выраженного в строгой математической форме. Она обладает продвинутой социальной организацией в виде «сети» научных кружков и отличается способностью к быстрому достижению согласия по вопросам и динамичному перемещению интереса на новые области. В ней имеет место технологизация исследований и практический «выход» в виде техники и технологий. Указанные положения, по нашему мнению, очерчивают третью философскую «площадку – результат перехода от просто рационального мышления к опытной, экспериментальной науке. Подытожим «сдвиги» философского значения, произошедшие в истории культуры и приведшие к результатам в виде «мыслительных площадок»:

- переход от «вовлеченности в мир» к «отстранению от мира» (первая «площадка»);

- переход от мифологической образности к рациональному мышлению (вторая «площадка»);

- переход от просто рационального мышления к принципам опытной, экспериментальной науки (третья «площадка»). Во второй главе мы попытаемся предположить и четвертую «площадку».

Выявление «мыслительных площадок» и их смены в истории культуры позволяет обосновать видение философии как редкого занятия, имеющего значение в некие ключевые моменты интеллектуальной истории. Помимо этого, концепт философских «площа-

док» позволяет объяснить культурно-исторические факты нападков на философию как на умственную дисциплину и институт культуры.

Нападки на философию кажутся нам ровесниками самой философии, под которой будем понимать неспециализированную (по сравнению с наукой, ремеслом, досугом) духовную деятельность, приводящую к изменению основных принципов видения мира, задающую последним некоторый вектор. Видимо, суть нападков на так понимаемую философию заключается в сопротивлении прежней «парадигмы» миропостижения в лице ее сторонников и общественных институтов, в которые она успела оформиться.

Как говорилось выше, духовное движение к институционализации философии в архаике началось с того, что жизненная практика «аполлонического» (порядок, мера, гармония, самоконтроль) в орфизме выместила древнее «дионисийство» (хаос, диспропорция, невоздержанность). Установилась новая диспозиция по отношению к миру – «отстранение от мира», противостоящее прежней «вовлеченности в мир». Новая «площадка» некоторое время не обрела особого языка: продолжал использоваться язык мифа, и мир объяснялся генеалогически. На этом этапе становления духовности оказались записанными и осмысленными все древние мифы. Сопротивление прежней «парадигмы» отношения к миру выразилось в спорадическом бунте «жизни» против «мысли», что хорошо иллюстрирует в известной легенде судьба Орфея, разорванного на части беснующимися в алкогольно-витально-мистическом экстазе женщинами-«вакханками». Как пронзительно замечает Г.С. Баранов, интерпретируя изложение легенды об Орфее и Эвридике Ф. Бэконом, «фило-

11 Визгин В.П. Эксперимент и чудо: религиозно-теологический фактор генезиса науки Нового времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3. С. 13.

софия живет и дышит идеей порядка, упорядоченной гармонии, она стремится внести размерность и размеренность не только в жизнь людей и зверей, но и лесов и камней, в саму природу. Жизнь же есть беспорядок и хаос, и случайность, и похоть, и вакхическое празднество <...>. И как бы ни пытался орфизм (философия) упорядочить мир, «усмирить» его хаотичность, «аналитически разумно» расчленив и гармонизировать его, жизнь берет свое, и «фракийские жены», обуреваемые витальной энергией <...> в вакхическом исступлении вновь все возвращают «на свои места»¹². Утрируя, можно сказать, что усилия Орфея по окончательному упорядочению мира – тщетны, а конфликт «вакханок» с философами – вечен.

Почти синхронно с орфизмом возник иной духовный проект – исследовать не происхождение, а устройство мира, – положивший начало «натурфилософии», рациональному мышлению и с ними – второй мыслительной «площадке». Этот проект противостоял языку теогоний и не мог быть реализован в нем. В результате возник очаг очередного конфликта с философией и философами – народный мифологизм против рационализма. Этот конфликт, инициированный невольно самими философами, достиг апогея уже в V в. до н.э. и выразился в известном обвинении Сократа «в непочитании богов, признаваемых всеми».

Частью проекта рационального мышления была задача изучить самого человека, его «внутреннее». Здесь основную работу проделали «софисты», показав перспективизм и релятивизм (зависимость от точки зрения и относительность) любых определенных утверждений, особенно утверждений о

ценностях. Сократ, как известно, противостоявший релятивизму софистов (реальный Сократ), тем не менее, в диалогах Платона показан со своей «диалектикой» как типичный софист. Это обстоятельство инициировало вторую часть обвинения Сократа: «растление молодежи».

Как видим, на этом этапе обвинение против философии выдвинуло традиционное обыденное мышление с его предрассудками, нерелексивностью. Конфликт протекал с переменным успехом: философы периодически обвинялись и изгонялись «гражданами», но и философы издевались над гражданами, а их дружба с сильными мира сего, желавшими стать еще и мудрыми мира сего, защищала их от толпы.

Софистический посыл предполагал, что «все можно доказать»; ответом ему стало скептическое «во всем можно усомниться». Такие контрверзы позиционировали античное любомудрие как интеллектуальную игру без особых заявок. В противоположность античной несерьезности нарождавшееся христианство заявляло себя как *серьезный* духовный проект. Первоначально оно не содержало никакой теории, но необходимость в таковой ввиду ситуации «осажденной крепости» (окружения языческим дискурсом) вскоре породила христианскую теологию, рьяно принявшую сочинять трактаты «против язычников». Христианские нападки на философию, изначально укладывавшиеся в прежнюю схему «народный мифологизм против рационализма», оказались сильнее и весомее реакции рядовых афинян на «философов» и явили исторически первый парадоксальный философский поход против философии. В чем здесь дело?

Христианство ориентирует на напряженное переживание истории, в

¹² Баранов Г.С. Философия метафоры. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. С. 415-416.

определенном смысле «изобретая» последнюю. Античное любомудрие неисторично и несерьезно, с христианством же появляется серьезность и эсхатологичность. Ежедневной духовной работе по преодолению греховности не нужна и излишня, как теория мироздания, так и дискуссии этического порядка. Христианское послание само выступает грандиозной духовной пищей, которой среднему человеку совершенно достаточно.

Однако поход против философии у теологов средневековья ожидаемо сам становится философским: теология становится систематичной и «мировоззренческой», обрастает метафизикой. Последняя практически сразу порождает реакцию «игнора» и скептицизма у гуманистов Возрождения и поиски альтернативной духовной пищи. Бэкон и Декарт (первоначально) стали известны не как разработчики новой – другой – метафизики, а своими поисками метода [духовной жизни] – то есть снова радикально иной «площадки», чем полагали средневековые патристика и схоластика. Вне зависимости от «рационалистических» наклонностей Декарта и от «эмпиристского» крена Бэкона эта площадка состояла в ориентированности на *непосредственные данности* ума, созерцающего себя (Декарт) или природные объекты (Бэкон). Эта ориентация означала «перпендикулярный» ход по отношению к религии: не отрицая ее явно (религиозный опыт – тоже опыт сознания), они полагали для нее более общие основания и этим отказывались от преимущественного использования языка теологии для описания опыта.

С этого момента, видимо, началось возрождение прежней игровой, несерьезной метафизики на новых – картезианско-бэконовских – основаниях и в новых условиях господства новой – уже

третьей «мыслительной площадки» (принципов видения мира наукой «современного типа»). Согласно трехчастной схеме Огюста Конта, это 2-я стадия становления разума: смена теологических спекуляций чистыми абстракциями. Неудивительно, что новая метафизика XVII – XVIII вв. сразу вызвала антифилософскую реакцию – причем не столько в виде ожидаемого бунта сторонников антинаучной романтически-иррационалистической позиции, видевшей в природе не механизм, а чудесный организм, а – что гораздо веселее – в виде философии (!) позитивизма. При этом сциентизм Нового времени не был радикальным отрицанием предшествующего рационализма и не породил конфликтной реакции последнего.

Философия позитивизма ничем не отличалась от методологических установок Бэкона – Декарта, ориентируя на дискурс о природе, на единственность этого вида духовной пищи, на своевременность и необходимость подобной «диеты» для человека. Сверхчувственное, о котором любили рассуждать философы-рационалисты Нового времени, не отрицалось, но больше не подлежало осмысленному обсуждению в дискурсе. С ним можно было быть рядом, его можно было предполагать и даже почти ощущать его присутствие, но о нем «следовало молчать» (Л. Витгенштейн).

Романтический позитивизм О. Конта получил «новую кровь» в лице неопозитивизма XX в. Последний явил собой пример сциентизма: «новый позитивизм» двадцатого века оказался больше, чем любое другое течение, связанным с наукой и ее проблемами. Родилось это течение в Вене, где в 1920-х гг. вокруг профессора кафедры индуктивных наук Морица Шлика собрался кружок его учеников

и сторонников (Р. Карнап, К. Гёдель, Ф. Франк, О. Нейрат и др.). Роль непосредственного импульса движения сыграл «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна (1921), в котором «венцы» усмотрели формулировку принципа верификации и программу «очищения» науки от метафизики. Последняя обычно отождествляется с философией, и ниспровержение философии выглядит курьезно для направления мысли, в рамках которого развиваются идеи именно философского значения.

В задачу работы не входит анализ состоятельности «проекта» неопозитивистов. Отметим лишь значимые для нашей темы «нападок на философию» элементы их программы. Поскольку проблемы метафизики предполагают в качестве «ответов» лишь псевдовысказывания («Материя есть инобытие духа» (Гегель), «Ничто ничтожеству» (Хайдеггер)), то они сами являются псевдопроблемами, не имеющими реального содержания (вроде проблемы существования внешнего мира, проблемы существования Бога и пр.). Согласно Р. Карнапу, метафизика является лишь «выражением чувства жизни»: «метафизик верит, что он действует в области, в которой речь идет об истине или лжи. В действительности он ничего не высказывает, а только нечто выражает, как художник»¹³. Источник философских псевдопроблем неопозитивисты видели в особенностях обыденного языка и его неправильном использовании.

Антиметафизический, антифилософский пафос неопозитивистов в чем-то можно понять. Им выпало мыслить и собираться на заседания в 1920-е годы, когда мир еще не отошел от «Великой войны», обнаружившей кризис гума-

низма и отвлеченного мышления вообще, чьи понятия были попорчены этим массовым «психозом». XX век как бы начался в духовном смысле в 1914 г., начался с великой фрустрации: крушения надежды на разум, на гуманизм культуры – несомненных, казалось, завоеваний века XIX-го. Позитивисты оправданно увидели причину новой дикости в словах – их неправильном, некритическом, неосмысленном, непрозорливом использовании. И обвинили в этом философию и философов как главных, изначальных и авторитетных агентов «словесных интервенций» в социум.

В случае позитивизма и неопозитивизма мы наблюдаем, как активной стороной конфликта с философией оказываются агенты новой «мыслительной площадки», что контрастирует с прежде рассмотренными случаями, когда конфликт задавался сопротивлением «ретроградной партии». Складывается впечатление, что развитие философии как рациональной деятельности как бы достигает оптимума на ступени генезиса третьей «мыслительной площадки» и перестает выступать в качестве авангарда культурной динамики, роль которого переходит к чему-то другому.

Дальше, продолжая рефлексировать о «мыслительных площадках» мы вступаем в область смутных предположений. Кажется понятным, что механицизм, ассоциирующийся с «классической научностью» и выступающий основой третьей «площадки», уже не является последним словом миропостижения, и новое слово принадлежит «неклассической научности», которую, однако, весьма трудно определить. Вероятно, ставка в ней будет – на органицизм и принцип разнообразия. Если мир понимается не механистически, а органицистски, то он воспринимается как система, где действуют не линей-

¹³ Философы двадцатого века: Сб. / отв. ред. А.М. Руткевич, И.С. Вдовина. – М.: Искусство, 1999. С. 88.

ные причинно-следственные цепочки, а всё связано со всем, любое событие определяется большой совокупностью факторов, и, таким образом, говорить о непосредственной причине события – значит сильно и неправомерно упрощать природу объекта и происходящие с ним изменения. Принцип разнообразия хорошо вписывается в органицизм; мир видится как сад, ярмарка, а не как огород или магазин.

На новом этапе существования рациональности происходит новое отторжение философии и выявляются новые основания такового. Философия кажется ненужной (лишней?) как особое пространство дискурса, который сейчас – везде и нигде. Контурсы последней «площадки» становятся различимы, как раз исходя из пафоса направленных на философию «атак»: философский дискурс неправомерно узурпирует пространство духовности, настаивая на особом своем положении в этом пространстве. Однако сегодня все дискурсы обладают равными правами. Каждый может создавать и продвигать свою концепцию, площадку, сеть. Более того, следует разрабатывать теории, несовместимые с твердо установленными фактами (П. Фейерабенд). Все эти лозунги хорошо узнаваемы в современной культуре; акцент в них делается на то, что многообразие – хорошо в любом случае. Заметим, что возникновение и эволюция рациональности связано с выделением противоположностей, бинарных оппозиций, тогда как их смешение, характеризующее «эпоху многообразия» должно означать обратный процесс. «Общество тотальной информации, по Бодрийару, есть общество «бесстыдное», где можно демонстрировать что угодно, как угодно, кому угодно»¹⁴. Выражена, по

сути, новая – постсовременная – форма «похода» против философии. В указанной обстановке никакие определенные ценностные установки не могут существовать, становятся зыбкими, тогда как философия состоялась в свое время как форма рациональности, утверждавшая четкие структуры. В постсовременности же «значительное и пустяковое, умное и глупое, красивое и некрасивое, оригинальное и пошло-стереотипное, нормальное и патологическое, возвышенное и низменное – все это обесценено, лишено устойчивости и солидности. Все равноценно, и нет ничего святого»¹⁵.

Каждая новая «мыслительная площадка» порождает яростное сопротивление сторонников старой (исключение – позитивистский «поход» против философии), рано или поздно вырождавшееся в (иногда – философский же) проект элиминации философии из дискурса и пространства духовных возможностей. В случае очередного восстания против философии всегда интересно, с какой «платформы» происходит этот духовный «путч»: с платформы воинствующего обыденного сознания, институциональной ли религии, сциентистского ли мировоззрения или какой-то еще. Набор таких платформ относительно невелик и уже апробирован в истории культуры. К восстанию против философии, разумеется, предрасполагает неопределенность статуса самого этого института: «ничейная земля» (Б. Рассел), «неспециализированная духовная деятельность», призванная «снять» наукоподобный формализм академических занятий. Указанный образ философии – симпатичен, но еще более увеличивает неопределенность ее предметной

висимая культура // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 17-18.

¹⁴ Якимович А.К. Тоталитаризм и неза-

области, предрасполагая к замещениям ее гуманитарными, по преимуществу, «проектами», имеющими прописку по адресам литературоведения, искусствоведения, истории культуры и пр. В настоящее время палитра тут достаточно пестрая и не всегда определяемая. Узурпации предмета философии иногда смотрятся выгоднее самой философии. Поскольку современная культура сильно перешла в виртуальное пространство, которое она делит с сильно интенсифицировавшимся общением, то возникает ощущение духовного насыщения, обеспеченности духовной жизни и без всякой философии (похожее ощущение сопровождало жизнь христианина). Проблемность освоения студентами философии в рамках кратких вузовских курсов при вынужденно формализованной и «плотной» подаче материала в таковых тоже не добавляет ей репутации. Все указанные обстоятельства потенциально служат предпосылками, «тлеющими углями» очередного духовного «восстания» против «отвлеченного мышления об общих вопросах». Такое мышление просто есть, и вряд ли оно нуждается в защите, в апологетах (последние чаще оказывают ей дурную услугу). Нападки свидетельствуют, что существование такого мышления периодически оказывается «неудобным» – стесняет очередную духовную и интеллектуальную моду?

В целом можно констатировать снижение градуса свирепости в «походах» против философии и философов (что – отрадно): философов больше не травят и не сжигают, а заключают (неопозитивисты) в дом сумасшедших (символически), а в XXI веке – просто не замечают.

References

[1] Baranov G.S. Philosophy of metaphor. - Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005. 472 p.

- [2] Vizgin V.P. Experiment and Miracle: Religious and Theological Factor of the Genesis of the Science of Modern Times // Questions of the History of Natural Science and Technology. 1995. № 3. P. 3-20.
- [3] Collins R. Sociology of philosophies. Global theory of intellectual change. - Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2002. 1282 p.
- [4] Panchenko D.V. Thales, solar eclipses and the emergence of science in Ionia at the beginning of the 6th century. BC. // Hyperboreus. 1996. № 1. Vol. 2. P. 47-124. // URL: http://www.bibliotheca-classica.org/sites/default/files/panchenko_1.pdf
- [5] Russell B. History of Western Philosophy. In 3 books. - Novosibirsk: Publishing house Novosibirsk, 1997. 815 p.
- [6] Philosophers of the twentieth century: Sat. / resp. ed. A.M. Rutkevich, I.S. Widow. - M.: Art, 1999. 263 p.
- [7] Fragments of early Greek philosophers / comp. A.V. Lebedev. - Part 1. - M.: Nauka, 1989. 576 p.
- [8] Tchaikovsky Yu.V. Lectures on pre-Platonic knowledge. - M.: Association of scientific publications КМК, 2012. 483 p.
- [9] Yakimovich A.K. Totalitarianism and independent culture // Questions of Philosophy. 1991. № 11. P. 16-25.

Список литературы

- [1] Баранов Г.С. Философия метафоры. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 472 с.
- [2] Визгин В.П. Эксперимент и чудо: религиозно-теологический фактор генезиса науки Нового времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3. С. 3-20.
- [3] Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
- [4] Панченко Д.В. Фалес, солнечные затмения и возникновение науки в Ионии в начале VI в. до н.э. // Hyperboreus. 1996. № 1. Т. 2. С. 47-124. // URL: http://www.bibliotheca-classica.org/sites/default/files/panchenko_1.pdf
- [5] Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 815 с.
- [6] Философы двадцатого века: Сб. / отв. ред. А.М. Руткевич, И.С. Вдовина. – М.: Искусство, 1999. 263 с.
- [7] Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.В. Лебедев. - Ч. 1. – М.: Наука, 1989. 576 с.
- [8] Чайковский Ю.В. Лекции о доплатоновом знании. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 483 с.
- [9] Якимович А.К. Тоталитаризм и независимая культура // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 16-25.

Канькин С.В.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук,
Старооскольский технологический институт имени А.А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС».*

Метафизические компоненты социокультурных оснований выдающихся спортивных достижений стайеров из Кении и Эфиопии*

Аннотация. Автор сосредоточил внимание на ценностях, смысле и нормах как выразителях социокультурного, извлекаемых из мифологии, религии и философии африканских народов и проявляющихся в спортивных и связанных с ними практиках известных бегунов-стайеров рассматриваемого региона. В мифологии Восточной Африки бег был способом определения судьбы человечества и критерием брачного потенциала; подготовка к социально значимому бегу на выносливость (коллективная охота, угон скота и пр.) была связана с иницилирующей практикой обрезания, а также с обрядностью, проявляющейся в специфических танцевальных и ритуализированных движениях. Европейские миссионеры, преодолевая мифологические воззрения африканцев, перевели беговые занятия кенийцев и эфиопов в спортивную плоскость, а культ мученичества и страданий как исполнения божественной воли в христианстве оказал значительное влияние на беговую мотивацию стайеров. В философском наследии африканских народов для понимания их успехов в беге на выносливость важными оказались концепции Л.С. Сенгора, идеи убунту, негритюда и расширительно понимаемого афрополитизма, которые позволяют понять мотивацию африканских бегунов, нацеленных своими победами на демонстрацию успешной Африки.

Ключевые слова: афрополитизм, негритюд, убунту, религии Восточной Африки, восточноафриканская мифология, философия спорта, бег на выносливость, социокультурные основания, африканская философия, стайеры Восточной Африки.

Kannikin S.V.

*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities
at Sary Oskol Technological Institute named after A. Ugarov,
branch of National University of Science and Technology «MISIS».*

Metaphysical components of the socio-cultural foundations of outstanding sporting achievements of stayers from Kenya and Ethiopia

Abstract. The author focused on the values, meanings and norms as exponents of the socio-cultural, derived from the mythology, religion and philosophy of African peoples and manifested in the sports and related practices of famous distance runners of the region under consideration. In East African mythology, running was a way of determining the fate of humanity and a criterion for marital potential; preparation for a socially significant endurance race (collective hunting, cat-

* © Канькин С.В., 2022.

Метафизические компоненты социокультурных оснований выдающихся спортивных достижений стайеров из Кении и Эфиопии

tle stealing, etc.) was associated with the initiatory practice of circumcision, as well as with rituals manifested in specific dance and ritualized movements. European missionaries, overcoming the mythological views of Africans, transferred the running classes of Kenyans and Ethiopians to the sports plane, and the cult of martyrdom and suffering as the fulfillment of the divine will in Christianity had a significant impact on the running motivation of stayers. In the philosophical heritage of African peoples, the concepts of L.S. Sengora, the ideas of ubuntu, negritu, and broadly understood Afropolitanism, which allow us to understand the motivation of African runners, aiming with their victories to showcase a successful Africa.

Key words: afropolitanism, negritude, ubuntu, religions of East Africa, East African mythology, philosophy of sports, endurance running, sociocultural foundations, African philosophy, East African stayers.

Философский интерес к спорту высших достижений во многом обусловлен его значимостью для понимания потенциала *homo sapiens*. Действительно, спортсмены мирового класса находятся в авангарде человечества, демонстрируя достигнутый культурой того или иного общества высший уровень развития не только физических, но и некоторых духовных способностей, важных для выживания и прогресса нашего вида. Вдохновитель возрожденного олимпийского движения П. Кубертен полагал, что средствами честного и бескорыстного спортивного состязания формируются плоть и дух совершенного человека – *атлета*, не теряющего благородства даже в ситуации максимального напряжения всех своих сил и устремленного к калокагатии как гармоничному единству всех аспектов гуманистического идеала. Очевидно, что превращение спортсмена в атлета (что, по сути, есть формирование своего рода сверхчеловека) сопряжено со многими трудностями, осмысление и поиск путей преодоления которых также интересны философскому сознанию, равно как и исследование многообразных аспектов формирования, развития и влияния спортивной деятельности на бытие человека и общества.

Как известно, философию характеризует интерес к предельному и

всеобщему, рассматриваемому в соотношении с горизонтами человеческого бытия и осмысляемому в строгом соответствии с правилами и техниками мышления. В этой связи для философии спорта важным является анализ беговых практик, поскольку именно бег является составляющей подавляющего большинства спортивных видов, универсально используется в тренировочном процессе, охватывает широкие массы (на крупнейшие марафоны выходят десятки тысяч спортсменов и физкультурников), является самым доступным и сравнительно простым видом физической активности. Следует добавить, что бег выступает одним из существенных факторов антропогенеза [6, 19, 37], это первый и непреходящий вид всех олимпийских игр и важный компонент современной культуры, имеющий не только телесную значимость. В этой связи примечателен стайерский бег, предполагающий культивирование выносливости, – именно этот вид беговых практик был наиболее важен для формирования нашего биологического вида и широко распространен среди любителей физической активности в современном мире. В спорте высших достижений стайерский бег вот уже более шестидесяти лет – после сенсационной победы босоногого эфиопа Абебе Бикилы на

олимпийском марафоне в 1960 году в Риме – ассоциируется в первую очередь с выходцами из Эфиопии и Кении, чье подавляющее доминирование в беге на длинные дистанции на стадионе, шоссе и по пересеченной местности является феноменальным и привлекает внимание не только зрителей, спортсменов и тренеров, но и ученых различной специализации, пытающихся выявить причины этого ошеломительного успеха. Кения и Эфиопия – соседствующие страны, расположенные в Восточной Африке, общая граница которых составляет более 850 км. Их объединяют не только схожие географические условия, но и общие народности, а значит, и социокультурные факторы. Стайеры-мужчины под флагом Кении на десяти последних олимпиадах девять раз брали золото в стипль-чезе, с 1991 года кенийцы 21 раз одерживали победы на очень престижном Бостонском марафоне, 13 раз – на одном из самых массовых в мире марафоне в Нью-Йорке, стайеры-мужчины из Эфиопии на четырех олимпиадах подряд (с 1996 по 2008 гг.) выигрывали финальные забеги на 10 000 метров, женщины из Эфиопии трижды подряд (2004-2012) добивались золотых медалей в забегах на 5000 м. и также трижды подряд (2008-2012) первенствовали в забегах на 10 000 м. На недавно завершившейся Олимпиаде в Токио кенийские мужчины выиграли в забегах на 800 м и в марафоне, а женщины первенствовали на дистанциях 1500 м. и также в марафоне; представители и выходцы из Эфиопии получили золотые олимпийские медали в забегах на 10 000 м. у мужчин и в забегах на 5 000 и 10 000 м у женщин (победительница на этих дистанциях Сифан Хассан в качестве беженца приехала из Эфиопии в Нидерланды и теперь выступает

за эту страну). По количеству золотых олимпийских медалей в легкой атлетике Кения (34) и Эфиопия (23), успешно выступающие только в беговой части программы, опережают таких европейских грандов, как Швеция (21), Германия (19), Франция (14) и многих других, соревнующихся почти во всех олимпийских видах «королевы спорта». В [28, с. 650] указывается, что 90% мировых рекордов в беге на средние и длинные дистанции принадлежат выходцам из Кении и Эфиопии, и именно представители этих стран занимают начальные 10 позиций в мировом рейтинге.

Первое приходящее на ум объяснение этих выдающихся спортивных достижений отсылает нас к поиску биологических особенностей жителей Кении и Эфиопии, позволяющих им демонстрировать уникальную беговую выносливость. Однако рассуждения о генетическом своеобразии темнокожих африканских атлетов нередко натываются на обвинения в расизме. Это связано с тем, что в западном общественном сознании существует предрассудок об обратной пропорциональности биологического и цивилизационного развития: способности перемещать большие тяжести, долго терпеть боль, постоянно заниматься физическим трудом, быстро двигаться и преодолевать бегом значительные расстояния, довольствоваться малым в быту, равно как и гипертрофированные сексуальность и фертильность, приписываются «примитивному», «отсталому» человеку, в то время как «человек цивилизованный» приносит физическое развитие в жертву интеллектуальному и духовному совершенству, компенсируя свои телесные немощи созданием высокотехнологичной среды обитания, мощной медицинской поддержкой, контролем над питанием и умеренной физической

активностью в сфере модных трендов фитнес-индустрии.

Методология гуманитарного познания давно выработала ограничения для такого рода рассуждений, предложив способы нивелирования (конечно, не абсолютного) идеологической ангажированности исследователя. К ним, например, относятся методологические принципы «гильотины Юма», «свободы от оценки» М. Вебера, метод восхождения от абстрактного к конкретному К. Маркса, герменевтические практики Г. Гадамера и П. Рикера, ситуационный анализ К. Поппера, традиции диалогической философии XX века (М. Бубер, Э. Левинас), концепция культурного релятивизма и др. На их основе ученый может объяснять объективный характер человеческой вариативности «*sine ira et studio*» (без гнева и пристрастия), не впадая в этноцентризм и не питая «научными аргументами» идеологии расизма, национализма и фашизма. Опора на эти методологические принципы, особенно актуальные для социально ориентированного постнеклассического модуса научной рациональности, характеризует и данное исследование.

Постановка проблемы

В литературе [например, 11, 17, 24, 26, 31, 32, 35, 40] тщательно исследуются генетические (и шире – биологические) особенности жителей Восточной Африки, объясняющие их уникальную для человеческой популяции природную предрасположенность к бегу на выносливость, а также климатические свойства региона их проживания. Отсутствие соответствующего образования не позволяет автору данной статьи осуществить их критический анализ. При этом внимание привлекает суждение профессора клинической фи-

зиологии Ноттингемского университета Майкла Ренье [18], полагающего (конечно, с известной долей условности), что биологическими факторами можно объяснить лишь 55 процентов успеха бегунов из Кении и Эфиопии, а 45 оставшихся процентов зависят от особенностей социальной истории и культуры племен, из которых вышли прославленные чемпионы. Именно составляющие этих 45 процентов и представляют наш познавательный интерес. Следует отметить, что в научных публикациях по теме исследования, затрагивающих социокультурные аспекты рассматриваемой проблематики, основное внимание уделяется экономическим причинам, побуждающим кенийцев и эфиопов к длительным и изнурительным тренировкам в беге на выносливость. Надо признать обоснованность этой позиции, поскольку африканская бедность, определяемая величиной разрыва между доходами подавляющего большинства населения и международно признанным уровнем бедности, является самой большой в мире [27]. Традиционное общество характеризуется крайне ограниченным набором «социальных лифтов», ведущих к благополучной жизни, поэтому спортивный бег, победы в котором на международном уровне имеют серьезные коммерческие и социальные перспективы (например, марафон в Дубае имеет призовой фонд около миллиона долларов, при этом за рекордное время можно отдельно получить 250 000 долларов – все это баснословные для Африки деньги, где миллионы людей обходятся одним долларом в день), многими кенийцами и эфиопами рассматривается как единственная возможность вырваться из нищеты. Так, «некий кениец брал фиксированную сумму за свои выступления – 754 дол-

лара. Казалось, это – бессмысленная и некруглая сумма, но такова была у него на родине стоимость коровы или участка земли. Мысль об увеличении поголовья скота и площади земли заставляла его много выступать на соревнованиях, главным образом участвуя в турне по Европе, чтобы обеспечить будущее себе и своим родственникам» [9, с. 227]. Именно стремлением вырваться из нищеты объясняются массовость и огромная конкуренция даже в низовых любительских беговых соревнованиях Кении и Эфиопии, многие участники которых только мечтают о регулярном трехразовом питании, самых дешевых часах с GPS-трекером и бегут в кроссовках, купленных в секунд-хенде: «Больше нигде в мире вы не найдете столько людей, у которых нет иной возможности чего-то добиться в жизни, кроме как стать профессиональными бегунами и полностью обеспечить себя материально на беговой дорожке или на шоссе» [33, с. 221]. Особенности развития экономики Кении и Эфиопии также детерминируют и еще несколько важных для развития бега на выносливость факторов: малочисленность школ в сельской местности и скотоводство как доминирующая отрасль хозяйства в ряде регионов рассматриваемых стран. Эти причины обуславливают значительную двигательную активность африканских детей и подростков, которые вынуждены пешком (а иногда и бегом) ежедневно преодолевать значительные расстояния, как добираясь до отдаленной школы, так и помогая родителям пасти скот, при этом они выполняют те функции, которые, к примеру на Кавказе или в Альпах, осуществляют управляющие стадом собаки, пробегая за день 20-30 км. Также исследователи отмечают, что «во многих районах <...> банально нет инфраструктуры для про-

ведения досуга, поэтому бег остается чуть ли не единственным способом развлечения и развития» [40]. В то время как их ровесники из индустриальных и постиндустриальных урбанизированных обществ в школу доставляются автобусами и проводят свой досуг за компьютерами и прочими гаджетами, с детства страдая от гиподинамии, юные кенийцы и эфиопы закладывают фундамент своих будущих спортивных побед. Также свою роль играет и государственная поддержка талантливых бегунов, которые, добившись первых результатов, получают возможность служить в армии и полиции. При этом они фактически освобождаются от прямых обязанностей, вытекающих из их статуса, тренируясь два раза в день и получая достаточное вознаграждение, сопряженное с обязанностью выступать на государственных соревнованиях. Однако помимо «физических», обусловленных генами, климатом, экономикой и т.п. «материальными» причинами, есть и «метафизические» резоны такой приверженности бегу, доступ к которым обеспечивают традиции, мифы, религия и философские взгляды жителей рассматриваемого региона. Анализ литературы позволил прийти к выводу, что обращение к ним в качестве объяснительных ресурсов социокультурной обусловленности беговых достижений стайеров Кении и Эфиопии встречается редко и, как правило, не имеет системного характера [например, 2, 3]. Восполнением этой недостаточности и обуславливаются актуальность и новизна предлагаемого исследования.

Также важным, на наш взгляд, является прояснение термина «социокультурный подход». Как полагает Н.И. Лапин, «специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческо-

го бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей» [16, с. 4]. Нам представляется, что у этих трех измерений есть связующее звено, которым выступают смыслы, нормы и ценности. С одной стороны, они порождены культурой, детерминированной разнообразными особенностями определенного социума (климатическими, этническими, деятельностными и пр.), а с другой – активно и своеобразно усваиваются и транслируются носителями данной культуры не только в своем социуме, но и, учитывая ситуацию современности, нередко глобально. Именно на ценностях, смыслах и нормах, как выразителях *социокультурного*, извлекаемых из мифологии, религии и философии африканских народов в их субъектном преломлении выдающимися бегунами-стайерами Кении и Эфиопии, и сосредоточивает свое внимание автор работы.

Мифология

В мифе кенийского племени дурума о выборе судьбы человека победа в беге приобретает максимально возможную значимость, становясь условием обретения бессмертия всем человеческим родом: «После сотворения человека Хамелеона и Ящерицу спросили, какая, по их мнению, участь должна его ожидать. Хамелеон ответил: «Я хотел бы, чтобы люди жили вечно», а Ящерица сказала: «Удел людей – смерть». Чтобы разрешить спор, Хамелеон и Ящерица должны были бежать наперегонки до стула (чити). Исполниться должно было желание победителя. Как и можно было

предвидеть, победила Ящерица. С тех пор Хамелеон передвигается медленно, словно грустя о том, что не смог спасти людей от смерти» [7, с. 5]. Вариацией этой истории является следующее повествование: «В одной из африканских легенд рассказывается, что бог-создатель Нзамби отправил на землю хамелеона сообщить людям, что после смерти они вернутся в лучшую жизнь, нежели на земле. Но так как хамелеон очень медлительный, бог послал на землю еще и зайца. Заяц сразу помчался, не захотев дослушать все до конца, и повсюду начал распространять весть о том, что люди должны будут умереть навсегда. Хамелеон же шел очень долго, и к тому времени, когда он пришел, уже было поздно исправлять ошибку зайца» [29, с. 387]. Можно предположить, что такая смысловая нагруженность бега обусловлена древним способом добычи пищи населяющих территорию Кении и Эфиопии племен. Речь идет о способе пропитания, предполагающем длительное преследование группой охотников животного, которое вследствие долгого движения без отдыха (особенно в жаркую погоду) теряет силы, становясь добычей выносливых бегунов с более развитой системой терморегуляции [6, 19, 37]. В этой связи становится понятно, что от успехов в беговой охоте зависит выживание племени, а сам бег становится важнейшим неорудийным средством человеческой деятельности, обеспечивающим на заре истории нашего вида всестороннее развитие *homo*. Именно поэтому бег помещается в мифе на высший уровень мировоззренческих универсалий, наряду с вечностью, жизнью и смертью. К. Макдугл [20] рассматривает в свете этого способа охоты поведение двукратной олимпийской чемпионки из Эфиопии Дерарты Тулу во время Нью-Йоркско-

го марафона 2009 года, которая дважды в ходе забега оказывала помощь своей главной конкурентке – мировой рекордсменке в марафоне Поле Джейн Рэдклифф, изнемогающей от перенапряжения. В результате Рэдклифф сошла, а Тулу, потратившая драгоценные секунды на поддержку соперницы, все же нашла силы финишировать первой. Коллективная охота преследованием одновременно требует от всех членов бегущего племени длительной выносливости, эмпатии и конкурентоспособности – именно эти свойства и продемонстрировала Дерарта Тулу. Данный способ охоты практикуется в Кении и в XXI веке. Так, 15 ноября 2013 г. BBC разместила на своем сайте информацию о том, что «четыре сельских жителя на северо-востоке Кении преследовали и поймали двух гепардов, которые убивали хозяйских коз. <...> Мужчины дождались самой жаркой части дня, прежде чем начать погоню на расстояние четырех миль (6,4 км). Гепарды так устали, что больше не могли бежать. Жители деревни захватили их живыми и передали Службе охраны дикой природы Кении» [12].

Удачливые и отважные бегуны героизируются в восточноафриканской мифологии, бытующей в скотоводческих племенах. Особенно это присуще народности календжин, объединяющей несколько этнических групп (сабаот, туген, кипсигис, покот, кейо, нанди, мараквет) и имеющей численность около 6,3 млн человек (население Кении в 2020 г. – около 54 млн). Уникальность календжин в том, что выходцами из этого племени завоевано большинство олимпийских медалей Кении в беговых видах, также им принадлежит более 75% лучших результатов кенийцев в марафоне и полумарафоне. «Самый распространенный сюжет в легендах

племени календжин – героическое похищение скота. Старики любят рассказывать о том, как, едва став взрослыми, они первым делом отправлялись грабить соседние племена. Дело в том, что крупный рогатый скот здесь до сих пор остается мерилем жизненного успеха и зажиточности. Есть у тебя в хозяйстве живность – можешь смело выбирать невесту: за нее родители обязательно потребуют выкуп – от четырех до семи голов крупного рогатого скота» [21]. Угон скота, по сути, предполагал сверхмарафонский забег (нередки расстояния более 100 км) в основном в ночное время по пересеченной местности, при этом проигрыш так же хорошо бегущим преследователям грозил похитителям увечьем или смертью. Следовательно, способность к длительному бегу была важнейшим свойством воинов календжин, которых называли «мурен»: «Мурены, которые приводили с ночных набегов больше рогатого скота, считались самыми смелыми, сильными и могли выбрать себе столько жен, сколько могли купить за угнанный скот» [40]. Очевидно, что освященная традицией героизация война-бегуна, его привлекательность как брачного партнера, сопряженная с возможностью иметь много детей, стала частью вектора развития календжин в направлении «племени бегунов».

Компонентом мифологического сознания африканских народов является и практика обрезания. Известно, что во многих традиционных обществах мужское и женское обрезание является важнейшим элементом возрастной инициации, при которой юноши и девушки примерно 13-16 лет осуществляют символический переход во взрослую жизнь, символически же «умирая» как дети. Поскольку взрослая жизнь полна страданий и лишений, претенденты на

статус «взрослого» должны стойко, без видимого другим страха и никак не выдавая своих страданий, выдержать ряд мучительных испытаний, подразумевающих нанесение физических увечий (т.н. «ритуальные калечения»), следы от которых до конца жизни остаются на теле. Одним из элементов этой инициации у ряда племен Африки (в том числе календжин) выступает мужское и женское обрезание. В [25, с. 136] приводится один из многочисленных африканских мифов, объясняющих необходимость обрезания при инициации подростков, вступающих в брачный период: «Творец Амма создал мужчину и женщину одинаковыми, как двойников. Но затем они были разделены, чтобы дополнять друг друга, взаимодействовать и тем самым участвовать в динамике жизни. <...> У мужчины женская душа располагалась в крайней плоти, у женщины мужская душа находилась в клиторе. Чтобы человек не мог нести бремя сразу двух разнополюх существ, предок Номмо сделал мужчине обрезание, тем самым удалив женское начало, таившееся в крайней плоти. Мужское начало в женщине было удалено во время сокоупления с мужчиной, уже лишенным женских черт». Обладатель золотой медали Олимпийских игр 2016 г. в марафоне, а также олимпийских серебра и бронзы в беге на 5000 м на Олимпиадах 2004 и 2008 гг., впервые в истории преодолевший марафонскую дистанцию быстрее двух часов (2019 г.) Элиуд Кипчоге (родился в 1984 г.), вспоминал, что в ходе его инициации, которой он подвергся в 15 лет, юноши должны были обнаженными проползти через участок жгучей крапивы, затем вытерпеть весьма болезненные удары по лодыжкам, сжимания костяшек пальцев, втирание сока жгучей крапивы в гениталии, а в завершении выдержавших испытание

ожидало обрезание крайней плоти без всякой анестезии, что и означало завершение инициации. В течение всего этого мучительного процесса подросткам нельзя было не то чтобы застонать, но даже и поморщиться от боли. Именно волевая способность длительно выносить физические страдания у календжин считается признаком настоящего мужчины, равно как и настоящей женщины: мать Элиуда, в прошлом одна из самых быстрых бегуний племени, в свое время также прошла не менее болезненный обряд инициации, включающий в себя женское обрезание [34]. Как знать, не свое ли посвящение во взрослую жизнь вспоминал обладатель четырех олимпийских медалей, представитель этнической группы нанди, относящейся к календжин, Кипчоге Кейно (родился в 1940 г.), когда стартовал с сильными болями в желчном пузыре в забеге на 10 000 м на Олимпийских играх в Мехико 1968 г., в ходе забега упал от болевого шока в обморок, но все же сумел закончить гонку, а затем, несмотря на запрет врачей, принял участие в олимпийском состязании на 1500 м. и выиграл его.

Обращает на себя внимание и ряд элементов связанной с мифом обрядности. Так, некоторые африканские танцы предполагают максимально высокие прыжки с места, при этом «чем изящнее и выше прыжок, тем более привлекательным становится воин для наблюдающих женщин» [23, с. 164]. Учитывая, что беговая локомоция предполагает фазу полета и значительную нагрузку на ноги, участие в таких танцах, выражающих посредством ритмизированной пластики в том числе беговые способности пастухов и охотников, с одной стороны, демонстрирует важную для бега взрывную силу и выносливость, а с другой – является одной из

эффективных форм подготовительных (тренировочных) действий для беговых практик. Также отметим ритуализированный бег, применяемый, например, для избавления деревни от злых духов во время похоронного обряда: «Обежав девять раз деревню, мужчины приблизились к могиле и исполнили нечто вроде бега на месте, распевая при этом все громче и громче» [38, с. 34]. Завершая тему мифологической обусловленности беговой активности, отметим, что в преданиях африканских народов бег рассматривается как своего рода орудие судьбы, определяющее важнейшие аспекты бытия человека, как значимый элемент хозяйственной деятельности, средство демонстрации мужской привлекательности и элемент обрядности.

Религия

Огромное влияние на менталитет жителей Кении и Эфиопии оказывала и продолжает оказывать религия [1, 22, 30], являющаяся основным типом мировоззрения современных жителей Африки: «Религия важна для 95%, из них, для 80% очень важна <...>. Бог важен в жизни 95% <...> опрошенных» [30, с. 204]. По данным [1, с. 24], Кения и Эфиопия – преимущественно христианские страны: на 2010 год в Кении христианами являлись 84,8% населения, в Эфиопии – 63,4%. Важно отметить, что религиозность африканцев является синкретичной, поскольку объединяет элементы христианства и ислама с традиционными языческими верованиями, важнейшими из которых считаются культ предков, фетишизм и магизм (вера в колдовство). «Итак, африканца можно охарактеризовать как прочно верящего в основные положения религиозного вероучения, зачастую соединяющего с христианством или исламом элементы традиционных

верований, живущего напряженными эсхатологическими ожиданиями, осознающего себя членом определенной религиозной общности, регулярно и часто совершающего акты культового действия, главный мотив которых – религиозный, руководствующегося в социальной деятельности своим религиозным сознанием, стремящимся к теократическим формам реализации» [1, с. 28-29]. Выскажем ряд соображений о том, как религиозная деятельность и соответствующий ей тип мировоззрения связаны с развитием беговых достижений эфиопов и кенийцев.

Прежде всего следует отметить, что перевод бега в спортивную плоскость в Африке был впервые осуществлен христианскими миссионерами, участвовавшими в колонизации материка. Например, в Эфиопии в конце XIX века они организовали несколько школ для детей местной элиты. «Хотя эти школы имели скорее религиозный, чем светский характер, они использовали и спорт в качестве оружия религиозной пропаганды. В учебные планы западных и эфиопских образовательных заведений нового типа входили регулярные занятия физкультурой. Европейские путешественники вспоминали, что, въезжая во двор какой-либо из школ, попадали как будто на стадион» [36]. В Кении спортивные занятия в школах начинают практиковаться в 20-е годы прошлого столетия. Тем самым миссионеры старались канализировать физическую энергию аборигенов в приемлемое русло, поскольку религиозные чувства проповедников оскорбляли тесно связанные с языческими праздниками народные игры, «бесстыдные» танцы и традиционные «соревнования» африканской молодежи, к примеру предполагающие угон скота у другого племени, что однозначно трактовалось

христианскими миссионерами как нарушение заповеди «не укради».

Как христианскому, так и исламскому религиозному чувству присуще своеобразное «упорство в ожидании»: христиане должны, не слабая в вере, ждать второго пришествия, а мусульмане – восстановления (возрождения) халифата. По данным [1, с. 27], 61% христиан рассматриваемого региона верят в пришествие Христа еще при их жизни, а 52% мусульман – в то, что они застанут возрождение халифата. Такого рода ожидания предполагают надежду получить за терпение самую большую из всех наград – вечную жизнь среди праведных. Ожидание более всего чаемого для религиозного сознания не является пассивным, поскольку на награду могут рассчитывать только те, кто жил в соответствии с волей Бога и данными им правилами. Такая жизнь предполагает множество ограничений и вызванных ими неудобств (а в случае мучеников – сильных физических страданий и смерти), но только упорство в их претерпевании, сколь долго бы они не продолжались, позволяет надеяться на спасение: «Кэтрин Ндереба (*представительница Кении – С.К.*), четырехкратная победительница Бостонского марафона в начале 2000-х и глубоко верующая христианка, толковала свои занятия бегом как исполнение божественного промысла и обычно во время соревнований разговаривала с Творцом. Эта практика стала главной составляющей ее формулы успеха и так же отвечала особенностям ее личности <...>» [33, с. 285]. Невероятное умение терпеть боль до достижения цели всегда отличало выросших в религиозной среде (как христианской, так и исламской) бегунов Кении и Эфиопии: «...бегуны полагали, что их прогресс и их результаты зависят не только от них самих. Бу-

дучи глубоко верующими христианами, они считали, что, принимая страдания, они могут повлиять на божьи планы относительно их судьбы» [14]. Эта же причина актуальная и для приверженцев ислама: Мохаммед Аман, мусульманин из Эфиопии, чемпион мира в беге на 800 метров, после каждой победы не забывает делать *сажда* – земной поклон в знак благодарности Аллаху.

Следует отметить и то, что даже в своих поражениях некоторые африканские бегуны видят божий промысел: «Когда я спросил одного атлета, проигравшего забег, расстроен ли он, тот только пожал плечами: «Значит, Бог не хотел, чтобы я выиграл. Может быть, я бы купил машину на призовые деньги и разбился бы на ней. Бог знает, что лучше для меня» [14]. Справедливости ради отметим, что иногда религиозные воззрения и препятствуют тренировочному и соревновательному процессу: «Эфиопам не хватало традиций западного спорта, они мыслили иначе. Бегуны жили своими представлениями о мире и, если дела у них шли плохо, могли списать это на «злых духов» или какие-то другие невидимые силы. Они не видели смысла выкладываться изо всех сил, когда духи все равно были всеильны. Никсанен (*имеется в виду Онно Нисканен – шведский (финский) тренер беговой сборной Эфиопии в 50-60-е гг. прошлого века – С.К.*) пытался покончить с такими представлениями, из-за которых спортсмены, казалось, совершенно без причины сдавались или снижали скорость, хотя у них оставались силы» [9, с. 190]. В религиозном регистре в общественном сознании христиан Африки осмысляется и судьба родоначальника беговых побед, принесшего всемирную славу эфиопскому спорту, первого в истории двукратного победителя олимпийских марафонов с высши-

ми мировыми достижениями Абебе Бикилы (1932-1973). Его избраннический, едва ли не полубожественный статус определяется такими смысловыми координатами, как рождение в бедной семье и тяжелый физический труд с детства; босоногий старт на олимпийском марафоне в Риме, вызвавший снисходительную усмешку, а то и презрение у богато экипированных западных бегунов и исполненной расовыми стереотипами благополучной публики; яркая олимпийская победа с мировым рекордом, а затем через четыре года еще одна такая же в Токио; приговор к смертной казни за якобы участие в путче и счастливое избавление от смерти благодаря народному заступничеству; частичная парализация и мучительные страдания вследствие автомобильной аварии, но при этом – покорное принятие своей участи как смирение перед божьим промыслом: «Божьей волей я выиграл две Олимпиады. Я принял эти победы как дар свыше, и я принял свою аварию и нынешнее состояние как божью волю» [39]; ранняя смерть в 41 год от кровоизлияния в мозг; огромное вдохновляющее влияние на все последующие поколения африканских бегунов. Примечательно, что если эфиопские бегуны со значительным отрывом выигрывают марафон в Риме, они очень быстро перед финишной лентой снимают обувь, чтобы закончить бег босоногими, отдавая тем самым дань памяти своему великому соотечественнику. Заслуживает внимания и поступок двукратного олимпийского чемпиона в беге на 10 000 м. (1996, 2000 гг.) эфиопа Хайле Гебреселассие, который передал свои золотые олимпийские медали в дар православному храму Святой Марии Сионской в Аксуме. Таким образом, религиозные установки сознания многих африканских бегунов позволяют

лучше понять некоторые особенности их мотивации и поведения, поскольку «в сознании африканцев религия стоит выше науки, а вера имеет превосходство над разумом» [15, с. 12].

Философия

Обращение к африканской философии также дает возможность осветить ряд аспектов социокультурной обусловленности спортивных беговых практик кенийцев и эфиопов. Африканская философия долгое время отставала право не то чтобы на признание своего оригинального вклада в сокровищницу человеческого духа, а просто на существование. Усилиями П. Темпельса, А. Кагаме, Л.С. Сенгора, У. Дюбуа, Ф. Фанона, К. Нкрумы, Д. Ньерере и многих других выдающихся африканских и неафриканских интеллектуалов понятие «африканская философия» ныне получило такое же признание, как «восточная», «западная», «русская» и прочие философские традиции. Своеобразие африканской философии заключается в том, что она порождена не профессиональными мыслителями, а коллективным субъектом – народом, в силу чего долго существовала в бесписьменной форме, будучи представленной в обрядах, мифах, пословицах, поговорках, загадках и песнях. Центральным (первоначально южно-, а теперь уже и панафриканским) понятием этой житейской мудрости является *убунту*, обозначающее как идеологию, так и образ жизни, основанный на гармоничном сочетании индивидуума и коллектива (напоминает славянофильское понятие *соборности*): достойным, настоящим человеком можно стать, только достигнув гармонии с обществом, природой и миром духовных сущностей. При этом твои достижения становятся общими, равно как и дости-

жения другого возвеличивают тебя. «Во всех африканских языках существует поговорка, на языке зулу звучащая как: *umuntu ngumuntu ngabantu* (человек становится человеком через людей)» [22, с. 71]. Мировоззренческий статус понятие *убунту* получило в 50-80 гг. прошлого века в трудах Джордана Куша Нгубане и Стэнлейка Дж. В.Т. Самканге, осмысляясь ими как выражение имеющего свои особенности «африканского гуманизма». Примером *убунту* в беговых практиках являются коллективные тренировки кенийских и эфиопских бегунов в наиболее популярных тренировочных центрах этих стран – Итене (Кения) и Бекоджи (Эфиопия). Сильные стороны такого способа тренировок их участники, очевидцы и исследователи формулируют следующим образом: «Преимущество подхода очевидно: более сильные тянут за собой тех, кто слабее» [5]; «В беговых группах кенийцев высоко развита взаимоподдержка: вместо соперничества и конкуренции здесь предпочитают мотивацию и моральное единство» [13]; «Бегать в одиночку было почти также неприемлемо в обществе, как есть в одиночку»; «Для успешной тренировки каждый атлет должен выполнить свою часть работы и в равной степени привнести энергию и самоотдачу в группу» [14]. Совместные тренировки очень важны в беге на выносливость, так как порождают известный в психологии *групповой эффект*: «Когда люди что-то делают вместе, у них в мозге вырабатывается большее количество поднимающих настроение и подавляющих ощущение дискомфорта эндорфинов, чем когда человек делает это один» [33, с. 222]. Синхронизация действий многочисленных и очень мотивированных бегунов улучшает результаты каждого из них и в то же время снижает болевой порог в ситуации

крайней усталости. Это преимущество африканских бегунов обеспечивается их традиционной культурой и лежащим в ее основе коллективизмом, этическая составляющая которого и определяется как *убунту*. Еще одним проявлением *убунту* выступает благотворительная деятельность успешных африканских бегунов, которые, добившись материального благополучия, считают своим долгом помогать соплеменникам, поскольку «любой выбившийся в люди кениец связан обязательствами перед своими родом или племенем, что делает мучительно трудным формирование в обществе индивидуализма, рационализма, капиталистической трудовой этики» [10]. Например, двукратный олимпийский чемпион в стайерском беге (1968 и 1972 гг.) кениец Кипчоге Кейно в 1972 г. усыновил пятерых сирот, которые скитались по Кении и порой ели червей и насекомых вместе с землей. В 2000 году в открытом им детском доме насчитывалось уже 82 воспитанника, помимо этого Кейно активно участвует в работе благотворительных и детских фондов, привлекая средства со всего мира для помощи обездоленным соотечественникам.

Беговые достижения кенийцев и эфиопов можно рассматривать и сквозь призму *негритюда (африканского духа)* – преимущественно философской доктрины, разработанной африканскими интеллектуалами Л.С. Сенгором, Э. Сезером, Л.Г. Дамасом и др. в 30-е гг. прошлого века и утверждающей самобытную ценность черной расы, что противостояло европоцентризму и попыткам насильственной культурной ассимиляции африканцев, предпринимаемым колониальными властями. Негритюд стимулировал движение философской рефлексии в направлении осмысления своеобразия африканской культуры во всех ее проявлениях, при

этом особенное внимание уделялось поиску «африканского начала» истории человечества, влиянии африканской культуры (прежде всего египетской и нубийской) на греко-римскую античность и культуру древней Америки и пр. Анализ позитивных и негативных свойств негритюда и появившегося на его основе афроцентризма не входит в задачи данного исследования. Нам важно отметить, что мощная волна возрождения африканского самосознания, утверждения своего достоинства и права на самостоятельный выбор пути в истории, породившая национально-освободительные движения и приведшая к деколонизации материка, нашла свое выражение и в спортивных беговых практиках африканцев.

Как известно, вторая итало-абессинская война (1935-1936) привела к аннексии Эфиопии и провозглашению на ее территории (включая Эритрею и Итальянское Сомали) колонии Итальянская Восточная Африка. В ходе ожесточенных боевых столкновений и при поддержке эфиопов британскими войсками, в 1943 г. итальянские вооруженные силы капитулировали, а окончательно получить независимость от Италии Эфиопии удалось лишь в 1947 году. Когда босоногий эфиопский марафонец Абебе Бикила на Олимпийских играх 1960 г. бежал по еще не остывшему от зноя асфальту Рима, он понимал, что его успех будет иметь не только спортивное, но и ярко выраженное политическое значение. В этой связи важную роль играет тот факт, что отрыв от лидирующей группы Бикила сделал напротив одного из символов Эфиопии – Аксумского обелиска, который итальянцы во время оккупации вывезли из Эфиопии и установили перед зданием Министерства колоний в Риме. Несмотря на решение ООН 1947

года, они не возвращали памятник эфиопам вплоть до 2005 г. Победа Бикилы на территории бывшей метрополии, окрыленного осознанием своей символической миссии представительства всего поработанного народа Африки, имела огромное значение для осознания африканцами своего спортивного потенциала, поднимающего престиж континента и вызывающего восхищение физической мощью и силой духа населяющих его народов. Также отметим, что этот триумф развенчал расистский «...миф о том, что чернокожие не могут бегать на большие расстояния. У них не было ни развитой мускулатуры, ни силы воли, ни способности рассчитывать силы при длительном беге» [9, с. 195]. Достижения Бикилы всколыхнули континент и вдохновили тысячи африканцев на профессиональное занятие спортом. И неслучайно именно бег на выносливость сегодня стал еще одним проявлением «афроцентризма», обеспечивающим внимание и интерес мирового сообщества к социокультурной самобытности Африки.

В философском наследии африканских народов для объяснения успехов в беге на выносливость важными оказались идеи Л.С. Сенгора, объясняющего через призму чувственного опыта своеобразии мироощущения африканца: «Я чувствую, следовательно, существую», что, конечно же, вступает в диалогические отношения с рационализмом Декарта. Сенгор делает акцент на присущее африканцам самовыражение через телесные практики, будь то охота, танец или бег. Эта телесность онтологизирует *собственно африканское* начало культуры, является основой понимания соматической сферы выражения духа местного населения.

Еще одним понятием современной социальной философии, значимым для

темы исследования, является *афрополитизм*, под которым понимается «... история успеха, креативная история, альтернатива «афропессимизму», стереотипному взгляду на Африку как мировую периферию, зону конфликтов и нестабильности, средоточие бедности и отсталости, попытка ввести Африку в глобальный контекст» [8, с. 26]. Введение в содержание данного понятия африканских спортсменов, выступающих за другие государства, получивших образование в лучших университетах Европы, Америки и Азии, говорящих на нескольких языках и воспринимающих себя победителями, посланцами *успешной Африки*, значительно обогащает его содержание. Огромная конкуренция в национальных командах заставляет бегунов из Кении и Эфиопии искать счастья под чужими флагами. Попав в поле зрения иностранных селекционеров, талантливые атлеты из африканских стран привлекаются в зарубежные университеты стипендиальными программами для спортсменов. При этом одним из условий сохранения стипендий является довольно высокий средний балл, что заставляет выходцев из Африки не только много тренироваться, но и хорошо учиться. «Сегодня кенийцев с паспортами других стран можно встретить и в Америке, и в Азии, и в Европе. Костяк сборной Катара, например, составляют именно кенийские бегуны. Член Международного совета экспертов IAAF профессор Хельмут Дигель как-то заметил, что примерно пять тысяч кенийцев ездят сегодня по миру, выигрывая одни коммерческие старты за другими» [21]. Начало «беговой миграции» положил кенийский бегун на 800 м. Уилсон Кипкетер, который в начале 90-х отправился в Данию по студенческому обмену и принял решение в дальней-

шем выступать именно за эту страну. Не остается в стороне от глобального тренда и Россия: «Наставник легкоатлетической сборной России Валентин Маслаков заявил журналистам, что в скором времени в нашей команде могут появиться натурализованные бегуны из ведущих стран Африки – Кении и Эфиопии. Предположительно, африканцы будут учиться в российских вузах» [4]. При этом не всегда речь идет о натурализации готовых звезд легкой атлетики, так как в университеты поступают преимущественно 17-18 летние девушки и юноши, из которых принимающей стране еще предстоит вырастить выдающихся бегунов. Многие спортсмены, натурализовавшись, остаются в стране обучения, становясь ее успешными гражданами и помогая другим африканцам адаптироваться в новом для них социуме. Тем самым бывшие спортсмены-бегуны из Кении и Эфиопии наглядно демонстрируют пример *успешной Африки*, а их внешний космополитизм не мешает проявлению чувства родства с африканской родиной и солидарности с ее населением.

Выводы

1. Социокультурные факторы играют большую роль в победах бегунов-стайеров из Кении и Эфиопии. К экономическим компонентам этих факторов следует отнести функцию бега как социального лифта, отдаленность школ, помощь родителям в скотоводстве, государственную поддержку талантливых бегунов и пр. При этом решающую роль играет массовость высокомотивированных бегунов, с детства закладывающих базу для соревновательной деятельности.

2. «Метафизические» токи (особенно связанные с культом предков, общины и различных духовных существ)

пронизывают всю ткань восточноафриканской культуры, в которой происходит социализация личности. Такого типа резоны занятия беговой деятельностью можно обнаружить, обратившись к мифам, религии и философии, бытующим на территории современных Кении и Эфиопии.

3. Мифология позволяет выявить следующие смысловые особенности беговых практик восточноафриканцев: способ определения судьбы человечества, критерий брачного потенциала, связанность длительного бега на выносливость с практикой обрезания, требующей терпеливо переносить страдания во избежание отрицательной стигматизации, а также с мифологически нагруженной обрядностью, проявляющейся в специфических танцевальных движениях и ритуализированном беге, применяемым, например, для избавления деревни от злых духов во время похоронного обряда.

4. Обращение к религии позволяет зафиксировать двоеверие бегунов Кении и Эфиопии, сочетающих в своем мировоззрении компоненты мировых религий (христианство и ислам) с традиционными верованиями в колдовство и духов предков. Именно европейские миссионеры перевели беговые занятия кенийцев и эфиопов в спортивную плоскость, а культ мученичества и страданий как исполнения божественной воли в христианстве оказал значительное влияние на беговую мотивацию стайеров.

5. В философском наследии африканских народов для объяснения успехов в беге на выносливость важными оказались идеи Л.С. Сенгора, объясняющего через призму чувственного опыта и телесного самовыражения своеобразие мироощущения африканца; также значимыми стали идеи *убунту*,

детерминирующие коллективный характер тренировок и взаимопомощь, *негритюда* и расширительно понимаемого *афрополитизма*, которые позволяют понять мотивацию африканских бегунов, нацеленных своими победами на демонстрацию успешной Африки, выходцы из которой побеждают в спорте бывших колонизаторов на их территориях, широко распространяясь по миру и входя в национальные команды разных стран. При этом африканцы не становятся «чистыми» космополитами, сохраняя верность своей родине (прежде всего в плане менталитета и традиций) и помогая другим африканцам-эмигрантам адаптироваться к новому для них социуму.

References

- [1] Andreeva L.A. Afro-Christian and Afro-Islamic civilizational identities in Tropical Africa // Social Research. 2016. № 2. P. 19-31.
- [2] Bale J., Sang J. Kenyan running: movement culture, geography and global change. London; Portland, OR: F. Cass, 1996. 209 p. // URL: https://books.google.nl/books?hl=ru&lr=&id=CaLcAAAAQ-BAJ&oi=fnd&pg=PR9&ots=VoHsQTP-PJB&sig=VMi_skWkuesHTCc_VpdLeCsLxeM&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (05.14.2021).
- [3] Bale J. Running cultures: racing in time and space. London: Frank Cass publishers, 2004. 232 p. // URL: <https://www.routledge.com/Running-Cultures-Racing-in-Time-and-Space/Bale/p/book/9780714684246> (05.12.2021).
- [4] Runners from Kenya and Ethiopia will be able to compete for Russia. // URL: <https://www.vesti.ru/article/1991049> (05.19.2021).
- [5] Botvinina M. World phenomenon: why Kenyans are the fastest runners. // URL: <https://runreview.org/mirovoj-phenomen-pochemu-kenijtsy-samye-bystrye-beguny/#section1> (05.07.2021).
- [6] Bramble D., Lieberman D. Endurance running and the evolution of Homo // Nature. 2004. Nov. 18;432(7015). R. 345-352. // URL: https://barefootrunning.fas.harvard.edu/Nature2004_EnduranceRunningandtheEvolutionofHomo.pdf. DOI:10.1038/nature03052 (05.10.2021).
- [7] Werner E. Myths of the peoples of Africa / Alice Werner. M., 2007. 125 p.
- [8] Gavristova T.M. The female face of Afropolitism (biography of a generation) / T.M. Gavristova,

- N.E. Khokholkova // Bulletin of the Yaroslavl State University. P.G. Demidov. Series Humanities. 2018. № 1 (43). P. 22-27.
- [9] Gutos T. History of running / Tur Gutos. M., 2011. 251 p.
- [10] Zelev M. Kenya: running on the spot. // URL: <https://www.ym-penza.ru/analitika/novejshaya-istoriya/item/3826-keniya-beg-na-meste> (05.02.2021).
- [11] Kamenju Ja. W. Development of physical education and sports in Kenya in the 21st century: an early appraisal / Ja.W. Kamenju, E.G. Rintaugu, F.M. Mwangi // Russian Journal of Physical Education and Sport. 2016. Vol. 11. № 4. P. 176-184. DOI 10.14526/01_1111_165 (05.04.2021).
- [12] Kenyans chase down and catch goat-killing cheetahs. // URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-24953910> (06.01.2021).
- [13] Kiselev S. How Kenyan runners train. URL: https://www.skyrace.club/texts/Pravila_bega_keniiskih_begunov (05.24.2021).
- [14] Kozar L. What is the secret of success of Ethiopian runners? // URL: <https://nogibogi.com/sekret-uspeha-efiopskih-begunov/> (05.23.2021).
- [15] Kolesnikov A.S. African Philosophy in Search of Identity // Hora. 2008. № 2. P. 4-29.
- [16] Lapin N.I. Sociocultural approach and societal-functional structures / N.I. Lapin // Sociological research. 2000. № 7. P. 3-12.
- [17] Lapshin D. Is it true that Kenyans are the best in running because of genetics? Scientists, economics and biographies of champions answer. // URL: <https://gol.ru/materials/887-pravda-cto-kenijcy-lucsie-v-bege-iz-za-genetiki-otvecaut-ucenye-ekonomika-i-biografii-cempionov> (11.05.2021).
- [18] Levitin V. Amazing genetics / Vadim Levitin. M., 2013. 254 p.
- [19] McDougal K. Born to Run / Christopher McDougal; per. from English. Antonina Isaeva. M., 2013. 343 p.
- [20] McDougal K. Are we born to run? URL: <https://zozhnik.ru/my-rozhdeny-chtoby-begat/> (05.12.2021).
- [21] Maslyuk S. If you want to live, run. Why Kenyans run faster than their rivals / Sergey Maslyuk // Russian reporter. 2010. № 23 (151). // URL: https://expert.ru/russian_reporter/2010/23/keniya/ (06.07.2021).
- [22] Moseiko A.N. The meeting of African traditional ethics with Western Christianity and the formation of a borderline ethical-religious identity (in the light of the theory of cultural codes) / A.N. Moseiko E.V. Kharitonova // International Journal of Cultural Studies. 2019. № 2 (35). P. 64-81. DOI 10.24411/2079-1100-2019-00019.
- [23] Ovchinnikov Yu.D. Biomechanics of movement as a natural cycle of human life (on the example of Masai dances) // Science of Man: Humanities Research. 2018. № 4 (34). P. 162-166. DOI 10.17238/issn1998-5320.2018.34.162.
- [24] Onywera V.O. et al. Demographic characteristics of elite Kenyan endurance runners // Journal of sports sciences. 2006. Vol. 24. № 4. P. 415-422. // URL: http://www.ku.ac.ke/images/stories/docs/publications/enviromental_human/Demographic-characteristics.pdf. DOI: 10.1080 / 02640410500189033 (05.17.2021).
- [25] Orekhov R.A. Circumcision in Ancient Egypt - the interpretation of the ritual from the standpoint of the Middle Eastern and African traditions / R. A. Orekhov // Problems of history, philology, culture. 2014. № 2 (44). P. 124-141.
- [26] Pitsiladis Y., Onywera V., Geogiades E., O'Connell W., & Boit M. The dominance of Kenyans in distance running // Equine and Comparative Exercise Physiology. 2004. № 1(4). R. 285-291. // URL: https://pdfs.semanticscholar.org/9b58/9a401e65cb8bbd1f3cacb633eac2d9fad7cc.pdf?_ga=2.111230212.1479107638.1614829888-1953659967.1614829888. DOI:10.1079/ECP200433 (05.14.2021).
- [27] Sulmicka M. Poverty question in Sub-Saharan Africa // Polish Quart of intern. Affairs. Warsaw, 2002. Vol. 11. № 4. P. 92-110. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-03-031-sulmitska-m-problema-bednosti-v-afrike-yuzhneeh-sahary-sulmicka-m-poverty-question-in-sub-saharan-africa-polish-quart-of-intern/viewer> (05.15.2021).
- [28] Tangara E.B., Kholodov O.M. What is the success of Kenyan and Ethiopian runners // Modern vectors of applied research in the field of physical culture and sports: a collection of scientific articles. Voronezh, 2020. P. 649-653.
- [29] Tatarovskaya I.G. The world of animals in the mythological consciousness of the peoples of Tropical and South Africa // Bulletin of MSTU. Proceedings of the Murmansk State Technical University. 2013. Vol. 16. № 2. P. 383-388.
- [30] Tishchenko S.M. Religious faith is the main value-motivational aspect of life in sub-Saharan Africa // System of values of modern society. 2010. № 10-2. P. 203-208.
- [31] Tucker R., Onywera V.O., Santos-Concejero J. Analysis of the Kenyan distance-running phenomenon // International journal of sports physiology and performance. 2015. Vol. 10. № 3. P. 285-291. // URL: https://www.researchgate.net/publication/264745551_Analysis_of_the_Kenyan_Distance-Running_Phenomenon. DOI: 10.1123 / ijssp.2014-0247 (05.19.2021).
- [32] Finn, A. Running with the Kenyans: Discovering the Secrets of the Fastest People on Earth. London, 2013. 320 p.
- [33] Fitzgerald, M. How badly do you want it? Psychology of the superiority of the mind over the body / M. Fitzgerald. M., 2018. 304 p.
- [34] Warner G. How One Kenyan Tribe Produces The World's Best Runners. // URL: <https://www.npr.org/sections/parallels/2013/11/01/241895965/how-one-kenyan-tribe-produces-the-worlds-best-runners> (05.03.2021).

- [35] Wilber R.L., Pitsiladis Y.P. Kenyan and Ethiopian distance runners: what makes them so good? // International journal of sports physiology and performance. 2012. Volume 7. Issue 2. P. 92-102. // URL: file://C:/Users/User/Downloads/WilberandPitsiladis2012.pdf. // DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsp.7.2.92> (05.12.2021).
- [36] At the origins of Ethiopian sports. // URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/vokrugcporta/436450.html> (05.14.2021).
- [37] Heinrich B. Why do we run, or How to catch up with our antelope. A new look at human evolution / Bernd Heinrich. M., 2001. 151 p.
- [38] Shenkao M.A. Dance inside death or death inside dance: the choice of Africans / M. A. Shenkao // Science Art Culture. 2015. № 1 (5). P. 33-41.
- [39] Shitikhin A. Sentenced. How a barefoot marathon runner amazed the world at the Olympics. // URL: https://www.championat.com/other/article-3840193-neizvestnye-fakty-o-legendarnom-marafonce-bikile-pobezhdavshem-bosikom.html?utm_source=copypaste (05.04.2021).
- [40] Epstein D. Sports gene // David Epstein. M., 2017. 350 p.
- [8] Гавристова Т.М. Женское лицо афрополитизма (биография поколения) / Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 1 (43). С. 22-27.
- [9] Гутос Т. История бег / Тур Гутос. М., 2011. 251 с.
- [10] Зелёв М. Кения: бег на месте. // URL: <https://www.ym-penza.ru/analitika/novejshaya-istoriya/item/3826-keniya-beg-na-meste> (дата обращения: 02.05.2021).
- [11] Kamenju Ja. W. Development of physical education and sports in Kenya in the 21st century: an early appraisal / Ja.W. Kamenju, E.G. Rintaugu, F.M. Mwangi // Russian Journal of Physical Education and Sport. 2016. Vol. 11. № 4. P. 176-184. DOI 10.14526/01_1111_165 (дата обращения: 04.05.2021).
- [12] Kenyans chase down and catch goat-killing cheetahs. // URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-24953910> (дата обращения: 01.06.2021).
- [13] Киселев С. Как тренируются кенийские бегуны. URL: https://www.skyrace.club/texts/Pravila_bega_keniiskih_begunov (дата обращения: 24.05.2021).
- [14] Козарь Л.В. Чем секрет успеха эфиопских бегунов? // URL: <https://nogibogi.com/sekret-uspeha-efiopskih-begunov/> (дата обращения: 23.05.2021).
- [15] Колесников А.С. Африканская философия в поисках идентичности // Хора. 2008. № 2. С. 4-29.
- [16] Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н.И. Лапин // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3-12.
- [17] Лапшин Д. Правда, что кенийцы лучшие в беге из-за генетики? Отвечают ученые, экономика и биографии чемпионов. // URL: <https://gol.ru/materials/887-pravda-cto-kenijscy-lucsie-v-begede-iz-za-genetiki-otvcaut-ucenye-ekonomika-i-biografii-cepmpionov> (дата обращения: 11.05.2021).
- [18] Левитин В. Удивительная генетика / Вадим Левитин. М., 2013. 254 с.
- [19] Макдугл К. Рожденный бежать / Кристофер Макдугл; пер. с англ. Антонины Исаевой. М., 2013. 343 с.
- [20] Макдугл К. Мы рождены, чтобы бегать? URL: <https://zozhnik.ru/my-rozhdeny-ctoby-begat/> (дата обращения: 12.05.2021).
- [21] Маслюк С. Хочешь жить - беги. Почему кенийцы бегают быстрее своих соперников / Сергей Маслюк // Русский репортер. 2010. № 23 (151). // URL: https://expert.ru/russian_reporter/2010/23/keniya/ (дата обращения: 07.06.2021).
- [22] Мосейко А.Н. Встреча африканской тради-

Список литературы:

- [1] Андреева Л.А. Афрохристианская и афроисламская цивилизационные идентичности в Тропической Африке // Социальные исследования. 2016. № 2. С. 19-31.
- [2] Bale J., Sang J. Kenyan running: movement culture, geography and global change. London; Portland, OR: F. Cass, 1996. 209 p. // URL: https://books.google.nl/books?hl=ru&lr=&id=CaLcAAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR9&ots=VoHsQTPPJb&sig=VMi_skWkuesHTCc_VpdLeCsLxeM&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 14.05.2021).
- [3] Bale J. Running cultures: racing in time and space. London: Frank Cass publishers, 2004. 232 p. // URL: <https://www.routledge.com/Running-Cultures-Racing-in-Time-and-Space/Bale/p/book/9780714684246> (дата обращения: 12.05.2021).
- [4] Бегуны из Кении и Эфиопии смогут выступать за Россию. // URL: <https://www.vesti.ru/article/1991049> (дата обращения: 19.05.2021).
- [5] Ботвинина М. Мировой феномен: почему кенийцы самые быстрые бегуны. // URL: <https://runreview.org/mirovoj-fenomen-pochemu-kenijtsy-samye-bystrye-beguny/#section1> (дата обращения: 07.05.2021).
- [6] Bramble D., Lieberman D. Endurance running and the evolution of Homo // Nature. 2004. Nov 18;432(7015). P. 345-352. // URL: https://barefootrunning.fas.harvard.edu/Nature2004_EnduranceRunningandtheEvolutionofHomo.pdf. DOI:10.1038/nature03052 (дата обращения: 10.05.2021).
- [7] Вернер Э. Мифы народов Африки / Элис Вер-

- ционной этики с западным христианством и формирование пограничной этико-религиозной идентичности (в свете теории культурных кодов) / А.Н. Мосейко Е.В. Харитоновна // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 2 (35). С. 64-81. DOI 10.24411/2079-1100-2019-00019.
- [23] Овчинников Ю.Д. Биомеханика движения как естественно-природный цикл жизнедеятельности человека (на примере танцев масаи) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 4 (34). С. 162-166. DOI 10.17238/issn1998-5320.2018.34.162.
- [24] Onywera V.O. et al. Demographic characteristics of elite Kenyan endurance runners // Journal of sports sciences. 2006. Т. 24. № 4. P. 415-422. // URL: http://www.ku.ac.ke/images/stories/docs/publications/enviromental_human/Demographic-characteristics.pdf. DOI: 10.1080/02640410500189033 (дата обращения: 17.05.2021).
- [25] Орехов Р.А. Обрезание в Древнем Египте - интерпретация ритуала с позиций ближневосточной и африканской традиций / Р. А. Орехов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 2(44). С. 124-141.
- [26] Pitsiladis Y., Onywera V., Geogiades E., O'Connell W., & Boit M. The dominance of Kenyans in distance running // Equine and Comparative Exercise Physiology. 2004. №1(4). P. 285-291. // URL: https://pdfs.semanticscholar.org/9b58/9a401e65cb8bbd1f3cacb633eac2d9fad7cc.pdf?_ga=2.111230212.1479107638.1614829888-1953659967.1614829888. DOI:10.1079/ECP200433 (дата обращения: 14.05.2021).
- [27] Sulmicka M. Poverty question in Sub-Saharan Africa // Polish Quart of intern. Affairs. Warsaw, 2002. Vol. 11. № 4. P. 92-110. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-03-031-sulmitska-m-problema-bednosti-v-afrike-yuzhnee-sahary-sulmicka-m-poverty-question-in-sub-saharan-africa-polish-quart-of-intern/viewer> (дата обращения: 15.05.2021).
- [28] Тангара Э.Б., Холодов О.М. В чём успех кенийских и эфиопских бегунов // Современные векторы прикладных исследований в сфере физической культуры и спорта: сборник научных статей. Воронеж, 2020. С. 649-653.
- [29] Татаровская И.Г. Мир животных в мифологическом сознании народов Тропической и Южной Африки // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2013. Т. 16. № 2. С. 383-388.
- [30] Тищенко С.М. Религиозная вера основной ценностно-мотивационный аспект жизнеустройства в Африке южнее Сахары // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-2. С. 203-208.
- [31] Tucker R., Onywera V.O., Santos-Concejero J. Analysis of the Kenyan distance-running phenomenon // International journal of sports physiology and performance. 2015. Т. 10. №. 3. P. 285-291. // URL: https://www.researchgate.net/publication/264745551_Analysis_of_the_Kenyan_Distance-Running_Phenomenon. DOI: 10.1123 / ijspp.2014-0247 (дата обращения: 19.05.2021).
- [32] Finn, A. Running with the Kenyans: Discovering the Secrets of the Fastest People on Earth. London, 2013. 320 p.
- [33] Фицджеральд, М. Как сильно ты этого хочешь? Психология превосходства разума над телом / М. Фицджеральд. М., 2018. 304 с.
- [34] Warner G. How One Kenyan Tribe Produces The World's Best Runners. // URL: <https://www.npr.org/sections/parallels/2013/11/01/241895965/how-one-kenyan-tribe-produces-the-worlds-best-runners> (дата обращения: 03.05.2021).
- [35] Wilber R.L., Pitsiladis Y. P. Kenyan and Ethiopian distance runners: what makes them so good? // International journal of sports physiology and performance. 2012. Volume 7. Issue 2. P. 92-102. // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/WilberandPitsiladis2012.pdf>. // DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsspp.7.2.92> (дата обращения: 12.05.2021).
- [36] У истоков эфиопского спорта. // URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/vokrugsporta/436450.html> (дата обращения: 14.05.2021).
- [37] Хайнрих Б. Зачем мы бежим, или Как догнать свою антилопу. Новый взгляд на эволюцию человека / Бернд Хайнрих. М., 2001. 151 с.
- [38] Шенкао М. А. Танец внутри смерти или смерть внутри танца: выбор африканцев / М. А. Шенкао // Наука Искусство Культура. 2015. № 1 (5). С. 33-41.
- [39] Шитихин А. Приговорённый. Как босоногий марафонец поразил мир на Олимпиаде. // URL: https://www.championat.com/other/article-3840193-neizvestnye-fakty-o-legendarnom-marafonce-bikile-pobezhdavshem-bosikom.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 04.05.2021).
- [40] Эпштейн Д. Спортивный ген // Дэвид Эпштейн. М., 2017. 350 с.

Abstracts

Shindel S.V.

Semukhina E.A.

Semyonova T.V.

The image of St. Anthony abbey in H. Böll's novel "billiards at half-past nine"

The article is devoted to the regarding of the function of the image of St. Anthony Abbey in the work of Heinrich Böll "Billiards at half- past nine". The novel was the culmination of ethical and aesthetic views, a kind of "quintessence" of the moral imperative of the German writer. Heinrich Böll is closely connected with the history of Germany; also in the novel the life of Dynasty of architects the Faehmel family. In the novel the abbey symbolizes the old Germany, the place that gave rise to two wars and fascism, lead to irreparable losses for the Faehmels in particular, and for the people of Germany in general.

Key words: Heinrich Böll, the novel "Billiards at Half-Past Nine", image, St. Anthony Abbey, Germany, the XX-th century, fascism, war.

Pilyak S.A.

State-confessional relations in the preservation of the temple heritage

One of the important tasks of public administration, including state-confessional relations, is the preservation of cultural heritage sites. Material evidence of past eras - buildings, structures, archaeological sites, complexes and ensembles, places of interest, become universally recognized values when their material value begins to give way to spiritual significance. Often, due to the long, sometimes centuries-old life span of cultural heritage objects, their functional content repeatedly changes throughout their existence, which, in turn, can significantly complicate the preservation of this heritage for subsequent generations. The issue of preservation of monuments of wooden temple architecture, or wooden architecture, is particularly acute at the moment. The analysis of this area in order to form practically valuable proposals is the purpose of the study, the preliminary results of which are presented in the article.

Key words: state-confessional relations, wooden architecture, heritage, temple heritage, actualization of heritage.

Shastina A.E.

Global social space from the perspective of the problems of poly-confessional and post-secularity

The article analyzes the heuristic possibilities of such a sectoral sociology as the sociology of religion, to present a fairly reliable picture of the formation of a global social space. In it, active actors are not only individuals, but also numerous social associations, as well as governmental and non-governmental organizations. The combination of the subject fields of the sociology of religion and the sociology of international relations makes it possible to use the language of religion, which is becoming richer thanks to the spread of polyconfessionalism and post-secularism, to explain a number of complex processes observed in international life.

Key words: globalization, sociology of religion, social space, language of religion, polyconfessionalism, post-secularism.

Gavrilov D.M.

Contemporary artistic self-organizations in the regions of Russia

The article deals with the phenomenon of horizontal artistic self-organizations in the context of Russian regions. Based on such research projects as "Open Systems" and "Anatomy of the Artistic Environment", the author analyzes the experience of several cities and regions of the country, tracing both the features and patterns of development of independent exhibition spaces, festivals and art initiatives.

Key words: self-organizations, contemporary art, exhibitions, Russian regions.

Danakin N.S.

Safonov K.B.

Litvinova G.A.

Humanity and functionality in development organizations: the possibility of consensus

The evolution of ideas about the humanization of relations "man - organization" can be represented

in the form of typical approaches, replacing each other over time. However, these changes are not discrete, which implies the possibility of coexistence of approaches. In depending on the ways of satisfying needs, taking into account abilities and creating conditions for the assertion of subjectivity of a person stand out functional, humanistic and integral approaches that allow maintain a balance of interests to varying degrees and take into account the peculiarities of both organizational structures and their employees.

Key words: humanity, functionality, organization, consensus, integrity, transformation, organization, model.

Petrova S.I.

Petrova I.F.

The problem of social variability

The article is devoted to the problem of social change. A person encounters them both during his biological growth, and in an effort to rationalize his life difficulties or organize a social career. And although each of these moments is different from the others, they are united by a quantitative and qualitative paradigm: “occurrence, increase, decrease, repetition, development.” The article is devoted to the analysis of various concepts of the transformation of society, in which “social changes” are defined primarily as changes occurring in social systems, a certain continuum of time and space. These changes manifest themselves in the following forms: formation, emergence, growth, decline, disappearance, transitional periods, transformation, etc. The direction of changes in social systems is interpreted in different ways: cyclical, linear, etc. If we talk about the existing tradition of typology of social changes in science, the following types are usually distinguished: revolutions, reforms, modernization, transformation, movements and some others.

Key words: society, social changes, transformation, society, social system, variability.

Andrievskaya Zh.V.

National consciousness in the context of modern global challenges

The phenomenon of national consciousness is currently becoming a frequent topic in the domestic public discourse. Such public attention is not accidental and is caused by the search for meanings in the conditions of the increasing Russophobia agenda in the international political space. The expansion of the area of the neoliberal Western project not only contributes to the emergence of a crisis of respect and mutual trust between countries, but also creates conditions for rethinking the role and place of Russia in the modern world.

Key words: national consciousness, identity, neoliberalism, civilization, Russian world, national awareness, national ideology, Russophobia.

Voznesenckiy I.S.

Shastina A.E.

Social risks of technosphere development

The article raises the issue, which was figuratively expressed in the third law of the writer Arthur C. Clarke, which is that “any sufficiently advanced technology is indistinguishable from magic.” The paradoxical nature of the technological development of society lies in the fact that as the technical capabilities expand, the technosphere absorbs more and more practices that are unthinkable and previously imagined, fantastic. Their implementation dramatically transforms the life of society, creating new imbalances in it and provoking social neuroses on a technological basis.

Key words: society, progress, technosphere, risks, technological education.

Dmitrieva I.S.

Sociocultural adaptation of migrants: conceptualization, stages and their dynamics

The article is devoted to the theoretical analysis of studying the problem of the dynamics of the stages of socio-cultural adaptation of migrants in a foreign cultural environment. The concepts of culture shock, sociocultural adaptation curve and dynamics of adaptation stages are considered. The main conceptual ideas of researchers of the dynamics of the stages of adaptation of migrants are analyzed. It is concluded that, despite the significant number of existing constructs for the dynamics of adaptation stages, most authors tend to “ideal construct” of a wavy adaptation curve, which has the dynamics of an

alternating rise and fall in the migrant's social well-being and occurs over a long period of time. It was revealed that a migrant can go through each stage of adaptation with varying degrees of severity or duration, taking into account a number of factors: the length of stay in another country, the level of passive and active inclusion, the availability of the necessary social capital, previous experience of migration to the host country, the degree of inclination to adapt and establish realistic adaptation goals, which can serve as a meaningful subject field for modern and future sociological research.

Key words: multicultural societies, culture shock, adaptation process curve, cultural signs, cultural codes, stages of adaptation.

Lukinova I.A.

Education as an existential value: philosophical reflections

This article is devoted to the philosophical understanding of the main essential aspects of the phenomenon of education as a value: ontological, epistemological, anthropological, axiological, social, etc. The author's conceptual version of their holistic interpretation is proposed, which, in turn, depends on the successful implementation of all the main functions of education in human society, the main of which is precisely the existential one: education as a value is the primary factor in the continuation of the human race, its true development.

Key words: value, education, ontology, epistemology, anthropology, axiology, activity, catastrophe, phenomenon of life, phenomenon of man, task (mission) of existence and activity of man, man as a given, man as the Absolute.

Popov S.I.

«Forecourts» for playing the world and a «crusade» against philosophy

Observing the bases and "directions" of "crusades" against philosophy in the history of intellectual culture is considered. The process of emergence and historical formation of philosophy as a form of rationality and its foundation is analyzed. The formation of rationality is seen as a sequence of changing mental "platforms." Philosophical platforms of thinking are being revealed as those platforms that act like the spiritual foundations of a particular intellectual era and, at the same time, the points of spiritual rejection of this era. A new mental platform, developing the previous one, each time more and more accurately specifies the circle of spiritual phenomena, with respect to those it acts as opposition. Discussing the alleged contours of the modern thinking platform, fate of philosophy and philosophers in our time is taking place.

Key words: thinking platform, rationality, Philosophy, crusade against Philosophy, Metaphysics, science, positivism, Christianity.

Kannikin S.V.

Metaphysical components of the socio-cultural foundations of outstanding sporting achievements of stayers from Kenya and Ethiopia

The author focused on the values, meanings and norms as exponents of the sociocultural, derived from the mythology, religion and philosophy of African peoples and manifested in the sports and related practices of famous distance runners of the region under consideration. In East African mythology, running was a way of determining the fate of humanity and a criterion for marital potential; preparation for a socially significant endurance race (collective hunting, cattle stealing, etc.) was associated with the initiatory practice of circumcision, as well as with rituals manifested in specific dance and ritualized movements. European missionaries, overcoming the mythological views of Africans, transferred the running classes of Kenyans and Ethiopians to the sports plane, and the cult of martyrdom and suffering as the fulfillment of the divine will in Christianity had a significant impact on the running motivation of stayers. In the philosophical heritage of African peoples, the concepts of L.S. Sengora, the ideas of ubuntu, negritu, and broadly understood Afropolitanism, which allow us to understand the motivation of African runners, aiming with their victories to showcase a successful Africa.

Key words: afropolitanism, negritude, ubuntu, religions of East Africa, East African mythology, philosophy of sports, endurance running, sociocultural foundations, African philosophy, East African stayers.

Аннотации

Шиндель С.В.

Семухина Е.А.

Семёнова Т.В.

Смыслообраз аббатства святого Антония в романе Г. Бёлля «Бильярд в половине десятого»

Статья посвящена раскрытию сущности смыслообраза аббатства Святого Антония в произведении Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого». Роман представляет собой кульминацию этических и эстетических взглядов, своего рода «квинтэссенцию» нравственного императива немецкого писателя. С историей Германии тесно связана судьба Генриха Бёлля, равно как и жизнь вымышленной династии архитекторов Фёмель в произведении писателя. В романе аббатство символизирует старую Германию, мир, который породил две войны и фашизм, обернулся невосполнимыми потерями для семьи Фёмель в частности, и для народа Германии в целом.

Ключевые слова: Генрих Бёллер, роман «Бильярд в половине десятого», смыслообраз, аббатство святого Антония, Германия, XX век, фашизм, война.

Пиляк С.А.

Государственно-конфессиональные отношения в сохранении храмового наследия

Одной из важных задач государственного управления, в том числе и государственно-конфессиональных отношений, является сохранение объектов культурного наследия. Материальные свидетельства минувших эпох – здания, сооружения, археологические памятники, комплексы и ансамбли, достопримечательные места, становятся общепризнанными ценностями в том случае, когда их материальная ценность начинает уступать духовной значимости. Нередко вследствие продолжительного, подчас многовекового срока жизни объектов культурного наследия на протяжении их существования неоднократно изменяется их функциональное наполнение, что способно, в свою очередь, значительно усложнить сохранение этого наследия для последующих поколений. Особо остро к настоящему моменту стоит вопрос сохранения памятников деревянной храмовой архитектуры, или деревянного зодчества. Анализ этой сферы с целью формирования практически ценных предложений является целью исследования, предварительные результаты которого представлены в статье.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, деревянное зодчество, наследие, храмовое наследие, актуализация наследия.

Шастина А.Е.

Глобальное социальное пространство в ракурсе проблем поликонфессиональности и постсекуляриности

В статье анализируются эвристические возможности такой отраслевой социологии, как социология религии, представлять достаточно достоверную картину формирования глобального социального пространства. В нем активными действующими лицами выступают не только индивиды, но и многочисленные социальные объединения, а также правительственные и неправительственные организации. Соединение предметных полей социологии религии и социологии международных отношений позволяет использовать язык религии, становящийся богаче благодаря распространению поликонфессиональности и постсекуляризма, для объяснения ряда сложных процессов, наблюдаемых в международной жизни.

Ключевые слова: глобализация, социология религии, социальное пространство, язык религии, поликонфессиональность, постсекуляризм.

Гаврилов Д.М.

Современные художественные самоорганизации в регионах России

В статье рассматривается феномен горизонтальных художественных самоорганизаций в контексте регионов России. Опираясь на такие исследовательские проекты как «Открытые системы» и «Анатомия художественной среды», автор анализирует опыт нескольких городов и областей страны, прослеживая как особенности, так и закономерности развития независимых выставочных пространств, фестивалей и художественных инициатив.

Ключевые слова: самоорганизации, современное искусство, выставки, регионы.

Данакин Н.С.

Сафонов К.Б.

Литвинова Г.А.

Гуманность и функциональность в развитии организации: возможность консенсуса

Эволюцию представлений о гуманизации отношений «человек – организация» можно представить в виде типичных подходов, сменяющих друг друга с течением времени. При этом данные перемены не дискретны, что подразумевает возможность сосуществования подходов. В зависимости от путей удовлетворения потребностей, учета способностей и создания условий для утверждения субъектности человека выделяются функциональный, гуманистический и интегральный подходы, позволяющие в разной степени соблюдать баланс интересов и учитывать особенности как организационных структур, так и их сотрудников.

Ключевые слова: гуманность, функциональность, организация, консенсус, интегральность, трансформация, организация, модель.

Петрова С.И.

Петров И.Ф.

Проблема социальной изменчивости

Статья посвящена проблеме социальных изменений. Человек сталкивается с ними как во время своего биологического роста, так и в стремлении рационализировать свои жизненные трудности или организовать социальную карьеру. И хотя каждый из этих моментов отличается от других, их объединяет количественная и качественная парадигма: «возникновение, увеличение, уменьшение, повторение, развитие». Статья посвящена анализу различных концепций трансформации социума, в которых «социальные изменения» определяются, прежде всего, как изменения, происходящие в социальных системах, определенном континууме времени и пространстве. Эти изменения проявляются в следующих формах: формирование, возникновение, рост, упадок, исчезновение, переходные периоды, преобразование и др. Направление изменений в социальных системах интерпретируется по-разному: цикличность, линейность и т.д. Если говорить о существующей традиции типологии социальных изменений в науке, то обычно выделяют следующие виды: революции, реформы, модернизация, трансформация, движения и некоторые другие.

Ключевые слова: общество, социальные изменения, трансформация, социум, социальная система, изменчивость.

Андреевская Ж.В.

Национальное сознание в контексте современных глобальных вызовов

Феномен национального сознания в настоящее время становится частой темой в отечественном общественном дискурсе. Подобное внимание общества не случайно и вызвано поиском смыслов в условиях возрастания русофобской повестки в международном политическом пространстве. Расширение ареала неолиберального западного проекта не только способствуют появлению кризиса уважения и взаимного доверия между странами, но и создает условия к переосмыслению роли и места России в современном мире.

Ключевые слова: национальное сознание, идентичность, неолиберализм, цивилизация, русский мир, национальное осознание, национальная идеология, русофобия.

Вознесенский И.С.

Шастина А.Е.

Социальные риски развития техносферы

В статье поднимается проблематика, которая образна была выражена в третьем законе писателя Артура Кларка, заключающегося в том, что «любая достаточно развитая технология неотличима от магии». Парадоксальность технологического развития социума состоит в том, что по мере расширения технических возможностей техносфера вбирает в себя все больше практик, немислимых и представляющих ранее воображаемыми, фантастическими. Их воплощение в жизнь резко трансформирует жизнь общества, создавая в нем новые дисбалансы и провоцируя социальные неврозы а технологической почве.

Ключевые слова: социум, прогресс, техносфера, риски, технологическое просвещение.

Дмитриева И.С.

Социокультурная адаптация мигрантов: концептуализация, этапы и их динамика

Статья посвящена теоретическому анализу изучения проблемы динамики этапов социокультурной адаптации мигрантов в инокультурной среде. Рассмотрены понятия культурного шока, кривой социокультурной адаптации и динамики этапов адаптации. Проанализированы главные концептуальные идеи исследователей динамики этапов адаптации мигрантов. Сделаны выводы, что, несмотря на значительное количество имеющихся конструкций динамики этапов адаптации, большинство авторов склоняются к «идеальному конструкту» волнообразной кривой адаптации, которая имеет динамику

попеременного подъема и спада социального самочувствия мигранта и происходит на протяжении длительного периода времени. Выявлено, что каждый этап адаптации мигрант может пережить с разной степенью тяжести или продолжительности, учитывая ряд факторов: продолжительность пребывания в другой стране, уровень пассивной и активной инклюзии, наличие необходимого социального капитала, предыдущего опыта миграции в страну пребывания, степень склонности к адаптации и установления реалистичных адаптационных целей, что может послужить содержательным предметным полем современных и будущих социологических исследований.

Ключевые слова: мультикультурные социумы, культурный шок, кривая процесса адаптации, культурные знаки, культурные коды, этапы адаптации.

Лукинова И.А.

Образование как экзистенциальная ценность: философские размышления

Данная статья посвящена философскому осмыслению главных сущностных сторон феномена образования как ценности: онтологической, гносеологической, антропологической, аксиологической, социальной и др. Предложен авторский концептуальный вариант их целостной трактовки, от которой, в свою очередь, зависит успешная реализация всех основных функций образования в человеческом обществе, главная из которых – именно экзистенциальная: образование как ценность есть первоочередной фактор продолжения рода человеческого, его подлинного развития.

Ключевые слова: ценность, образование, онтология, гносеология, антропология, аксиология, активность, катастрофа, феномен жизни, феномен человека, задание (миссия) существования и активности человека, человек как данность, человек как Абсолют.

Понов С.И.

«Площадки» для игры в мир и «поход» против философии

Исследуются основания и «маршруты» «походов» против философии в истории интеллектуальной культуры. Анализируется процесс возникновения и исторического становления философии как формы рациональности и ее фундамента. Становление рациональности видится в качестве последовательности сменяющихся мыслительных «площадок». Выявляются философские площадки мышления – те платформы, которые выступают духовными основаниями конкретной интеллектуальной эпохи и, одновременно, пунктами духовного неприятия этой эпохи. Новая мыслительная площадка, развивая предыдущую, каждый раз все точнее конкретизирует круг духовных явлений, относительно которых она находится в оппозиции. Обсуждаются предполагаемые контуры современной мыслительной площадки, судьба философии и философов в наше время.

Ключевые слова: мыслительная площадка, рациональность, философия, поход против философии, метафизика, наука, позитивизм, христианство.

Канькиин С.В.

Метафизические компоненты социокультурных оснований выдающихся спортивных достижений стайеров из Кении и Эфиопии

Автор сосредоточил внимание на ценностях, смыслах и нормах как выразителях социокультурного, извлекаемых из мифологии, религии и философии африканских народов и проявляющихся в спортивных и связанных с ними практиках известных бегунов-стайеров рассматриваемого региона. В мифологии Восточной Африки бег был способом определения судьбы человечества и критерием брачного потенциала; подготовка к социально значимому бегу на выносливость (коллективная охота, угон скота и пр.) была связана с иницилирующей практикой обрезания, а также с обрядностью, проявляющейся в специфических танцевальных и ритуализированных движениях. Европейские миссионеры, преодолевая мифологические воззрения африканцев, перевели беговые занятия кенийцев и эфиопов в спортивную плоскость, а культ мученичества и страданий как исполнения божественной воли в христианстве оказал значительное влияние на беговую мотивацию стайеров. В философском наследии африканских народов для понимания их успехов в беге на выносливость важными оказались концепции Л.С. Сенгора, идеи убунту, негритюда и расширительно понимаемого афрополитизма, которые позволяют понять мотивацию африканских бегунов, нацеленных своими победами на демонстрацию успешной Африки.

Ключевые слова: афрополитизм, негритюд, убунту, религии Восточной Африки, восточноафриканская мифология, философия спорта, бег на выносливость, социокультурные основания, африканская философия, стайеры Восточной Африки.

Authors

Andrievskaya Zh.V., Associate Professor, Candidate of Psychological Science. Doctoral candidate, Southern Federal University.

Danakin N.S., Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Dmitrieva I.S., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Marketing, Volgograd Branch of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov.

Gavrilov D.M., Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Culture, Institute of Arts and Culture, National Research Tomsk State University.

Kannikin S.V., PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities at Sary Oskol Technological Institute named after A. Ugarov, branch of National University of Science and Technology «MISIS».

Litvinova G.A., Postgraduate Student of Department of Sociology and Management Belgorod State Technological University.

Lukinova I.A., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer. Department of Ethnology and Philosophy, North Caucasian Federal University, Stavropol.

Petrova I.F., Doctor of Philosophy, Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Petrova S.I., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Pilyak S.A., Graduate student of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Popov S.I., PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturalology, Kemerovo State medical University.

Safonov K.B., PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of English, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Semukhina E.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Translation Studies and intercultural Communication. Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

Semyonova T.V., Senior lecturer of Department of Economics and Humanities, Engels Institute of Technology (branch) Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

Shastina A.E., Candidate of Pedagogical Sciences, associative professor of the Chair of Sociology and Management at Moscow Automobile and Road Construction State Technical University.

Shindel S.V., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of Department of Economics and Humanities. Engels Institute of Technology (branch). Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

Voznesenckiy I.S., Senior Lecturer, MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Авторы

Андреевская Ж.В. - доцент, кандидат психологических наук. Докторант, Южный Федеральный Университет.

Вознесенский И.С. - старший преподаватель, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Гаврилов Д.М. - аспирант кафедры теории и истории культуры Института Искусств и Культуры НИИ ТГУ (Институт искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета), Томск.

Данакин Н.С. - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Дмитриева И.С. - кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Волгоградского филиала РЭУ (Волгоградского филиала РЭУ имени Г.В. Плеханова) имени Г.В. Плеханова.

Канькикин С.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт имени А.А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС».

Литвинова Г.А. - аспирант кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Лукинова И.А. - кандидат философских наук, преподаватель. Кафедра этнологии и философии, Северо-кавказский федеральный университет, г. Ставрополь.

Петров И.Ф. - доктор философских наук, профессор. Академия маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар.

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар.

Пяляк С.А. - магистрант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Попов С.И. - кандидат философских наук, Кемеровский государственный медицинский университет.

Сафонов К.Б. - кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого.

Семёнова Т.В. - старший преподаватель кафедры экономики и гуманитарных наук Энгельсского технологического института (филиала СГТУ) Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина.

Семухина Е.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина.

Шастина А.Е. - кандидат педагогических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Шиндель С.В. - кандидат культурологии, доцент кафедры экономики и гуманитарных наук Энгельсского технологического института (филиала СГТУ) Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина.